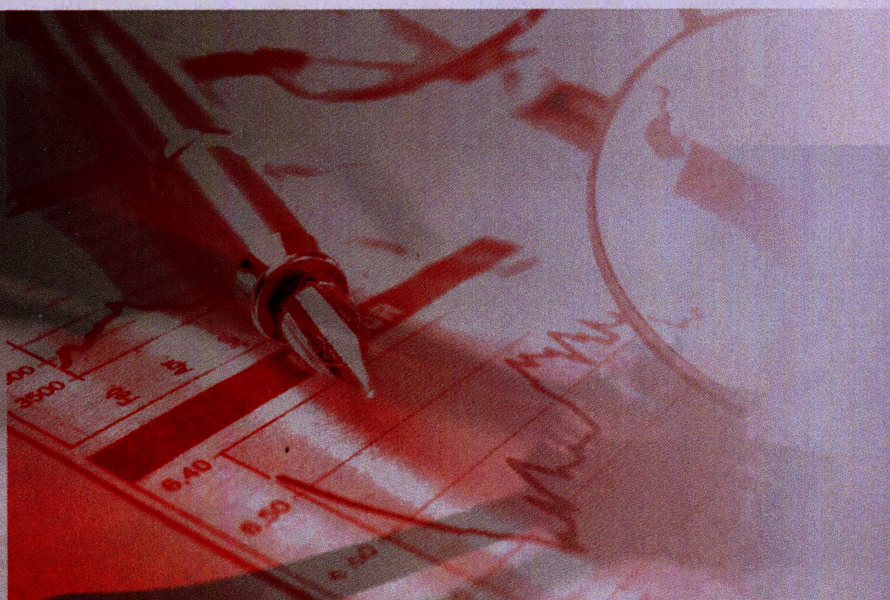

ISSN 2414-5815

ПРАВО ЭКОНОМИКА ПСИХОЛОГИЯ

№ 3(35)

2024
ВИТЕБСК

ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ

Научно-практический журнал

Выходит 4 раза в год. Издаётся с января 2015 года

2024 № 3(35)

Учредитель: учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Главный редактор:

В.В. Богатырёва

Редакционная коллегия:

С.В. Агиевец (ответственный за раздел «Право»),
Э.В. Павлыш (ответственный за раздел «Экономика»),
С.Л. Богомаз (ответственный за раздел «Психология»),
Е.М. Бахмат, В.Н. Бибило, А.В. Бугаев,
Е.В. Ванкевич, Г.А. Василевич,
П.В. Гурщенков, Д.М. Демичев,
А.Г. Егорова, В.С. Елисеев,
Е.Ф. Ивашкевич, Т.В. Казак,
Т.Е. Косаревская, С.В. Лауткина,
А.Н. Пастушеня, Л.А. Пергаменщик,
Л.Ф. Трацевская, Е.Е. Фролова,
И.А. Фурманов, И.И. Шматков,
В.А. Янчук

Редакционный совет:

Т.В. Воронович (Беларусь),
С.А. Трахименко (Беларусь),
В.М. Хомич (Беларусь),
Н.А. Адамов (Россия),
Л.В. Виницкий (Россия),
Р.А. Курбанов (Россия),
В.А. Мазилев (Россия),
К.В. Павлов (Россия),
А.И. Савенков (Россия),
С.М. Шингаев (Россия)

Научно-практический журнал
«Право. Экономика. Психология»
включен в Перечень
научных изданий
Республики Беларусь
для опубликования результатов
диссертационных исследований
по юридической, экономической
и психологической отраслям науки

Адрес редакции:
210038, Беларусь,
г. Витебск, Московский пр-т, 33
Тел.: +375 (212) 37-48-93
E-mail: nauka@vsu.by
http://www.vsu.by

Журнал зарегистрирован
в Министерстве информации
Республики Беларусь
за № 1806 от 08.02.2016

ПРАВО

Курлович Р.В. Отдельные проблемы формирования категорий сведений, относящихся к служебной информации ограниченного распространения, и направления по их преодолению 3

Ораматов Э.Д. Социальные ценности как основа мусульманской правовой системы 12

Петров А.П., Багдасарян Г.А., Петров В.А. К вопросу о проблемах поддержания государственного обвинения в суде 18

Агиевец С.В., Бурак Я.А. Правовые и организационные меры минимизации коррупционных проявлений при оказании медицинской помощи 23

ЭКОНОМИКА

Мартынова А.В., Побяржина Т.П. Использование модели Дюпона для оценки эффективности деятельности белорусских компаний 29

Квасникова В.В. Особенности развития организаций малого и среднего предпринимательства в Витебской области 39

Горбылева З.М., Шамардина И.А. Становление и формирование системы подготовки кадров для индустрии туризма с участием России и Беларуси 49

Павлыш Э.В., Семёнова Е.А., Типанова Е.И. Анализ влияния денежно-кредитной сферы на экономическое развитие Республики Беларусь в условиях геополитической нестабильности 57

ПСИХОЛОГИЯ

Пастушеня А.Н. Профессиональная позиция личности: основные стороны проявления 66

Фабрикант М.С. Индекс дифференцированности доверия к информации как индикатор когнитивной сложности 73

Ильин Е.А. Дефиниции понятий «идентичность» и «гражданская идентичность» в качестве комплексного психолого-педагогического концепта 80

Лаптева А.В., Андреева И.Н. Субъективное социальное благополучие мужчин и женщин в зависимости от наличия близкого друга (на примере ранней взрослости) 87

LAW. ECONOMICS. PSYCHOLOGY

Scientific and practical journal

Issued 4 times a year. Published since January 2015

2024 № 3(35)

Founder: Educational Establishment
"Vitebsk State P.M. Masherov University"

Editor-in-Chief:

V.V. Bogatyreva

Editorial Board:

S.V. Agiyevets (in charge
of the Law Studies section),
E.V. Pavlysh (in charge
of the Economics Studies section),
S.L. Bogomaz (in charge
of the Psychology Studies section),
E.M. Bakhmat, V.N. Bibilo, A.V. Bugayev,
E.V. Vankevich, G.A. Vasilevich,
P.V. Gurschenkov, D.M. Demichev,
A.G. Egorova, V.S. Yeliseyev,
E.F. Ivashkevich, T.V. Kazak,
T.E. Kosarevskaya, S.V. Lautkina,
A.N. Pastushenia, L.A. Pergamenshchik,
L.F. Tratshevskaya, E.E. Frolova,
I.A. Furmanov, I.I. Shmatkov,
V.A. Yanchuk

Editorial Council:

T.V. Voronovich (Belarus),
S.A. Trakhimenok (Belarus),
V.M. Khomich (Belarus),
N.A. Adamov (Russia),
L.V. Vinnitski (Russia),
R.A. Kurbanov (Russia),
V.A. Mazilov (Russia),
K.V. Pavlov (Russia),
A.I. Savenkov (Russia),
S.M. Shingayev (Russia)

Scientific and practical journal
"Law. Economics. Psychology"
is included in the List of scientific
publications
of the Republic of Belarus
for publication of the results
of dissertation research
in law, economic and psychological
fields of science

Edition address:
210038, Belarus,
Vitebsk, 33 Moskovsky Prospect
Tel.: +375 (212) 37-48-93
E-mail: nauka@vsu.by
<http://www.vsu.by>

The journal is registered
in the Ministry of Information
of the Republic of Belarus
under № 1806 dated 08.02.2016

LAW

- Kurlovich R.V.** Some Problems of the Formation of Information Categories
Related to Official Information of Limited Distribution and Ways to Overcome
Them 3
- Orametov E.D.** Social Values as the Basis of the Muslim Legal System 12
- Petrov A.P., Bagdasaryan G.A., Petrov V.A.** On the Issue of Maintaining
State Prosecution in Court Problems 18
- Ahiyevets S.V., Burak Ya.A.** Legal and Organizational Measures to Minimize
Corruption in the Provision of Medical Care 23

ECONOMICS

- Martynova A.V., Pobiarzhina T.P.** Application of DuPont Model to Assess
the Performance of Belarusian Companies 29
- Kvasnikova V.V.** Features of the Development of Small and Medium Size
Enterprises in Vitebsk Region 39
- Gorbyleva Z.M., Shamardina I.A.** Shaping and Development of the Staff
Training System for the Tourism Industry with the Participation of Russia
and Belarus 49
- Pavlysh E.V., Semyonova E.A., Tipanova E.I.** Influence of the Monetary
Sphere on the Economic Development of the Republic of Belarus in the Conditions
of Geopolitical Instability 57

PSYCHOLOGY

- Pastushenia A.N.** Professional Position of the Individual: Main Sides
of Manifestation 66
- Fabrykant M.S.** Trust in Information Differentiation Index as a Cognitive
Complexity Indicator 73
- Ilyin E.A.** Definitions of the Concepts of Identity and Civic Identity
as a Comprehensive Psychological and Pedagogical Construct 80
- Lapteva A.V., Andreyeva I.N.** Subjective Social Well-Being of Men
and Women Depending on the Presence of a Close Friend (Using the Example
of Early Adulthood) 87

УДК 342.951(476)

Отдельные проблемы формирования категорий сведений, относящихся к служебной информации ограниченного распространения, и направления по их преодолению

Курлович Р.В.

Государственный пограничный комитет Республики Беларусь

В соответствии с Законом Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» в зависимости от категории доступа информация делится на общедоступную и информацию, распространение и (или) предоставление которой ограничено (одним из видов которой является служебная информация ограниченного распространения). В статье осуществлена разработка концептуальных положений определения категорий сведений, относящихся к служебной информации ограниченного распространения, необходимых для включения в соответствующий перечень.

Цель работы – выработка критериев отнесения сведений к служебной информации ограниченного распространения и прикладных рекомендаций по внесению изменений и дополнений в законодательство Республики Беларусь.

Материал и методы. Материалом для научного исследования послужили национальное и зарубежное законодательство об информации, научные работы отечественных и зарубежных ученых, изучавших различные аспекты правового регулирования оборота защищаемой информации, вопросы информационной безопасности и особенности административно-правовых режимов конфиденциальной информации, в том числе служебной информации ограниченного распространения. В качестве основных методов использовались системный анализ, формально-юридический и сравнительно-правовой метод, метод толкования правовых норм.

Результаты и их обсуждение. Результаты анализа республиканского перечня сведений показывают, что он не позволяет однозначно толковать отдельные закрепленные в нем категории таких сведений. Акцентируется внимание на том, что в настоящее время в Республике Беларусь создана система, позволяющая без надлежащего обоснования относить сведения к служебной информации ограниченного распространения. Вместе с тем отсутствие четкого понимания, какие сведения могут привести, а в большинстве случаев и должны быть отнесены к служебной информации ограниченного распространения, как к нарушению конституционных прав граждан, так и к разглашению таких сведений, что снизит эффективность проводимых уполномоченными органами мероприятий в соответствующих сферах общественных отношений. Сформулированы предложения по совершенствованию национального законодательства.

Заключение. В настоящее время в Республике Беларусь отсутствуют единые подходы к определению категорий сведений, которые относятся к служебной информации ограниченного распространения. Отдельные категории сведений, определенные в республиканском перечне сведений, относящихся к служебной информации ограниченного распространения, либо слишком общие по содержанию, либо в определенной мере абстрактны и на основании их невозможно надлежащим образом осуществлять отнесение сведений к такой информации. Пункт 114 республиканского перечня сведений, относящихся к служебной информации ограниченного распространения, закрепляет возможность отнесения к служебной информации ограниченного распространения практически любой информации о деятельности государственного органа и иной организации.

Ключевые слова: государственные секреты, государство, защита информации, категории, личность, общество, ограничительный гриф, отнесение, перечень, право, разглашение, распространение, сведения, служебная информация.

Some Problems of the Formation of Information Categories Related to Official Information of Limited Distribution and Ways to Overcome Them

Kurlovich R.V.

State Border Committee of the Republic of Belarus

In accordance with the Law of the Republic of Belarus «On information, informatization and information protection», depending on the category of access, information is divided into publicly available and information, the distribution and (or) provision of which is limited, one of the types of which is official information of limited distribution. The article develops conceptual provisions for defining categories of information related to official information of limited distribution, which must be included in the appropriate list.

The purpose of the work is to develop criteria for classifying information as official information of limited distribution and applied recommendations on making amendments and additions to the legislation of the Republic of Belarus.

Material and methods. *The material for the research was national and foreign legislation on information, scientific works of domestic and foreign scientists who studied various aspects of legal regulation of the circulation of protected information, information security issues and features of the administrative and legal regime of confidential information, including official information of limited distribution. The main methods used were system analysis, formal legal and comparative legal methods, methods of interpretation of legal norms.*

Findingsh and their discussion. *The results of the analysis of the republican list of information show that it does not allow unambiguous interpretation of certain categories of such information fixed in it. It is emphasized that at present a system has been created in the Republic of Belarus that allows, without proper justification, to attribute information to official information of limited distribution. At the same time, the lack of clear understanding of what information can, and in most cases should be classified as official information of limited distribution can lead both to a violation of the constitutional rights of citizens and to their disclosure, which will reduce the efficiency of the activities carried out by authorized bodies in the corresponding areas of public relations. Proposals for improving national legislation are formulated.*

Conclusion. *Currently, there are no unified approaches in the Republic of Belarus to the definition of categories of information that relate to official information of limited distribution. Certain categories of information defined in the Republic list of information related to official information of limited distribution are either too general in content, or to a certain extent abstract and on the basis of them it is impossible to properly assign information to such information. Item 114 of the Republic list of information related to official information of limited distribution establishes the possibility of classifying almost any information about the activities of a state body and other institution as official information of limited distribution.*

Key words: *state secrets, state, information protection, categories, personality, society, restrictive classification, attribution, list, law, disclosure, dissemination, information, official information.*

В условиях динамичного развития общества, усложнения социально-экономической инфраструктуры государств информация становится таким же стратегическим фактором, как традиционные материальные ресурсы, а информационная сфера превращается в системообразующий фактор жизни людей, обществ и государств и является ареной межгосударственного противостояния. Происходит эволюция информационного противоборства как новой самостоятельной стратегической формы глобальной конкуренции. Усиливается роль и влияние средств массовой коммуникации

и глобальных коммуникационных механизмов на все сферы жизни общества. Электронные средства массовой коммуникации оказывают всеобъемлющее воздействие на общественно-экономические процессы, используются для провоцирования внутренних конфликтов и разрушения государств.

В результате реализации закрепленных полномочий в государственных органах и иных организациях сосредотачивается большой объем служебной информации ограниченного распространения о различных сторонах деятельности государства, общества, юридических лиц, кон-

кретных граждан и их личной жизни в военном, политическом, экономическом, моральном и имущественном аспектах. Для предупреждения и минимизации последствий негативного влияния на объекты национальной безопасности, которыми являются личность, общество и государство (п. 45 Концепции национальной безопасности), в большей степени важно обеспечить защиту информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено. Виды данной информации определены Законом Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» (далее – Закон об информации) (ст. 17) [1]. В развитие Закона об информации приняты законы, регулирующие общественные отношения в сфере обращения отдельных видов информации, распространение и(или) предоставление которой ограничено:

в целях защиты персональных данных – Закон Республики Беларусь от 07.05.2021 № 99-З «О защите персональных данных»;

для защиты государственных секретов – Закон Республики Беларусь от 19.07.2010 № 170-З «О государственных секретах»;

для регулирования отношений в области оборота коммерческой тайны – Закон Республики Беларусь от 05.01.2013 № 16-З «О коммерческой тайне»;

в целях регулирования отношений по мобилизации и использованию временно свободных денежных средств, составляющих банковскую тайну, – Банковский кодекс Республики Беларусь от 25.10.2000 № 441-З;

для защиты сведений, содержащихся в делах об административных правонарушениях и уголовных делах, – Процессуально-исполнительный кодекс об административных правонарушениях и Уголовно-процессуальный кодекс;

для защиты всех видов профессиональных тайн предусмотрены правовые нормы в соответствующих законах, которыми регулируются общественные отношения в данных сферах.

Служебная информация ограниченного распространения – единственный вид информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено, в отношении какого в Республике Беларусь не принят отдельный законодательный акт. Вместе с тем в силу недостаточной развитости режима оборота служебной информации ограниченного распространения в этой области сложился ряд проблем, в том числе в части отнесения сведений к служебной информации ограниченного распространения.

Анализ научно-практической литературы показывает, что в целом проблемы содержания, форм проявления административно-правовых режимов и иные различные аспекты правового регулирования вопросов оборота защищаемой информации нашли широкое отражение в исследованиях значительного количества авторов. Среди наиболее значимых исследований правового регулирования конфиденциальной информации, носящих общетеоретический, концептуальный характер, следует отметить монографии А.А. Фатьянова [2] и В.Н. Лопатина [3]. Концепция «информация» как явления и условия жизни общества, национальные интересы в информационной сфере как объект информационной безопасности исследована и изложена А.А. Стрельцовым [4]. На формирование научного осознания проблемы безопасности информации определяющее влияние оказывают результаты исследований А.А. Фатьянова [5], Л.К. Терещенко [6], В.А. Копылова [7], закрепляющие понятие и сущность феномена тайн, а также характеризующие правовой режим информации как правовой регулятор обеспечения ее безопасности. Теоретические положения защиты государственных секретов на монографическом уровне разрабатывались М.А. Вусом и А.В. Федоровым [8]. Вопросы информационной безопасности исследовали ряд ученых, в т.ч. О.С. Макаров [9] и Т.А. Полякова [10; 11]. Как отмечается, на базе работ, посвященных проблемам совершенствования законодательства в области информатизации, усилиями И.Л. Бачило, В.А. Копылова, А.Б. Агапова, М.М. Рассолова, А.В. Морозова и некоторых других ученых сформировалась новая отрасль права – информационное право, в рамках которого интенсивно исследуются проблемы правового режима информации, права и свободы человека и гражданина в области информационной деятельности и иные вопросы в сфере оборота охраняемой информации [12, с. 7].

Непосредственно вопросы сущности, правового регулирования, особенности административно-правового режима служебной информации ограниченного распространения исследовались О.С. Соколовой [13], Ю.В. Пономоревой [14], А.А. Антопольским [15], Н.С. Кармановским [16] и иными российскими учеными. На основании анализа российского законодательства порядок отнесения сведений к различным видам конфиденциальной информации изложен в учебном пособии Г.П. Жигулина [17, с. 28–40]. Вместе с тем в связи с отсутствием правовых норм

в законодательстве и исследований в данной сфере, в указанном пособии не изложен порядок отнесения сведений к служебной тайне (справочно: служебная тайна по законодательству Российской Федерации аналогична служебной информации ограниченного распространения в Республике Беларусь [18, п. 3]). В Республике Беларусь исследований аспектов правового регулирования, установления, поддержания и применения административно-правового режима оборота служебной информации ограниченного распространения, отнесения сведений к такой информации не проводилось.

Представляется, что надлежащая защита охраняемой информации, в том числе служебной информации ограниченного распространения, возможна только путем определения сведений (категорий сведений), подлежащих защите, и установления необходимого в существующих условиях соответствующего административно-правового режима их охраны. Вместе с тем национальное законодательство, устанавливая отдельные нормативные предписания по порядку обращения со служебной информацией ограниченного распространения, четко не закрепляет порядок отнесения сведений к такой информации и не определяет административно-правовой режим ее оборота. Сформированный в Республике Беларусь перечень категорий сведений, относящихся к служебной информации ограниченного распространения, не исключает неоднозначного толкования и применения по ряду внесенных в него категорий таких сведений, в связи с чем возникает некоторая неопределенность и неоднозначность при формировании такой информации и создании системы мер ее защиты, что способствует возникновению определенных сложностей и проблем и может привести к снижению эффективности ее защиты. В связи с этим требуется разработка концептуальных положений определения категорий сведений, относящихся к служебной информации ограниченного распространения.

Цель работы – выработка критериев отнесения сведений к служебной информации ограниченного распространения и прикладных рекомендаций по внесению изменений и дополнений в законодательство Республики Беларусь.

Материал и методы. Материалом для научного исследования послужили национальное и зарубежное законодательство об информации, научные работы отечественных и зарубежных ученых, исследовавших различные аспекты правового регулирования оборота защищаемой информации, вопросы информационной безопас-

ности и особенности административно-правовых режимов конфиденциальной информации, в том числе служебной информации ограниченного распространения. В качестве основных методов использовались системный анализ, формально-юридический и сравнительно-правовой метод, метод толкования правовых норм.

Результаты и их обсуждение. В соответствии с Законом об информации одним из видов информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено, является служебная информация ограниченного распространения, представляющая собой сведения, касающиеся деятельности государственного органа, юридического лица, распространение и (или) предоставление которых могут причинить вред национальной безопасности Республики Беларусь, общественному порядку, нравственности, правам, свободам и законным интересам физических лиц, в том числе их чести и достоинству, личной и семейной жизни, а также правам и законным интересам юридических лиц и неотнесенных к государственным секретам (ст. 181) [1]. Положениями части второй статьи 181 Закона об информации предусмотрено, что сведения относятся к служебной информации ограниченного распространения в соответствии с перечнем сведений, относящихся к служебной информации ограниченного распространения, определяемым Советом Министров Республики Беларусь, а также в случаях, предусмотренных законами Республики Беларусь и решениями Президента Республики Беларусь. Во исполнение статьи 181 Закона об информации Совет Министров постановлением от 12.08.2014 № 783 (далее – постановление № 783) [19]: утвердил Положение о порядке проставления ограничительного грифа «Для служебного пользования», грифа «Коммерческая тайна», и ведения делопроизводства по документам, содержащим такие виды информации (далее – Положение о ДСП); определил Перечень сведений, относящихся к служебной информации ограниченного распространения (далее – Перечень сведений ДСП). Данный Перечень закрепляет соответствующие категории сведений, на основании которых все государственные органы и иные организации Республики Беларусь относят сведения к служебной информации ограниченного распространения.

Вместе с тем изучение и анализ закрепленных в Перечне категорий сведений, а также практика его использования в правоохранительных и иных органах позволяет обозначить отдельные проблемные вопросы при отнесении сведений

к служебной информации ограниченного распространения, которые, как представляется, актуальны для ряда государственных органов и иных организаций Республики Беларусь.

Во-первых, отсутствуют единые подходы к определению категорий сведений, которые относятся к служебной информации ограниченного распространения.

В частности, в п. 9 Перечня сведений ДСП к данной информации отнесен ряд сведений об органах пограничной службы. При этом аналогичные сведения за иные правоохранительные органы не отнесены к такой информации. В данном контексте является не в полной мере обоснованной позиция разработчиков указанного нормативного правового акта, в соответствии с которой содержание приказов по личному составу за органы пограничной службы (абз. 8 п. 9 Перечня сведений ДСП) принесет однозначно больший вред национальной безопасности, общественному порядку и сотрудникам органов пограничной службы, чем содержание аналогичных приказов за органы государственной безопасности, органы внутренних дел, Службу безопасности Президента Республики Беларусь и иные правоохранительные органы, для которых такие предписания в Перечне отсутствуют. Данный вывод в полной мере относится и к абзацам 4–7 п. 9 Перечня сведений ДСП, а также еще к ряду пунктов данного перечня. Например: п. 16 (сведения об организации систем и средств защиты информации в информационных системах таможенных органов), п. 76 (сведения о системах оборудования отделений связи различными видами сигнализации и технической укреплённости).

Возможно, указанные выше и иные сведения, которые только в отдельных республиканских органах государственного управления (далее – РОГУ) и подчиненным им организациям отнесены законодателем к служебной информации ограниченного распространения, в остальных РОГУ отнесены к государственным секретам и поэтому сознательно не были включены в Перечень сведений ДСП. Однако в п. 3 постановления № 783 предписано РОГУ и иным юридическим лицам и организациям осуществлять отнесение сведений к служебной информации ограниченного распространения в соответствии с Перечнем сведений ДСП, если данные сведения не подлежат отнесению к государственным секретам и засекречиванию согласно законодательству о государственных секретах.

Вместе с тем ряд пунктов, включенных в Перечень сведений ДСП, являются наглядным

примером надлежащего закрепления в данном перечне категорий сведений, характерных для всех или нескольких государственных органов, распространение которых законодатель хочет ограничить. Например: п. 6 (сведения об организационно-штатной структуре, штатной численности правоохранительных и иных государственных органов и организаций), п. 20 (информация о составе оперативных групп и боевых расчетов пунктов управления), п. 28 (сведения, связанные с профессиональной деятельностью, разглашение которых может создать угрозу личной безопасности сотрудников правоохранительных органов и членов их семей, их имуществу), п. 29 (сведения о силах, средствах, формах и методах ведения предварительного расследования) и иные.

Во-вторых, отдельные категории сведений, определенные в Перечне сведений ДСП, либо слишком общие по содержанию, либо в определенной мере абстрактны.

Например, п. 11 Перечня сведений ДСП предусматривает отнесение к информации ограниченного распространения сведения о подготовке и проведении командно-штабных, оперативно-тактических мероприятий. Между тем, периодически проводимые совместные стратегические учения Вооруженных сил Российской Федерации и Республики Беларусь по содержанию и масштабу проведения не относятся ни к командно-штабным, ни к оперативно-тактическим мероприятиям. В связи с этим возникает вопрос – подпадают ли под данный пункт подобные мероприятия, масштаб которых выходит за рамки командно-штабных и оперативно-тактических? Второй проблемный вопрос в практическом применении указанного выше пункта заключается в том, что под «сведения о подготовке и проведении командно-штабных, оперативно-тактических мероприятий» можно отнести практически все сведения относительно данных мероприятий, в то же время отдельные этапы проведения этих мероприятий периодически освещаются в средствах массовой информации.

Схожими примерами неконкретного закрепления в Перечне сведений ДСП отдельных категорий сведений, которые законодатель хочет отнести к служебной информации ограниченного распространения, также являются: п. 10 (сведения в сфере деятельности внутренних войск Министерства внутренних дел по обеспечению служебно-боевых задач), п. 30 (сведения об органах прокуратуры в части обеспечения стоящих перед ними задач с учетом направлений деятельности). Также не совсем понятно, какие конкрет-

но сведения законодатель понимает в п. 13 (совокупность сведений об объекте информатизации, включенном в Государственный реестр критически важных объектов информатизации). Возникают, как представляется, закономерные вопросы: что понимается под «совокупностью сведений», с включением каких именно сведений информация становится ограниченного распространения, и наоборот, при отсутствии каких сведений эта информация не должна быть отнесена к таковой, поскольку не составляет их совокупность?

Обратным примером надлежащего закрепления в Перечне сведений ДСП отдельных категорий конкретных сведений можно привести п. 39 (сведения о дислокации постов и маршрутов патрулирования нарядами дорожно-патрульной службы ГАИ МВД), п. 64 (сведения о конкретных участках автомобильных дорог, предназначенных для взлета и посадки воздушных судов), п. 75 (схемы маршрутов по перевозке почты), пункты 99–102 (сведения в области геодезии и картографии) и ряд иных категорий сведений.

В-третьих, формулировка отдельных категорий сведений по своему содержанию или форме в определенной степени тождественны.

Наглядным подтверждением изложенного выше являются, например, формулировки п. 33 (сведения о способах изготовления наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов) и п. 107 (сведения о способе изготовления и применения наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров) данного Перечня.

Вместе с тем представляется целесообразным объединение в один пункт сведений, указанных в п. 47 (сведения о количестве, точном местонахождении и емкости подземных хранилищ нефти, нефтепродуктов (по каждому отдельному хранилищу)) и п. 48 (сведения о количестве, точном местонахождении и емкости подземных хранилищ газа (по каждому отдельному хранилищу), с перечислением в нем всех видов охраняемых объектов (подземные хранилища нефти, нефтепродуктов, газа)). Тождественны, по сути, пункты 51–53 (привязка на генеральном плане местности...), в которых также перечисляются разные виды охраняемых объектов.

В-четвертых, в отдельных разделах Перечня сведений ДСП объединены различные по сути категории сведений из разных областей (направлений) служебной деятельности.

Анализ включенных в Перечень сведений ДСП категорий сведений, относящихся к служебной

информации ограниченного распространения, показывает, что название отдельных разделов Перечня сведений ДСП не отражает совокупность включенных в этот раздел категорий таких сведений, зачастую объединяя информацию о людях со сведениями о структурных схемах систем управления, либо сведения о характеристиках метрополитена с алгоритмами (инструкциями) работы уполномоченных сотрудников по обеспечению общественной безопасности и иными сведениями (защищаемыми объектами), в том числе используемыми в военное время.

Самым наглядным примером указанного выше является раздел «Транспорт», в котором объединены категории сведений о: технических характеристиках и схемах метрополитена; перевозках денежных знаков, валютных и иных ценностей, ядовитых и наркотических средств и психотропных веществ, иных специальных и военных перевозках; дислокации погрузочно-разгрузочных воинских устройств, военно-продовольственных и изоляционно-пропускных пунктов и дезинфекционных отрядов, законсервированных сооружений железнодорожной инфраструктуры и устройств, используемых в военное время; порядке осуществления досмотра багажа и вещей пассажиров воздушного судна; действиях членов экипажа и спецподразделения при захвате воздушного судна; об участках автомобильных дорог для взлета и посадки воздушных судов.

Подобные примеры можно привести и в иных разделах. Например:

в раздел «Вопросы гражданской обороны, предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, заимствования материальных средств» в том числе включена информация о составе оперативных групп и боевых расчетов пунктов управления. Несмотря на то, что такая информация в большей степени актуальна и формируется в иных направлениях служебной деятельности, указанная категория сведений включена в этот раздел;

в раздел «Медико-санитарные вопросы» наряду с иными включены сведения о мобилизационных мощностях по производству бактериальных препаратов, их запасах и поставках на военное время. Представляется обоснованным, что все категории сведений, раскрывающие вопросы мобилизации и поставки в военное время, должны быть включены в раздел «Мобилизационные вопросы» и именно там их в первую очередь будут искать исполнители подобных документов.

В-пятых, изложение п. 114 Перечня сведений ДСП («Иные сведения...») в действующей

редакции закрепляет возможность отнесения к служебной информации ограниченного распространения практически любой информации о деятельности государственного органа, государственной организации, иного юридического лица и организации, не являющейся юридическим лицом.

Представляется обоснованным рассматривать проставление на носителях информации, как грифов секретности, так и грифа «Для служебного пользования» в целях ограничения предоставления и (или) распространения содержащейся на них информации, что, как следствие, ограничивает закрепленное в ст. 34 Конституции Республики Беларусь право граждан на пользование информацией. С учетом этого отнесение сведений к служебной информации ограниченного распространения на основании п. 114 Перечня сведений ДСП «Иные сведения...» (при отсутствии ведомственного Перечня сведений ДСП) создает предпосылки: для возникновения коррупционных правонарушений и иных злоупотреблений при ограничении конституционного права граждан на пользование информацией; неправомерного (необоснованного) привлечения к установленной законодательством ответственности лиц, виновных в утрате документов или разглашении сведений, в случае необоснованного их отнесения к служебной информации ограниченного распространения.

В подтверждение обоснованности изложенных выше предположений необходимо отметить, что в Конвенции ООН против коррупции, наряду с усилением прозрачности принятия решений, финансирования, закупок и расходования материальных средств, требование информационной открытости и обеспечения для населения эффективного доступа к информации названо одним из основных факторов, способных обеспечить снижение уровня коррумпированности власти (статьи 7, 9, 10, 12, 13) [20].

Кроме того, анализ мнений ученых и исследователей, изучавших историю развития института тайн, показывает, что в СССР, как и в других государствах, институт тайны постепенно становился одним из наиболее эффективных инструментов управления жизнью населения. Ограничение права граждан часто осуществлялось для сокрытия огрехов и ошибок политического управления в стране, а нанесение большого количества различных грифов, по мнению Ю.В. Пономаревой, давало неограниченные возможности для сокрытия той или иной информации [14, с. 31]; сокрытия сведений, разглашение которых могло представить власть в невыгодном

свете [16, с. 8]. Как отмечает А.А. Фатьянов, «институт сведений ограниченного распространения, рамочно не определенный никакими перечнями, как раз и был тем самым злополучным “главлитовским” шлюзом, бюрократической рогаткой, с помощью которой партийно-советский аппарат ограничивал доступ граждан и средств массовой информации к тем сведениям, которые почитал за благо от них скрыть. Этому способствовала крайне облегченная процедура установления ограничительной отметки “Для служебного пользования” на любом официальном документе» [2, с. 137].

Также в случае обращения лица, привлеченного к ответственности за разглашение служебной информации ограниченного распространения или утрату их носителей, в суд в настоящее время невозможно достоверно определить обоснованность отнесения сведений к служебной информации ограниченного распространения. Однако необходимо отметить, что суд при вынесении решения по делам о разглашении или утрате государственных секретов в обязательном порядке истребует экспертное заключение о наличии, либо отсутствии в разглашенных или утраченных сведениях государственных секретов и степени их секретности.

Следует подчеркнуть, что, в том числе, с целью исключения возможных злоупотреблений при ограничении права граждан на информацию в Законе Республики Беларусь от 19.07.2010 № 170-З «О государственных секретах» закреплено, что к государственным секретам могут быть отнесены «иные сведения <...>, которые включаются в перечень сведений, подлежащих отнесению к государственным секретам» (абз. 32 ст. 14). Данный закон также предписывает всем государственным органам и иным организациям, наделенным полномочием по отнесению сведений к государственным секретам, в сфере своей деятельности разработать и утвердить ведомственные перечни сведений, подлежащих засекречиванию (ч. 3 ст. 19). Вместе с тем Закон об информации и постановление № 783 таких нормативных предписаний не устанавливают.

Практика применения Перечня сведений ДСП показывает, что сотрудники РОГУ и иные юридические лица и организации зачастую неодинаково трактуют и понимают включенные в Перечень категории сведений, относящихся к служебной информации ограниченного распространения. В большей степени это характерно при применении п. 114 Перечня сведений ДСП «Иные сведения...», а также категорий сведений, не конкретно сформулированных в нем.

Заключение. Изложенное в статье позволяет сделать следующие выводы.

1. В современных условиях служебная информация ограниченного распространения является одним из важных средств защиты прав и законных интересов личности и общества, интересов государства. Использование данного института позволяет не допустить причинения вреда охраняемым интересам. Наряду с этим несовершенство законодательства Республики Беларусь, в том числе республиканского перечня сведений, относящихся к служебной информации ограниченного распространения, создает определенные сложности в формировании подобной информации и ее использовании в деятельности уполномоченных субъектов.

2. В настоящее время в Республике Беларусь отсутствуют единые подходы к определению категорий сведений, которые относятся к служебной информации ограниченного распространения. Отдельные категории сведений, определенные в республиканском перечне сведений, относящихся к служебной информации ограниченного распространения, либо слишком общие по содержанию, либо в определенной мере абстрактны и на основании их невозможно надлежащим образом осуществлять формирование к такой информации.

3. Пункт 114 республиканского перечня сведений, относящихся к служебной информации ограниченного распространения, закрепляет возможность отнесения к служебной информации ограниченного распространения практически любой информации о деятельности государственного органа, государственной организации, иного юридического лица и организации, не являющейся юридическим лицом.

4. Отсутствие четко обозначенных критериев, какие сведения могут, а в большинстве случаев и должны быть отнесены к служебной информации ограниченного распространения:

может привести к нарушению конституционных прав граждан на информацию, а также к нарушению прав и законных интересов юридических лиц и иных организаций;

создает предпосылки для возникновения коррупционных правонарушений и иных злоупотреблений со стороны государственных органов и иных организаций;

может способствовать неправомерному (необоснованному) привлечению к установленной законодательством ответственности лиц, виновных в утрате документов или разглашении све-

дений, в случае необоснованного их отнесения к служебной информации ограниченного распространения;

может привести к их разглашению, что снизит эффективность проводимых уполномоченными органами мероприятий в соответствующих сферах общественных отношений, либо, напротив, будут приняты излишние меры предосторожности по обеспечению сохранности сведений, не требующих защиты, что повлечет необоснованный дополнительный расход людских и материальных ресурсов, а также денежных средств.

5. Перспективными направлениями решения указанных в статье проблемных вопросов являются следующие предложения по изменению законодательства Республики Беларусь:

5.1. в постановлении Совета Министров от 12.08.2014 № 783:

пункт 3 дополнить частью второй следующего содержания:

«При необходимости отнесения к служебной информации ограниченного распространения сведений, не указанных в приложении к настоящему постановлению, государственные органы и иные организации обязаны разработать и утвердить ведомственные перечни сведений, относящихся к служебной информации ограниченного распространения, на основе сведений, указанных в приложении к настоящему постановлению»;

в пункте 4 часть вторую исключить;

5.2. в Положении о ДСП часть первую пункта 3 изложить в следующей редакции: «3. На документах (приложениях к документам), содержащих служебную информацию ограниченного распространения, а также на проектах и сопроводительных письмах к ним в правом верхнем углу первой страницы документа и сопроводительного письма проставляется ограничительный гриф «Для служебного пользования», номер экземпляра и пункт республиканского или ведомственного перечня сведений или реквизиты акта комиссии, согласно которым сведения отнесены к служебной информации ограниченного распространения»;

5.3. в приложении к постановлению Совета Министров от 12.08.2014 № 783, в котором изложен республиканский перечень сведений ДСП:

1) уточнить (актуализировать) категории сведений, которые относятся к служебной информации ограниченного распространения. При этом целесообразно:

применять единые подходы к определению категорий сведений;

исключить тождественные сведения и практику включения общих (неконкретных) категорий сведений, под которые можно отнести практически всю информацию, формирующуюся в данной области (направлении) служебной деятельности;

пересмотреть название разделов, при этом категории сведений объединять по защищаемым объектам национальной безопасности: личность (безопасности человека), общество (общественная безопасность), государство (оборона и государственная безопасность). Внутри указанных разделов при необходимости осуществлять деление на подразделы по направлениям служебной деятельности;

2) пункт 114 «Иные сведения» после слов «не являющихся юридическими лицами» дополнить словами «, которые включаются в ведомственный перечень сведений, подлежащих отнесению к служебной информации ограниченного распространения».

Сформулированные предложения объективно будут способствовать прозрачности и законности отнесения сведений к служебной информации ограниченного распространения, а, следовательно, соблюдению Конституции Республики Беларусь при ограничении права граждан на информацию. Данные меры позволят: исключить (минимизировать) субъективный фактор исполнителя (уполномоченного лица) при отнесении сведений к служебной информации ограниченного распространения; повысить эффективность защиты охраняемых сведений; исключить необоснованный расход людских и материальных ресурсов по обеспечению сохранности сведений, не требующих защиты.

Литература

1. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г., № 455-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 10.10.2022 № 209-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
2. Фатьянов, А.А. Тайна и право (основные системы ограничений на доступ к информации в российском праве): монография / А.А. Фатьянов. – М.: МИФИ, 1999. – 288 с.
3. Лопатин, В.Н. Информационная безопасность России. Человек, общество, государство / В.Н. Лопатин. – СПб.: Университет, 2000. – 424 с.
4. Стрельцов, А.А. Правовое обеспечение информационной безопасности России: теоретические и методологические основы / А.А. Стрельцов. – Минск: БЕЛЛИТФОНД, 2005. – 304 с.
5. Фатьянов, А.А. Правовое обеспечение безопасности информации в Российской Федерации: учеб. пособие / А.А. Фатьянов. – М.: Юрист, 2001. – 412 с.
6. Терещенко, Л.К. Правовой режим информации [Электронный ресурс]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14 / Л.К. Терещенко. – М.: РГБ, 2011. – 415 л.
7. Копылов, В.А. Информационное право: учебник / В.А. Копылов. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Юрист, 2003. – 512 с.
8. Государственная тайна и ее защита в Российской Федерации: учеб.-метод. пособие / под общ. ред. М.А. Вуса и А.В. Федорова. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. – 623 с.
9. Макаров, О.С. Правовое обеспечение информационной безопасности на примере защиты государственных секретов государств – участников СНГ [Электронный ресурс]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.13 / О.С. Макаров. – М.: РГБ, 2014. – 363 л.
10. Полякова, Т.А. Правовое обеспечение информационной безопасности при построении информационного общества в России [Электронный ресурс]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14 / Т.А. Полякова. – М.: РГБ, 2008. – 438 л.
11. Организационное и правовое обеспечение информационной безопасности: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / под ред. Т.А. Поляковой, А.А. Стрельцова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2016. – 326 с.
12. Стрельцов, А.А. Теоретические и методологические основы правового обеспечения информационной безопасности России [Электронный ресурс]: дис. ... д-ра юрид. наук: 05.13.19 / А.А. Стрельцов. – М.: РГБ, 2004. – 371 л.
13. Соколова, О.С. Административно-правовые режимы конфиденциальной информации [Электронный ресурс]: дис... канд. юрид. наук: 12.00.14 / О.С. Соколова. – СПб.: РГБ, 2005. – 211 л.
14. Пономарева, Ю.В. Правовой режим служебной тайны: дис... канд. юрид. наук: 12.00.13 / Ю.В. Пономарева. – Челябинск, 2018. – 253 л.
15. Антопольский, А.А. Правовое регулирование информации ограниченного доступа в сфере государственного управления [Электронный ресурс]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / А.А. Антопольский. – М.: РГБ, 2004. – 289 л.
16. Кармановский, Н.С. Организационно-правовые основы охраны служебной тайны на предприятии: учеб. пособие / Н.С. Кармановский, С.Л. Савченко-Новопавловская. – СПб.: Университет ИТМО, 2018. – 75 с.
17. Жигулин, Г.П. Организационное и правовое обеспечение информационной безопасности / Г.П. Жигулин. – СПб.: НИУ ИТМО, 2014. – 173 с.
18. Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации, 6 марта 1997 г., № 188 // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/10200083/>. – Дата доступа: 19.10.2023.
19. О служебной информации ограниченного распространения и информации, составляющей коммерческую тайну [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 12 авг. 2014 г., № 783: в ред. от 10.04.2023 № 237 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
20. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции [Электронный ресурс]: принята резолюцией Генеральной Ассамблеи, 31 окт. 2003 г., № 58/4. – Режим доступа: <https://www.un.org/corruption>. – Дата доступа: 23.09.2023.

Поступила в редакцию 31.10.2023

Социальные ценности как основа мусульманской правовой системы

Ораметов Э.Д.

Витебский филиал УО ФПБ «Международный университет «МИТСО»»

Возникла необходимость актуализации социальных ценностей для более глубокого осмысления правовой концепции, правовой культуры, менталитета стран мусульманского мира, использования традиционного аксиологического потенциала для развития межнациональных отношений с соответствующими странами. Автор выделяет социальные ценности мусульманской правовой системы – жизнь человека, разум, религия и вера, продолжение рода, собственность и охарактеризована их специфика. В странах мусульманского мира они являются главной опорой в строительстве гражданского общества и государства.

Предложенные в работе мероприятия направлены на защиту и предупреждение эскалации разрушения социальных ценностей мусульманского права, а также создание условий для их дальнейшего развития.

Цель статьи – рассмотреть и охарактеризовать социальные ценности мусульманского права; обосновать мероприятия, способствующие актуализации данного аксиологического потенциала.

Материал и методы. В основу исследования положены следующие методы: контент-анализ понятий и терминов, формально-юридический, сравнительно-правовой, системный.

Результаты и их обсуждение. В статье предпринята попытка систематизации аксиологического научного знания в контексте социального подхода к рассмотрению мусульманского права. Автор выделяет социальные ценности мусульманской правовой системы – жизнь человека, разум, религия и вера, продолжение рода, собственность и охарактеризована их специфика.

Заключение. Таким образом, ведущими социальными ценностями мусульманской правовой системы являются жизнь человека, разум, вера и религия, продолжение рода, собственность. Актуализация роли традиционных ценностей в современной социально-правовой действительности будет способствовать развитию здорового общества и укреплению отношения со странами мусульманского мира.

Ключевые слова: ценности, социальные ценности, мусульманская правовая система, мусульманское право, источники мусульманского права.

Social Values as the Basis of the Muslim Legal System

Orametov E.D.

Vitebsk Branch of the "International University «MITSO»"

There is a need to update social values for a deeper understanding of the legal concept, legal culture, mentality of the Muslim world countries as well as the use of traditional axiological potential for the development of interethnic relations with the relevant countries. The author highlights the social values of the Muslim legal system – human life, reason, religion and faith, procreation, property, and characterizes their specificity. In the countries of the Muslim world they are the main support in the construction of civil society and the state.

The measures proposed in the work are aimed at protecting and preventing the escalation of the destruction of the social values of Islamic law, as well as creating conditions for their further development.

The purpose of the article is to consider and characterize the social values of Islamic law, justify measures that contribute to the actualization of this axiological potential.

Material and methods. The research is based on the following methods: content analysis of concepts and terms, formal legal method, comparative legal method, systematic method.

Findings and their discussion. The article makes an attempt to systematize axiological scientific knowledge in the context of the social approach to the consideration of Islamic law. The author highlights the social values of the Muslim legal system – human life, reason, religion and faith, procreation, property, and characterizes their specificity.

Conclusion. Thus, the leading social values of the Muslim legal system are human life, reason, faith and religion, procreation, and property. Updating the role of traditional values in modern social and legal reality will contribute to the development of a healthy society and strengthening relations with the countries of the Muslim world.

Key words: values, social values, Muslim legal system, Muslim law, sources of Muslim law.

Исследование сущности мусульманской правовой системы реализуется через осмысление роли социальных ценностей в системе регулирования общественных отношений. Актуальность исследования обусловлена значением традиционных социальных ценностей как стабильного фундамента развития личности и ее интеграции в общество. Актуализация этих ценностей позволит осмыслить их уязвимые стороны в современном социальном контексте, где имеют место такие факты, как сожжение священных книг, легализация однополых браков, ЛГБТ, эвтаназия и т.п., и сформировать пути укрепления традиционных социальных ценностей.

Феномен ценностей в мусульманской правовой системе освещается в работах В.Х. Акаева, М.П. Аль-Газали, И.М. Аль-Мансури, А.М. Бахаева, Х. Бехруза [1], Д.Т. Кулиева, Р. Максуда [2], Е.А. Резван [3], Саййид Муджтаба Мусави Лари, Л.Р. Сюкияйнена [4] и др.

Цель статьи – рассмотреть и охарактеризовать социальные ценности мусульманской правовой системы; предложить мероприятия, способствующие актуализации их аксиологического потенциала.

Материал и методы. В основу исследования положены следующие методы: контент-анализ понятий и терминов, формально-юридический, сравнительно-правовой, системный.

Результаты и их обсуждение. Понятие ценности является междисциплинарным и исследуется во всех гуманитарных науках. В фокусе философского рассмотрения ценность понимается как «одна из основных понятийных универсалий философии, означающая в самом общем виде невербализуемые, “атомарные” составляющие наиболее глубинного слоя всей интенциональной структуры личности – в единстве предметов ее устремлений (аспект будущего), особого переживания-обладания (аспект настоящего) и хранения своего “достояния” в тайниках сердца (аспект прошлого), которые конституируют ее внутренний мир как “уникально-субъективное бытие”» [5, с. 320]. В социологии ценности трактуются с позиций социальной полезности: «Убеждения, разделяемые обществом относительной целей, к которым общество стремиться» [6].

В праве также при определении понятия *ценности* акцент делается на ее социальной природе и рассматривается в связи со способностью удовлетворить потребности общества. В частности, Х. Бехруз определяет ценность как свойство того или иного общественного феномена, направленное на удовлетворение потребностей и интересов инди-

вида, группы людей и в целом общества [1, с. 155]. Иной точки зрения придерживается Л.В. Баева, которая понимает сущность ценности как выражение «...внутренней свободы личности и возможности субъективации внешнего бытия» [7, с. 8].

Категорию *социальные ценности* можно рассматривать в широком и узком смысле. В широком смысле социальные ценности представляют собой совокупность явлений, отвечающих потребностям общества и отдельной личности. В узком смысле – это продукт социального сознания, выработанного человеческой культурой, нравственно-эстетические правила общества [8].

По мнению В.Н. Лавриненко, социальная ценность является составной частью социума, особо значимым в сознании общества и личности [9]. Социальные ценности могут быть многообразными в зависимости от деятельности человека.

В условиях развития общества возникла необходимость в создании инструментов, которые позволили бы применять социальные ценности в жизни общества. Этими инструментами первоначально выступали обычаи и традиции, позволившие включить социальные ценности в общественное применение. Однако появилась потребность в более эффективных незыблемых инструментах, которые закрепляют ценности общества, отвечающие нормам современной реальности. На этом аксиологическом фундаменте формируется государство, гражданское общество, правомерное поведение личности. Так, право, реализуя социальные ценности и выступая их гарантом, придает им практическую силу и обеспечивает естественный синтез права и социальных ценностей.

В зависимости от правовой природы социальные ценности делятся на нравственно-правовые, социально-правовые, политико-правовые, религиозные и т.д. (Х. Бехруз, А.А. Напреенко, Н.С. Мантурова, Л.А. Морозова) [1; 8; 10].

Н.С. Мантурова определяет социально-правовые ценности как «совокупность правовых и социальных явлений, отвечающих поведенческим и духовно-этическим интересам социума, направленных на достижения положительного результата для личности, общества и государства» [10, с. 178]. А.А. Напреенко подчеркивает, что социально-правовые ценности существуют в определенный исторический отрезок времени, влияя на все стороны жизни общества прямо или косвенно [8, с. 9].

Так, социально-правовые ценности можно рассматривать как традиционный аксиологический фундамент, влияющий на все сферы жизнедеятельности личности, общества и государства.

В основу классификации социально-правовых ценностей положен критерий социально-личностных потребностей человека, реализованный в праве. Данная классификация включает следующие категории ценностей, обеспечивающие:

- права и свободы гражданина и личности (гарантия соблюдения прав человека и гражданина, право на жизнь, право на свободу и личную неприкосновенность и др.);
- гуманистическое содержание права (гуманизм, свобода, равенство, справедливость и др.);
- нормативное содержание права (законность, правопорядок, презумпция невиновности и др.);
- удовлетворение материальных потребностей общества (собственность, ценные бумаги, право на труд, право на выбор профессии и др.);
- удовлетворение духовных потребностей общества (образование, религия, вера, продолжение рода и др.) [8].

Теоретический анализ мусульманской правовой системы показывает, что ее аксиологическим фундаментом выступают следующие социально-правовые ценности: 1) *жизнь человека*; 2) *разум*; 3) *религия и вера*; 4) *продолжение рода*; 5) *собственность*. Данные ценности соотносятся с определенными категориями вышеуказанной классификации. *Жизнь человека* относится к категории гуманистических ценностей; *собственность* – к категории ценностей, направленных на удовлетворение материальных потребностей общества; *религия и вера, разум, продолжение рода* – к категории духовных ценностей.

Рассмотрим обозначенные ценности в мусульманской юридической доктрине.

Главной социальной ценностью, представленной в источниках мусульманского права, является *жизнь человека*. Она представляет собой форму существования человеческой материи от рождения до смерти. А.Э. Мамедов считает человеческую жизнь первичным условием существования общества [11].

Р. Максуд указывает, что с точки зрения мусульманской религиозно-правовой парадигмы жизнь есть защищаемый мусульманским правом божий дар, самое ценное из всего того, чем наделил Аллах всякое живое существо [2]. Поскольку жизнь дана Аллахом, только в его компетенциях отнять дарованную жизнь. Поэтому священная обязанность человека – охранять жизнь, обогащать ее и всегда быть готовым вернуть ее назад по воле Бога. Главный источник мусульманского права, Коран, закрепляет следующее положение о жизни: «А посредством того, что Аллах даровал

тебе, стремись к Последней обители, но не забывай о своей доле в этом мире! Твори добро, подобно тому, как Аллах сотворил добро для тебя, и не стремись распространять нечестие на земле, ведь Аллах не любит распространяющих нечестие» [12, с. 235].

Жизнь человека защищена Богом и государством; она является мерилем того, какое будущее будет иметь человек в загробной жизни. Поэтому люди должны быть нацелены творить добро, вести правильный образ жизни, не совершать преступные деяния. Нарушение подобных правил является основанием для привлечения их к ответственности не только в мирской жизни, но и в загробной. Подобная ценностная картина мира мусульманина служит внутренним регулятором его поведения. Об этом свидетельствует статистика, в соответствии с которой уровень преступности в странах мусульманского мира гораздо ниже, чем в других странах. Люди отказываются от совершения преступлений не из страха, а на основании сформированных духовно-нравственных ценностей. Они верят, что совершенное в мирской жизни деяние повлечет наказание в загробном мире.

Так, нормы мусульманского права направлены, в первую очередь, не на поведение, а на сознание людей, их убеждения и установки в духовно-нравственной сфере, закрепляющей ценности справедливости, доброты, щедрости, взаимопомощи и т.п. Они позволяют сформировать отношение людей к мусульманскому праву не просто как государственному институту, а прежде всего как «живому явлению». Это способствует осознанию человеком самого себя, своего поведения, предназначения в жизни, целей и задач в обществе. В сравнительном аспекте важно отметить, что в романо-германской правовой системе существуют категории *правовое сознание* или *правовая идеология*, то в мусульманском праве эквивалентным выступает понятие *отношение человека к мусульманскому праву как живому явлению*.

Необходимо подчеркнуть, что в Коране и Сунне закреплена возможность применения смертной казни. В Коране, сура 42 Совет, аят 42 указано, что «воздаянием за зло является равноценное зло» [13]. Это значит, что наказание должно быть соразмерным совершенному деянию. В мусульманских странах различаются формы смертной казни, которые зависят от конкретного толка ислама. Д. Форте поясняет, что смертная казнь с позиции мусульманского права может быть применена за такие виды преступления, как убийство, изнасилование, прелюбодеяние,

вероотступничество, распространение коррупции, моральное разложение против Бога или нарушение общественного спокойствия [14, с. 92]. Применение смертной казни за совершение данных деяний можно считать сдерживающим фактором. Однако ряд ученых (Д.Т. Кулиев, В.Н. Лавриненко, А.А. Мазурин и др.) придерживаются мнения, что это нарушение права человека на жизнь [9]. Е.П. Ищенко, Я.Н. Колоколов и др. рассматривают смертную казнь как фактор, снижающий уровень преступности.

Самоубийство в мусульманской правовой системе – незаконное лишение жизни и находится под запретом. В этой связи введен запрет на применение эвтаназии, которая является одной из социальных ценностей в европейских странах.

Разум – это социальная ценность, основанная на способности человека осознавать, логически и творчески мыслить, понимать причинно-следственные связи, делать соответствующие выводы. За совершенные деяния ответственность может нести только лицо, являющееся умственно здоровым. Данный термин в мусульманском праве имеет такую форму, как «мукалляф», что на русский язык переводится как «дееспособность».

О важнейшей роли разума в системе ценностей мусульманского права свидетельствуют нормы, закрепленные в Коране. Аят 90 суры Трапе-за гласит «О те, которые уверовали! Воистину, *опьяняющие напитки*, азартные игры, каменные жертвенники (или идолы) и гадальные стрелы являются скверной из деяний дьявола. Сторонитесь же ее, – быть может, вы преуспеете» [13]. За нарушение данного аята предусмотрено телесное наказание.

В основном источнике мусульманского права ценность «разум» упомянута более, чем в пятидесяти аятах. Коран считает разум большой милостью: «На земле есть сопредельные участки, виноградные сады, посевы, финиковые пальмы, растущие из одного корня или из разных корней. Их орошают одной водой, но одни из них Мы создаем более вкусными, чем другие. Воистину, в этом – знамения для людей *разумеющих*». Аят 98 суры Скот говорит: «(И вот) уже Мы разъяснили знамения [ясные доказательства] для людей, которые понимают (приводимые доказательства) (и берут из них наставления)!». В аяте 22 суры Трофей закреплено: «Воистину, наихудшими из живых существ перед Аллахом являются глухие и немые, которые не способны понимать» [13]. Если раскрыть смысл данного аята, то глухими являются те, кто не слышит истину, немые – не говорящие

истину, не способные понимать – не думающие об Аллахе и о Его повелениях и запретах.

Коран критикует тех, кто не использует разум во всех делах. Этому свидетельствует аят 10 Суры Власть: «Они скажут: “Если бы мы прислушивались и были рассудительны, то не оказались бы среди обитателей Пламени”» [13]. Вышеперечисленные примеры свидетельствуют о большом значении ценности «разум» в мусульманском праве.

Религия и вера составляют основу мусульманской правовой системы, определяют отношение человека и гражданина к другим вышеперечисленным ценностям. Благодаря появлению религии и веры возникло мусульманское право. Х. Бехруз считает, что именно на этих ценностях основана система мусульманского права. Их базисом являются принципы, заложенные всевышним в человеческой природе, а также гуманистические принципы социальной справедливости, установленные религией и включающие в себя не только юридические нормы, но и принципы построения мусульманского государства, международного права, культуры, экономики и политики [1, с. 153].

Необходимо подчеркнуть, что в мусульманской правовой системе нет никакого религиозного принуждения. Это противоречит учению Корана, закрепляющему нормы о религиозной свободе как принципе мусульманской религии. К примеру, сура корова аят 256 Корана гласит: «Нет принуждения в религии. Прямой путь уже отличился от заблуждения. Кто не верует в тагута, а верует в Аллаха, тот ухватился за самую надежную рукоять, которая никогда не сломается. Аллах – Слышащий, Знающий» [13].

О религиозной свободе есть напоминание также в аяте 18 суры 29: «Нам лучше знать, что они говорят, и тебе не надо принуждать их. Увещевай же Кораном тех, кто страшится Моей угрозы» [13].

Мусульманское право всегда призывало уважать другие религии, традиции и адаты разных народов. Об этом свидетельствует аят 29 суры 46: «Если вступаете в спор с людьми Писания, то ведите его наилучшим образом. Это не относится к тем из них, которые поступают несправедливо. Скажите: “Мы уверовали в то, что ниспослано нам, и то, что ниспослано вам. Наш Бог и ваш Бог – один, и мы покоряемся только Ему”». Данная сура показывает призывы мусульманского права к диалогу и взаимодействию с представителями других религий. Диалог должен быть основан на взаимоуважении, стремлении к миру и гармонии.

К примеру, в Османской империи, где официальной религией был ислам, христиане и иудеи продолжали исповедовать свою религию. В XV–XVII вв. после падения Византии и образования Османской империи в составе новой империи оказались многочисленные народы. Они могли комфортно сосуществовать и обустраивать свой быт в этом государстве. Для крупных конфессий были образованы миллеты (Армянская Апостольская церковь, Армянская Католическая Церковь (с 1829 г.) и иудейская религиозная общины). Миллет – это юридический термин, распространенный в мусульманских странах, обозначающий религиозную конфессию. Понятие «миллет» применяется в отношении представителей других религий: язычества, иудаизма, христианства и ханифизма. Советский и российский арабист и исламовед Е.А. Резван подчеркивает, что миллеты обладали автономными административными учреждениями и располагались в специально выделенных для этого местах (районах, кварталах) городов. Они имели свою автономную структуру власти в сфере судебного производства, образования, здравоохранения, контроля и т.д. [3, с. 165].

Приведем другие примеры сосуществования мусульманского права с иными обычаями и традициями. Так, Л.Р. Сюкиййнен замечает, что бедуины многих районов Аравии, берберы Северной Африки в своих внутри- и межплеменных отношениях сохраняли свои обычаи и регулировали многие вопросы с помощью правил и обычаев. Имело место полное исключение норм мусульманского права обычаями, установленными племенами. К примеру, в Индонезии и ряде других стран Юго-Восточной Азии местные обычаи исключали действие норм мусульманского права и отношения между ними регулировались их адатами [15, с. 127].

В современной действительности можно наблюдать грубое попрание вышеуказанных ценностей, факты которого имели место в европейских странах. К примеру, сожжение Корана в Швеции и Дании в 2023 году датским политиком Расмусом Палуданом, носителем «правовой культуры», воспринимается как свободное волеизъявление человека. Подобное же преступление было совершено чуть позже гражданином Швеции. Премьер-министр Швеции Ульф Кристерссон заявил, что данное действие законное [16]. На проведение подобных акций власть дала разрешение, несмотря на то, что это является грубым нарушением прав носителей религиозной культуры. Ряд ученых (В.Х. Акаев, Л.А. Морозова, Д.О. Усанов,

А.Э. Мамедов и др.) и общественных деятелей (В.Р. Легойда, Ибрагим Таха, Абдуллатиф Дарьян и др.) [17] считают, что подобные факты стали возможными в результате вытеснения сформированных столетиями традиционных западных ценностей нетрадиционными ценностями.

12 июля 2023 года Совет ООН по правам человека принял резолюцию о противодействии религиозной ненависти, представляющей собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию. Совет ООН по правам человека в своей резолюции осуждает и решительно отвергает любую пропаганду или проявление религиозной ненависти, включая недавние публичные и преднамеренные акты осквернения Священного Корана, и подчеркивает необходимость привлечения виновных к ответственности в соответствии с обязательствами государств, вытекающими из международного права прав человека [18]. Преступления, совершаемые под предлогом демократии и свободы слова (сожжение священных книг), способствовали переосмыслению отношений между странами Запада и мусульманского мира, который является сторонником уважения религиозных убеждений.

Следует признать большое значение такой ценности мусульманского права, как *продолжение рода*. Эта ценность содержит в себе дуальный смысл: во-первых, это продолжение жизни, дарованной Аллахом; во-вторых, продолжение веры как основного смысла жизни. Отсюда и пристальное внимание к детальной разработке и регулированию семейно-правовых отношений. Нормами мусульманского права запрещены явления, препятствующие продолжению рода и сохранению семьи. Примерами таких явлений выступают аборт, обеты безбрачия, заключение однополых браков, поддерживаемые в западных странах. Продолжение рода – одна из целей брака в исламе. Это одна из щедрот Аллаха, дарованная человеку. К примеру, в аяте 72 суры Пчелы говорится: «Аллах сделал для вас супруг из вас самих, даровал вам от них детей, внуков и наделил вас благами. Неужели они веруют в ложь и не веруют в милость Аллаха?» Как гласит Коран, именно воспроизводство стало решающим шагом в победе над врагами. Согласно аяту 86 суры Ограды: «Помните, что вас было мало, а Он приумножил ваше число. Посмотри же, каким был конец злодеев!» [13].

Собственность относится к категории материальных ценностей и охраняется мусульманским правом. Данная ценность в мусульманском праве имеет статус неприкосновенной. Однако

в отличие от других правовых систем в мусульманском праве разрешены только дозволенные законом источники дохода. Недозволенными источниками дохода являются продажа вина, свинины и языческих амулетов. Собственность охраняется государством.

Как известно, собственность – это отношение между субъектами гражданского права. Соответственно, положения о собственности отражены в гражданском законодательстве государств. Но во многих мусульманских странах гражданское законодательство принято относительно недавно (XIX–XXI вв.) в сравнении со светскими странами, где закон берет свое начало со времен римского права. Поскольку законодательство мусульманских стран основано на мусульманском праве, положения о собственности закреплены в основном источнике – Коране.

По свидетельству Л.Р. Сюкияйнена, понятие собственности отражено в Коране двумя категориями «маль» (имущество) и «мульк» (собственность) [4, с. 56]. Однако четкого определения собственности основной источник мусульманского права не закрепляет. Основные школы мусульманского права – мазхабы (ханафитский, маликитский, шафиитский и ханбалитский) рассматривают собственность как абсолютное право на принадлежность и использование имущества.

Необходимо отметить, что шариат подразумевает под имуществом не только его физические предметы, но и еще его полезные свойства как особый вид имущества. Эти свойства имеют принципиальное значение, так как именно от них зависит правовой статус имущества. В мусульманском праве ценностью обладает имущество, имеющее дозволенные полезные качества и разрешенное для пользования мусульманам. Некоторые виды имущества лишены ценности (свинина, алкоголь, оборудования азартных игр) и запрещены для применения мусульманским правом.

Заключение. Таким образом, ведущими социальными ценностями мусульманской юридической системы являются *жизнь человека, разум, вера и религия, продолжение рода, собственность*. В странах мусульманского мира они являются главной опорой в строительстве гражданского общества и государства.

Для обсуждения традиционных ценностей в современном социально-правовом контексте предлагается проводить конференции, семинары, интерактивные круглые столы и открытые диалоги с представителями духовного сообщества и гражданского общества.

Актуализация роли традиционных ценностей в современной социально-правовой действительности будет способствовать развитию здорового общества и укреплению отношения со странами мусульманского мира.

Литература

1. Бехруз, Х. Правовые ценности в исламской и западной правовых традициях: сравнительно-правовой ракурс / Х. Бехруз // Вестн. ун-та имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2015. – № 5. – С. 152–162.
2. Максуд, Р. Ислам / Р. Максуд. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. – 304 с.
3. Резван, Е.А. Милла // Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С.М. Прозоров. – М.: Наука, ГРВЛ, 1991. – 315 с.
4. Сюкияйнен, Л.Р. Мусульманское право собственности: юридическое осмысление религиозных постулатов / Л.Р. Сюкияйнен // Отечественные записки. – 2004. – № 6. – С. 56–64.
5. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / науч.-ред. совет: В.С. Стёпин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, А.П. Огурцов. – М.: Мысль, 2010. – 736 с.
6. Социологический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://enc-dic.com/sociology/Cennosti-10019.html>. – Дата доступа: 13.02.2024.
7. Баева, Л.В. Экзистенциальная природа ценностей: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13 / Л.В. Баева. – Волгоград, 2004. – 43 с.
8. Напреенко, А.А. Социально-правовые ценности и национальная идея / А.А. Напреенко // Юрид. вестн. Самар. ун-та. – 2015. – Т. 1. – № 4. – С. 9–18.
9. Лавриненко, В.Н. Философия [Электронный ресурс] / В.Н. Лавриненко. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/lavr/23.php. – Дата доступа: 13.02.2024.
10. Мантурова, Н.С. Социально-правовые ценности: основания для дефиниции / Н.С. Мантурова // Вестн. культуры и искусств. – 2013. – № 3(35). – С. 174–179.
11. Мамедов, А.Э. Защита чувств верующих: переосмысление проблемы / А.Э. Мамедов // Мировой судья. – 2022. – № 2. – С. 22–28.
12. Коран: смысловой перевод / пер. с араб. Э.Р. Кулиева. – М.: Умма, 2022. – 1312 с.
13. Коран [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://quran-online.ru/>. – Дата доступа: 22.02.2024.
14. Форте, Д. Траектория ислама / Д. Форте // Revue des Sciences Politiques. – 2011. – № 29. – С. 92–101.
15. Сюкияйнен, Л.Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики / Л.Р. Сюкияйнен. – М.: Наука, 1986. – 256 с.
16. Это демократия? Зачем в Швеции сожгли Коран и как на это отреагировали в мире [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belta.by/world/view/eto-demokratija-zachem-v-shvetsii-sozhgli-koran-i-ka-k-na-etootreagirovali-v-mire-574467-2023/>. – Дата доступа: 22.02.2024.
17. Многие страны решительно осудили антиисламскую провокацию в Швеции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.aa.com.tr/ru#>. – Дата доступа: 12.01.2024.
18. Резолюция Совета ООН по правам человека от 12 июля 2023 года № 53/1 «Противодействие религиозной ненависти, представляющей собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/ru/hr-bodies/hrc/documents>. – Дата доступа: 12.01.2024.

Поступила в редакцию 26.04.2024

К вопросу о проблемах поддержания государственного обвинения в суде

Петров А.П., Багдасарян Г.А., Петров В.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Поддержание государственного обвинения в суде – одно из основных направлений деятельности прокуратуры. Это трудоемкий процесс, имеющий множество проблемных аспектов, требующий от работников высокого профессионализма, компетентности и концентрированного внимания при осуществлении данной функции. Практика поддержания государственного обвинения в суде показывает наличие проблем, которые необходимо устранить для повышения качества выполнения государственного обвинения.

Цель работы – выявление актуальных проблем поддержания государственного обвинения по уголовным делам прокурором в судах Республики Беларусь.

Материал и методы. *Нормативную правовую базу исследования составили нормы Конституции Республики Беларусь, Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь и иные нормативные правовые акты, а также материалы научных исследований. Методологической основой явились общенаучные методы (анализ, синтез, дедукция, индукция, метод обобщения), сравнительно-правовой и формально-юридический методы.*

Результаты и их обсуждение. *Особой процессуальной деятельностью, закрепленной в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – УПК), является поддержание государственного обвинения в суде, которую осуществляет прокурор – государственный обвинитель, при этом выполняя одну из своих функций. Он обосновывает перед судом выдвинутое обвинение в отношении обвиняемого (обвиняемых) требования о привлечении к уголовной ответственности и убеждает суд в законности, обоснованности и справедливости данного требования.*

Заключение. *Для разрешения организационных проблем, связанных с обеспечением качественного государственного обвинения в суде вновь принятым сотрудником, необходимо конкретизировать требования к государственному обвинению в нормативном правовом акте прокуратуры. Принятие таких норм будет способствовать повышению уровня профессиональной подготовки государственного обвинителя, четкого уяснения им нравственных и правовых начал своей деятельности, формированию у них высокой общей и правовой культуры, глубокому усвоению практики применения закона, что имеет весомое значение для вынесения законного, обоснованного и справедливого решения.*

Ключевые слова: *государственный обвинитель, обвинение, поддержание государственного обвинения, исследование доказательств, профессиональное мастерство, Уголовно-процессуальный кодекс, прокурор.*

On the Issue of Maintaining State Prosecution in Court Problems

Petrov A.P., Bagdasaryan G.A., Petrov V.A.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

Maintaining state prosecution in court is one of the main activities of the prosecutor's office. This is a labor-intensive process that has many problematic aspects, requiring high professionalism, competence and concentrated attention from workers when performing this function. The practice of maintaining state prosecution in court shows the presence of problems that need to be eliminated to improve the quality of execution of state prosecution.

The purpose of the work is to identify current problems of maintaining state prosecution in criminal cases by prosecutor in the courts of the Republic of Belarus.

Material and methods. *The normative legal basis for the study consisted of the norms of the Constitution of the Republic of Belarus, the Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus and other regulatory legal acts, as well as scientific research materials. The methodological basis was general scientific methods (analysis, synthesis, deduction, induction, generalization method), comparative legal and formal legal methods.*

Findings and their discussion. *A special procedural activity enshrined in the Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus (hereinafter referred to as CPC) is the maintenance of state prosecution in court, which is carried out by the prosecutor – state prosecutor, while performing one of his functions. He substantiates before the court the accusation brought against the accused, demands for criminal prosecution and convinces the court of the legality, validity and fairness of this demand.*

Conclusion. *To resolve organizational problems associated with ensuring high-quality public prosecution in court by newly hired employees, it is necessary to specify the requirements for public prosecution in the regulatory legal act of the prosecutor's office. The adoption of such norms will help to increase the level of professional training of the public prosecutor; a clear understanding of the moral and legal principles of their activities, the formation of a high general and legal culture, and a deep understanding of the practice of applying the law, which is of significant importance for making a legal, informed and fair decision.*

Key words: *public prosecutor, prosecution, maintaining state prosecution, examination of evidence, professional skills, Criminal Procedure Code, prosecutor.*

Поддержание государственного обвинения в суде – одно из основных направлений деятельности прокуратуры. Это трудоемкий процесс, имеющий множество проблемных аспектов, требующий от работников высокого профессионализма, компетентности и концентрированного внимания при осуществлении данной функции. Практика поддержания государственного обвинения в суде показывает наличие проблем, которые необходимо устранить для повышения качества выполнения государственного обвинения. В связи с этим тема поддержания государственного обвинения в суде приобретает особое значение.

В ходе исследования были проанализированы нормы Конституции Республики Беларусь, Закон Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь», Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь, приказ Генерального прокурора Республики Беларусь «Об организации поддержания государственного обвинения и осуществлении надзора за соответствием закону судебных решений по уголовным делам», а также труды отечественных и зарубежных ученых и практикующих юристов: Т.С. Волчецкой, Н.В. Матковой, М.В. Аркатова, А.К. Ковальчука, И.Н. Навроцкой, А.В. Тимофеевой и др.

Цель работы – выявление актуальных проблем поддержания государственного обвинения в суде и внесение предложений по их решению.

Материал и методы. Нормативную правовую базу исследования составили нормы Конституции Республики Беларусь, Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь и иные нормативные правовые акты, а также материалы научных исследований. Методологической основой явились общенаучные методы (анализ, синтез, дедукция, индукция, метод обобщения), сравнительно-правовой и формально-юридический методы.

Результаты и их обсуждение. Согласно ст. 125 Конституции Республики Беларусь и ст. 46 Закона Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь» прокурор осуществляет от имени государства уголовное преследование и поддерживает государственное обвинение в суде, выступая в качестве стороны обвинения – государственного обвинителя [1; 2]. Поддержание государственного обвинения в суде – это деятельность, осуществляемая процессуальным участником судебного заседания – государственным обвинителем – прокурором соответствующей прокуратуры. В его функции входит выдвижение и обоснование перед судом требования о привлечении к уголовной ответственности виновных,

совершивших общественно опасное деяние, убеждение судей в законности, справедливости и обоснованности данного требования [3]. Полномочия прокурора в судебном разбирательстве как государственного обвинителя устанавливаются Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее – УПК).

Задача государственного обвинителя – тщательно проверить в ходе судебного следствия как ранее собранные по делу доказательства, так и впервые представленные в судебном заседании, на основании их оценки сформулировать объективный вывод. Поэтому качественное выполнение задач судебного разбирательства дела во многом зависит от подготовленности прокурора к участию в процессе. Прокурор, назначенный в качестве государственного обвинителя по уголовному делу, должен до судебного заседания предварительно изучить материалы дела. Сейчас активно развиваются информационные технологии, поэтому государственному обвинителю в своей работе по изучению материалов уголовного дела стоит использовать данную инновацию, чтобы облегчить выполнение задачи по ознакомлению с материалами уголовного дела. К примеру, при изучении электронных материалов дела осуществлять поиск документов (приказов, постановлений, протоколов в рамках материалов уголовного дела, законов, постановлений Верховного и Конституционного суда и иных документов), делать закладки или копирование текста с частичным их содержанием, группировать какие-либо материалы между собой и т.д. [4].

Полагаем, что предварительное изучение прокурором материалов уголовного дела является основной качественной поддержкой государственного обвинения.

УПК закрепил принцип состязательности сторон и предусмотрел обязательное участие прокурора в качестве государственного обвинителя в судебном разбирательстве при рассмотрении уголовных дел публичного, частно-публичного обвинения и частного обвинения (которые возбуждаются прокурором по ч. 8 ст. 34 УПК). С введением в действие с 1 января 2001 г. УПК, закрепившего принцип состязательности сторон, многие функции суда перешли к прокурору, поддерживающему обвинение в суде. Теперь государственный обвинитель обязан доказывать виновность и невиновность обвиняемого, представлять доказательства и исследовать их и т.д.

По мнению В.А. Туника, закрепление и подробная регламентация в УПК принципа состяза-

тельности сторон повышает роль государственного обвинителя при доказывании обвинения в ходе судебного следствия. Прокурор, при поддержании государственного обвинения, обязан излагать свою позицию так, чтобы она соответствовала фактическим материалам уголовного дела, требованиям закона. Помимо этого, прокурор, доводя свою позицию, отвечает за привлечение виновных к ответственности и защиту общества от преступности. Для выполнения данных задач большое значение имеет активное квалифицированное участие государственного обвинителя в исследовании доказательств в ходе судебного следствия [5]. Государственный обвинитель в ходе поддержания государственного обвинения исследует в суде доказательства, которые должны быть тщательно рассмотрены, а для этого он должен избрать такую тактику и методику проверки достоверности доказательств, которая, несомненно, обеспечила бы достоверность исследуемых в суде доказательств и позволила бы максимально установить истину.

Несмотря на распространенное мнение о том, что исследование доказательств на стадии судебного разбирательства сводится к воспроизведению материалов уголовного дела и судебное следствие является формальной частью заседания, необходимо отметить, что именно судебное следствие является ключевым моментом в процессе реализации мер уголовной ответственности. Поэтому прокурору требуется формировать позицию активного творческого участия в исследовании доказательств в данной стадии судебного процесса.

Вина обвиняемого должна подтверждаться всей совокупностью доказательств. В процессе исследования доказательств и формировании мнения о доказанности прокурор должен руководствоваться законом и своим внутренним убеждением.

В соответствии со ст. 345 УПК по окончании судебного следствия суд переходит к судебным прениям, которые состоят из речей участников судебного разбирательства, представляющих стороны обвинения и защиты. Последовательность выступлений участников судебных прений устанавливается судом по их предложениям, но во всех случаях первым выступает государственный или частный обвинитель. Если по сложным и многоэпизодным уголовным делам государственное обвинение поддерживают несколько прокуроров, последовательность их выступлений определяется судом по их предложениям.

К выступлению в судебных прениях государственный обвинитель готовится, начиная с момента открытия судебного следствия. Он принимает активное участие в исследовании доказательств, имеющих в материалах уголовного дела, которые раскрывают фактические обстоятельства. Государственный обвинитель в своей речи может ссылаться только на те доказательства, которые были исследованы в ходе судебного следствия. Он не вправе ссылаться на доказательства, которые не изучались в судебном заседании. При необходимости предъявить суду для рассмотрения новые доказательства он может ходатайствовать о возобновлении судебного следствия (ч. 2 ст. 345 УПК). Могут исследоваться и доказательства, которые имеются в деле, но не были предметом рассмотрения в ходе судебного следствия, а государственный обвинитель на них ссылается в своей речи [6]. Нередки случаи, когда обвиняемый, потерпевший, свидетель в ходе судебного заседания по тем или иным причинам меняют свои показания, данные ими на предварительном следствии. В этом случае государственный обвинитель обязан ходатайствовать об оглашении их показаний в судебном заседании, тактически грамотно проинформировать допросы, выяснить причины, побудившие изменить показания указанных лиц. Но в то же время допросы, в проведении которых участвует государственный обвинитель, не должны быть односторонними, содержать наводящие вопросы, подсказывать нужные ответы, желательные для обвинения [7].

Поддерживая в суде государственное обвинение, прокурор руководствуется требованиями закона и своим внутренним убеждением, основанным на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела. Если в результате судебного разбирательства прокурор придет к убеждению, что предъявленное обвиняемому обвинение не нашло подтверждения, он обязан от него отказаться. При этом государственный обвинитель отказ от поддержания обвинения должен всесторонне и полно мотивировать. По нашему мнению, на данном этапе может возникнуть проблема несогласованности норм УПК и принятых специальных норм. Так, в Приказе Генерального прокурора Республики Беларусь от 28 августа 2012 г. № 28 «Об организации поддержания государственного обвинения и осуществлении надзора за соответствием закону судебных решений по уголовным делам» закреплена обязанность прокурорского работника

согласовывать вид и размер наказания, предлагаемому суду для назначения обвиняемому, с руководителем органа прокуратуры [8]. Данное положение фактически ставит прокурорского работника, поддерживающего государственное обвинение в суде, в зависимость от руководителя, когда возникновение противоречий, особенно в сложных, запутанных ситуациях, неизбежно. Такое положение не в полной мере коррелирует с ч. 7 ст. 293 УПК, которая гласит: «Поддерживая обвинение, государственный обвинитель руководствуется требованиями закона и своим внутренним убеждением, основанным на результатах исследования всех обстоятельств дела» [3]. Полагаем необходимым скорректировать норму выше-названного Приказа, обеспечив ее соответствие с ч. 7 ст. 293 УПК.

Считаем необходимым обратить внимание на проблему качества поддержания государственного обвинения в суде вновь поступившими на службу работниками прокуратуры.

Прокурор обязан в полном объеме обладать навыками профессионального мастерства, умением исследовать доказательства в суде. Однако для этого недостаточно только знать и соблюдать закон, внимательно исследовать собранные по уголовному делу материалы, но и необходимо владеть тактическими приемами в оценке доказательств и квалификации преступлений, навыками ораторского мастерства и т.д.

В юридической литературе высказана точка зрения, что «прокурору следует пользоваться во время своей речи в суде яркой жестикуляцией и мимикой. Кто-то, а скорее всего – большинство, будет утверждать, что излишняя эмоциональность вредит деятельности государственного обвинителя, так как он непосредственно представляет государство и действует в пределах юридических отношений. Необходима сдержанность и ограниченность. Однако излишнее расставление границ может превратить прокурора в глазах граждан в бесчеловечного робота, не внимающего переживаниям пострадавших. Чтобы четко владеть мастерством общения, действительно важно использовать жестикуляцию и сопровождение речи мимикой. Это притянет внимание народных заседателей, судей и других присутствующих в суде, убедит их в истинности сказанных слов, а также создаст эмпатирующую связь между ними. Эмпатия – вот что необходимо прокурору для установления контакта, для вызова сострадания у присутствующих в суде в отношении жертвы преступления.

Данное чувство также помогает увеличить шансы превосходства над стороной защиты» [9].

Помимо этого, речь государственного обвинителя в суде имеет воспитательный характер, поскольку его целью является не только доказать вину обвиняемого, но и передать общественное осуждение преступления и подчеркнуть важность соблюдения закона. Государственный обвинитель может использовать различные методы, чтобы достичь воспитательного эффекта в своей речи: акцентировать внимание на негативных последствиях преступления для жертвы, ее семьи и общества в целом, чтобы вызвать эмоциональный отклик у судей и народных заседателей; может также обратиться к общественным ценностям, нормам и принципам, чтобы подчеркнуть важность соблюдения закона и ответственность каждого члена общества.

Однако необходимо отметить, что речь государственного обвинителя должна быть основана на фактах, логических аргументах и уважении к правам обвиняемого. Воспитательный характер речи не должен превратиться в манипуляцию или использование некорректных методов. Государственный обвинитель должен стремиться к объективности и справедливости, чтобы помочь суду принять обоснованное и справедливое решение [10].

Роль государственного обвинителя также заключается в профилактике преступлений. Его работа по привлечению виновных к ответственности и наказанию за совершенные преступления имеет так же целью обеспечение законопослушного поведения граждан и предупреждение преступлений.

Таким образом, многозадачность государственного обвинения требует высокого уровня профессионального мастерства, компетенций, навыков и умений. В результате сложившейся практики, вновь поступивший на службу работник перенимает опыт у прокурора с большим стажем работы, что не всегда позволяет в кратчайшие сроки и качественно обеспечить профессиональную адаптацию такого лица. В то же время следует согласиться с мнением В.А. Туника, что в рамках состязательного процесса, когда в обязанность суда не входит доказывание вины обвиняемого, государственный обвинитель не может быть не подготовленным к судебному процессу, а должен стать действующим лицом в судебном разбирательстве конкретного уголовного дела [5, с. 227].

Предлагаем, с целью качественного обеспечения выполнения функции государственного обвинения в суде вновь принятым сотрудником,

все вышеназванные требования конкретизировать в нормативном правовом акте прокуратуры. Принятие такого документа будет способствовать повышению уровня профессиональной подготовки государственного обвинителя, четкого уяснения ими нравственных и правовых начал своей деятельности, формированию у них высокой общей и правовой культуры, определению места и роли прокурора в уголовном процессе, глубокому усвоению закона и практики его применения.

Заключение. В ходе исследования был выявлен ряд проблем, возникающих при поддержании государственного обвинения в суде. Так, для обеспечения реализации нормы УПК о том, что поддерживая обвинение, государственный обвинитель руководствуется требованиями закона и своим внутренним убеждением, основанным на результатах исследования всех обстоятельств дела, следует упразднить положение о согласовании вида и размера наказания с руководителем органа прокуратуры, что даст прокурору, поддерживающему государственное обвинение, больше процессуальной независимости и поможет избежать вступления, как во внутриличностные противоречия, так и противоречия с руководителем прокуратуры.

Помимо этого, для разрешения организационных проблем, связанных с обеспечением качественного государственного обвинения в суде вновь принятым сотрудником, необходимо конкретизировать требования к государственному обвинению в нормативном правовом акте прокуратуры. Принятие таких норм будет способствовать повышению уровня профессиональной подготовки государственного обвинителя, четкого уяснения ими нравственных и правовых начал своей деятельности, формированию у них высокой общей и правовой культуры, глубокому усвоению практики применения закона, что имеет весомое значение для вынесения законного, обоснованного и справедливого решения.

Разрешение выявленных проблем в работе государственного обвинителя, совершенствование его профессионального мастерства, овладение ораторским искусством, повышение его правовой и общей культуры в значительной степени подчеркнет особую роль государственного обвинителя в суде, в борьбе с преступностью, предотвращении совершения новых противоправных деяний и обеспечении безопасности общества.

Литература

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Минск: Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь, 2024. – 80 с.
2. О прокуратуре Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З; в ред. Закона Республики Беларусь от 3 янв. 2024 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 16.07.1999 г.; № 295-З; в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2023 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
4. Аркатов, М.В. Изучение материалов уголовного дела как этап подготовки государственного обвинителя к поддержанию обвинения в суде / М.В. Аркатов // Трибуна ученого. – 2022. – № 6. – С. 143–147.
5. Туник, В.А. Проблемы поддержания государственного обвинения / В.А. Туник // Уголовная политика Республики Беларусь: состояние и пути совершенствования: сб. материалов III Междунар. науч.-практ. конф., Барановичи, 11–13 мая 2017 г. / М-во образования Респ. Беларусь, Баранович. гос. ун-т; Белорус. респ. фонд фундаментальных исследований; под науч. ред. М.В. Андрияшко. – Баранович: БарГУ, 2017. – С. 227–229.
6. Волчецкая, Т.С. Проблемы стратегии поддержания государственного обвинения в суде присяжных: ситуационный подход / Т.С. Волчецкая, Н.В. Маткова. – Вестн. С-Петерб. ун-та. Право 4. – 2023. – Т. 14. – С. 1004–1022.
7. Ковальчук, А.К. Правовое положение государственного обвинителя в суде первой инстанции / А.К. Ковальчук. – Молодой ученый. – 2021. – № 39(381). – С. 113–116. – URL: <https://moluch.ru/archive/381/84186/> (дата обращения: 03.04.2024).
8. Об организации поддержания государственного обвинения и осуществлении надзора за соответствием закону судебных решений по уголовным делам [Электронный ресурс]: приказ Генерального Прокурора Респ. Беларусь 28 авг. 2012 г., № 28 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
9. Навроцкая, И.Н. Коммуникативная составляющая ораторского искусства сотрудников прокуратуры при поддержании государственного обвинения в суде / И.Н. Навроцкая, А.В. Тимофеева. – Психология и педагогика служебной деятельности. – 2022. – № 1. – С. 49–52. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-sostavlyayuschaya-oratorskogo-iskusstva-sotrudnikov-prokuratury-pri-podderzhanii-gosudarstvennogo-obvineniya-v/pdf>.
10. Судебные прения государственного обвинителя [Электронный ресурс] // Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова. – Режим доступа: <https://libr.msu.by/bitstream/123456789/17842/1/B%2098.pdf?ysclid=lvw62r3idq908449308>. – Дата доступа: 02.03.2024.

Поступила в редакцию 04.04.2024

Правовые и организационные меры минимизации коррупционных проявлений при оказании медицинской помощи

Агиевец С.В., Бурак Я.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Актуальность исследования причин минимизации коррупционных проявлений при оказании медицинской помощи обусловлена недостаточной эффективностью профилактических мер по противодействию коррупции и ее высоким уровнем в сфере здравоохранения.

Цель исследования – определение правовых и организационных мер минимизации коррупционных проявлений при оказании медицинской помощи.

Материал и методы. Материалом послужили доктринальные источники, нормативные правовые акты, статистические данные и судебная практика. Методами работы явились общенаучные и частно-научные.

Результаты и их обсуждение. В статье анализируется специфика противоправных деяний коррупционной направленности в здравоохранении. Рассматриваются экономические, организационные, правовые и нравственно-психологические причины коррупционных проявлений при оказании медицинской помощи. Определяются дальнейшие правовые меры и организационные мероприятия минимизации коррупционных проявлений при оказании медицинской помощи. Автором делается вывод, что эффективное осуществление правовых мер и организационных мероприятий, направленных на профилактику причин коррупционных проявлений, позволяет повысить доступность медицинской помощи и минимизировать уровень коррупции в здравоохранении.

Заключение. Противодействие коррупции при оказании медицинской помощи имеет особую важность для общества и государства.

В целях минимизации коррупционных проявлений при оказании медицинской помощи предлагаются следующие правовые меры и организационные мероприятия: устранить правовую неопределенность и противоречивость законодательства о здравоохранении путем его кодификации; расширить доступность медицинской помощи; разработать механизм оказания медицинской помощи гражданам Республики Беларусь, включенным в базу лиц, не занятых в экономике; обеспечить реализацию общественного контроля как самостоятельной формы внешнего контроля; повысить правовую культуру медицинских работников и населения; включить практико-ориентированный модуль по противодействию коррупции в программу при получении квалификационной категории медицинскими работниками.

Ключевые слова: коррупция, здравоохранение, медицинская помощь, причины, меры, противодействие, доступность.

Legal and Organizational Measures to Minimize Corruption in the Provision of Medical Care

Ahiyevets S.V., Burak Ya.A.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The relevance of studying the reasons for minimizing corruption in the provision of medical care is due to the insufficient effectiveness of preventive measures to combat corruption and its high level in the healthcare sector.

The purpose of the study is to determine legal and organizational measures to minimize corruption in the provision of medical care.

Material and methods. The material for the study was doctrinal sources, regulatory legal acts, statistical data and judicial practice. The research methods were general scientific and specific scientific methods.

Findings and their discussion. The article analyzes the specifics of illegal acts of corruption in healthcare. Economic, organizational, legal, moral and psychological reasons for corruption in the provision of medical care are considered. Further legal measures and organizational measures to minimize corruption in the provision of medical care are determined. The author concludes that the effective implementation of legal measures and organizational measures aimed at preventing the causes of corruption makes it possible to increase the availability of medical care and minimize the level of corruption in healthcare.

Conclusion. Combating corruption in the provision of medical care is of particular importance for society and the state.

In order to minimize corruption in the provision of medical care, the following legal measures and organizational measures are proposed: to eliminate legal uncertainty and inconsistency in healthcare legislation by codifying it; expand access to medical care; develop a mechanism for providing medical care to citizens of the Republic of Belarus included in the database of persons not employed in the economy; ensure the implementation of public control as an independent form of external control; improve the legal culture of medical workers and the population; include a practice-oriented anti-corruption module in the program when medical workers receive a qualification category.

Key words: corruption, healthcare, medical care, causes, measures, counteraction, accessibility.

В Республике Беларусь учреждениями здравоохранения обеспечивается доступное медицинское обслуживание и предоставляется бесплатное лечение за счет государственных средств в порядке, установленном законом, что гарантировано Конституцией [1, ст. 45]. Граждане в любой момент могут обратиться за медицинской помощью, несмотря на свои финансовые возможности. Именно система здравоохранения обеспечивает реализацию конституционного права граждан на охрану здоровья. Важность данной сферы для государства и общества очевидна. Во-первых, это эффективная реализация одной из составляющих социальной функции государства, а также обеспечение общественного здоровья. Во-вторых, нельзя не отметить экономическую роль здравоохранения, заключающуюся в обеспечении демографической безопасности и сохранении здоровья трудоспособного населения, которое обеспечивает рост экономического благосостояния государства. Однако здравоохранение относится к сферам деятельности, наиболее подверженным коррупции, что актуализирует исследования, направленные на минимизацию коррупционных проявлений при оказании медицинской помощи.

Теме коррупции, в том числе в сфере здравоохранения, уделяется постоянное внимание рядом авторов, среди которых следует отметить Т.А. Балебанову, А.В. Баркова, Г.А. Василевича, Н.С. Грудинина, И.А. Семенцову и др. Большинство авторов отмечают, что коррупция в сфере здравоохранения отличается от коррупционных преступлений в иных сферах, потому что речь идет не только о получении вознаграждения или иной выгоды вопреки интересам службы или осуществляемой деятельности, но и о ненадлежащем и несвоевременном оказании медицинской помощи, которое ограничивает доступность медицинской помощи и может повлечь причинение вреда жизни и здоровью граждан [2; 3]. Изучение виктимологических аспектов коррупции в здравоохранении позволило установить, что в качестве одной из причин совершения коррупционных преступлений и правонарушений является недостаточная эффективность профилактических мер [4]. Все исследователи едины в том, что коррупция в здравоохранении – особый вид коррупции, поскольку среда, в которой она развивается, существенно отличается от той среды, где развиваются иные виды коррупции [2–4].

Целью исследования – определение правовых и организационных мер минимизации коррупци-

онных проявлений при оказании медицинской помощи.

Материал и методы. Материалом послужили доктринальные источники, нормативные правовые акты, статистические данные и судебная практика. Были использованы общенаучные и частно-научные.

Результаты и их обсуждение. Исследование современного состояния коррупции, детерминант коррупционных преступлений, а также мер профилактики причин и условий, способствующих укоренению коррупции, позволяет сделать вывод, что большинство коррупционных преступлений совершается в торговле, промышленности, здравоохранении, сельском хозяйстве, строительстве, образовании и транспорте [2–4].

В 2023 году в Республике Беларусь имел место рост количества коррупционных преступлений в сравнении с 2022 г. с 1 076 до 1 253 (на 16%), а также возросло число лиц, их совершивших с 819 до 924 (на 12,8%). Увеличение количества коррупционных преступлений наблюдалось в сельском хозяйстве, промышленности, торговле, а также и в здравоохранении [5; 6].

В целом, согласно статистическим данным 2023 г., в Республике Беларусь было осуждено 717 лиц за совершение преступлений коррупционной направленности, что на 4,5% больше, чем в 2022 г., когда было осуждено 686 человек. При этом следует отметить, что только 283 лица приговорены к различным срокам лишения свободы.

Наибольшее количество виновных осуждено за совершение следующих преступлений:

- хищение путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 210 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК)) – 275 лиц;
- получение взятки (ст. 430 УК) – 233 лица;
- превышение власти или служебных полномочий (чч. 2, 3 (ст. 426 УК) – 74 лица;
- злоупотребление властью или служебными полномочиями (ст. 424 УК) – 70 лиц;
- дача взятки (чч. 2, 3 ст. 431 УК) – 50 лиц;
- злоупотребление властью, превышение власти либо бездействие власти (ст. 455 УК) – 10 лиц;
- бездействие должностного лица (ст. 425 УК) – 4 лица;
- незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 429 УК) – 1 лицо [7].

Коррупция в здравоохранении является в большей степени разновидностью «бытовой» коррупции, когда размер взяток небольшой, но большие количественные показатели. Ученые полагают, что из-за «бытового» характера данный

вид коррупции является сверхлатентным и указывают на то, что высокая степень латентности обусловлена (помимо общехарактерных для коррупции причин) специфическими особенностями профессионального круга медицинских работников: закрытость, своеобразная кастовость, взаимозависимость членов коллектива организации здравоохранения [8, с. 20]. При этом следует отметить, что в Беларуси реализуемые в сфере здравоохранения меры по противодействию коррупции соответствуют рекомендациям Всемирной организации здравоохранения (проведение независимых проверок государственных ведомств, больниц, иных организаций, работающих со средствами, направляемыми в сферу здравоохранения и др.).

В исследованиях, посвященных причинам коррупции в сфере здравоохранения, чаще всего выделяют следующие формы коррупции: хищения при осуществлении государственных закупок, в том числе взятки при поставке медицинского оборудования, медикаментов, ремонте и строительстве объектов здравоохранения; хищения бюджетных средств, иных материальных средств, относящихся к ведению здравоохранения; взятки при оказании медицинской помощи за услуги, которые предоставляются бесплатно [9, с. 7].

Судебная практика по медицинским делам позволяет говорить о наличии специфики данных противоправных деяний коррупционной направленности. Например, из-за того, что на некоторые диагностические услуги в учреждениях здравоохранения существует очередь, медицинские работники предлагают заплатить им определенную сумму с целью получения необходимой медицинской услуги без очереди, и граждане, которые заинтересованы в быстром получении медицинской услуги, идут на такие противозаконные действия. Так, с 2019 по 2022 г. врач одного из столичных учреждений здравоохранения, которой инкриминировано принятие незаконных вознаграждений за обследование пациентов, получила незаконные вознаграждения в сумме не менее 500 бел. рублей от ряда пациентов за срочное проведение МР-томографического исследования вне очереди. При этом пациентам она указывала на необходимость передачи ей денег лично, а не в кассу учреждения [10].

Также распространена такая форма противоправных действий, как взимание платы за неоказанные услуги, когда включают в договор на оказание медицинских услуг те виды услуг, которые

не оказывались или указывают завышенные цены, по сравнению с официально установленными.

В последние годы получила распространение практика предложения диагностических и иных медицинских услуг, а также лекарственных средств, медицинских изделий в интересах определенных медицинских и фармацевтических компаний, которые оплачивают медицинскому работнику такие услуги. Например, сотрудники представительства одной иностранной компании в 2019–2022 гг. заключали с практикующими врачами договоры подряда на чтение лекций медицинскими работниками за вознаграждение по вопросам лечения и профилактики заболеваний на примере использования препаратов, производимых иностранной компанией. Однако, как было установлено, лекции врачами не проводились. Деньги медицинские работники фактически получали за рекомендации пациентам использовать определенные препараты и изделия. По данному факту было возбуждено 7 уголовных дел в отношении представителей иностранной компании и по фактам передачи более 50 медицинским работникам незаконных вознаграждений на общую сумму более 400 000 бел. рублей [11].

Учеными и практиками выделяются также менее распространенные формы коррупции, к которым относятся подлог медицинских документов пациентов, документов сотрудников (оформление на работу несуществующих сотрудников); подделка лекарств; незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, нарушение правил их оборота; превышение должностных полномочий; подкуп сотрудников контролирующих органов и медицинских работников; незаконное помещение в психиатрический стационар [12].

Большинство коррупционных правонарушений в сфере здравоохранения связано с нарушением законодательства, регламентирующего процедуры закупок. За последние два года (2022–2023 гг.) за нарушения в закупочной сфере только к административной ответственности привлечено более 1,5 тысячи лиц [5].

В новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь закрепляется необходимость минимизации коррупционных проявлений [13]. Поэтому требуется поиск дополнительных мер профилактики причин коррупционных проявлений, которые отличаются многообразием.

Так, в юридической литературе причины коррупционных деяний в здравоохранении подразделяются на четыре группы.

К первой группе относятся экономические причины, среди которых принято отмечать уровень заработной платы медицинских работников в сравнении с финансовым обеспечением данной категории работников в иных странах в соответствии с уровнем ответственности и профессионального риска [14, с. 150]. Полагаем, что данная причина утратила свою актуальность. Так, в 2023 г. среднемесячная зарплата работников организаций здравоохранения была самая высокая среди всех бюджетных сфер и составила 1618,9 бел. руб. Причем у врачей этот показатель 2841,5 бел. руб. (149,4% от средней зарплаты по всем видам экономической деятельности), у среднего медперсонала – 1576,3 бел. руб. (82,9%) [15].

Следует отметить, что размер незаконного денежного вознаграждения за то или иное действие не связан с какими-либо экономическими процессами, а напрямую зависит от взяточполучателя. На размер взятки может влиять вид незаконного деяния медицинского работника.

В то же время, рассматривая экономические меры, воздействующие на минимизацию коррупционных рисков, необходимо обратить внимание на механизм оказания медицинской помощи гражданам Республики Беларусь, включенным в базу лиц, не занятых в экономике. С экономической точки зрения такие лица не являются субъектами налоговых отношений, а следовательно, не участвуют в формировании государственных средств, из которых финансируется оказание бесплатной медицинской помощи. Зачастую, проживая длительно за пределами Республики Беларусь, они кратковременно приезжают в Беларусь за оказанием бесплатной медицинской помощи и сужают возможности добросовестных налогоплательщиков в получении доступной медицинской помощи, а также могут использовать незаконное вознаграждение как способ ускорить проведение диагностических услуг и лечения. Представляется возможным ограничить в отношении таких субъектов право на бесплатное оказание медицинской помощи, как лиц, невыполняющих налоговые обязательства граждан Республики Беларусь.

Во вторую группу входят организационные причины, в том числе осуществление внутреннего контроля за функционированием системы организаций здравоохранения независимо от формы собственности и реализация государственными органами внешних контрольно-надзорных функций за их деятельностью [14, с. 150]. Действительно, на коллегии Министерства здра-

воохранения по итогам работы в 2023 г. отмечалось, что «остро стоит вопрос функционирования эффективной внутренней системы постоянного мониторинга и контроля. Такой механизм должен стать действенным инструментом профилактической работы, выявления узких мест и качественного планирования» [16].

На наш взгляд, вместе с внутренним контролем, необходимо усилить общественный контроль за противодействием коррупции при оказании медицинской помощи. В ст. 46 Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» закрепляется, что общественный контроль в сфере борьбы с коррупцией осуществляется гражданами Республики Беларусь, организациями, в том числе общественными объединениями [17]. Так, законодательство допускает включение в состав комиссии по противодействию коррупции наряду с «работниками государственного органа (организации), в том числе курирующих (осуществляющих) финансово-хозяйственную и производственную деятельность, бухгалтерский учет, распоряжение бюджетными денежными средствами, сохранность собственности и эффективное использование имущества, кадровую и юридическую работу», также граждан и представителей юридических лиц [18]. Однако мы разделяем позицию Д.В. Щербика, который полагает, что «отсутствие системного регулирования общественного контроля в сфере здравоохранения, определения его понятия, целей и задач, единообразных подходов к формированию институтов, его осуществляющих, формам его осуществления приводит к смешению общественного контроля и внутреннего контроля в учреждениях здравоохранения» [19, с. 85]. На наш взгляд, деятельность комиссий по противодействию коррупции в сфере здравоохранения можно отнести к внутреннему контролю, поскольку при реализации данного вида контроля речь идет о трудовых отношениях, основанных на должностном подчинении руководству организации здравоохранения. В то время как общественный контроль, предусмотренный ст. 46 Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией», имеет внешний характер и может применяться как самостоятельная форма контроля.

Третья группа причин коррупционных проявлений заключается в несовершенстве нормативного правового регулирования отношений по оказанию медицинской помощи [14, с. 150]. Так, в 2023 г. «на 64% возросло количество принятых Министерством здравоохранения постановлений, на 2% – приказов. Однако сохраняются

аргументированные замечания о недостаточном качестве принимаемых нормативных правовых актов» [16]. Действительно, применение законодательства о здравоохранении, которое представляет огромный массив нормативных правовых актов и норм, сопряжено с его противоречивостью и неопределенностью, что способствует коррупционным проявлениям. Следовательно решение этого вопроса видится в кодификации законодательства о здравоохранении. В стране ведется работа по подготовке Кодекса о здравоохранении, принятие которого повысит качество правового регулирования отношений в сфере здравоохранения.

Четвертую группу причин коррупционных деяний составляют нравственно-психологические факторы: допустимость коррупционного поведения в сознании как отдельных медицинских работников, так и отдельных пациентов [14, с. 150]. Следует согласиться с точкой зрения, что регулирование отношений в системе здравоохранения осуществляется путем сочетания юридических и морально-этических норм, являющихся неотъемлемой частью медицинской деятельности и имеющих для нее крайне высокое значение. Поэтому данная особенность отличает медицину от других видов деятельности и должна учитываться при определении механизмов правового регулирования отношений в сфере здравоохранения при оказании медицинской помощи и услуг [14, с. 148]. Разделяя данную точку зрения, полагаем необходимым проводить работу по дальнейшему повышению правовой культуры и просвещению медицинских работников и населения, а также включить практико-ориентированный модуль по противодействию коррупции в программу при получении квалификационной категории медицинскими работниками.

Представляется, что обозначенные причины коррупционных проявлений в сфере здравоохранения не являются исчерпывающими. Считаем возможным, что эффективное осуществление правовых мер и организационных мероприятий, направленных на профилактику причин коррупционных проявлений, позволят повысить доступность медицинской помощи и минимизировать уровень коррупции в здравоохранении.

Заключение. Противодействие коррупции в сфере здравоохранения имеет особую важность для общества и государства.

В целях минимизации коррупционных проявлений при оказании медицинской помощи предлагаются следующие правовые меры

и организационные мероприятия: устранить правовую неопределенность и противоречивость законодательства о здравоохранении путем его кодификации (принять Кодекс о здравоохранении); расширить доступность медицинской помощи; разработать механизм оказания медицинской помощи гражданам Республики Беларусь, включенным в базу лиц, не занятых в экономике; обеспечить реализацию общественного контроля, предусмотренного ст. 46 Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» как самостоятельную форму внешнего контроля; повысить правовую культуру медицинских работников и населения; включить практико-ориентированный модуль по противодействию коррупции в программу при получении квалификационной категории медицинскими работниками.

Литература

1. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 фев. 2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
2. Грудинин, Н.С. Современное состояние коррупции в системе здравоохранения Российской Федерации: монография / Н.С. Грудинин. – Москва: Русайнс, 2018. – 66 с.
3. Семенцова, И.А. Детерминанты коррупционных проявлений в сфере здравоохранения и меры профилактики и причин и условий, способствующих укоренению коррупции / И.А. Семенцова, Е.А. Федорова // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2018. – № 5(96). – С. 91–94.
4. Балебанова, Т.А. Виктимологические аспекты коррупционных преступлений в сфере здравоохранения (к юбилею кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина) / Т.А. Балебанова // Союз криминалистов и кримиологов. – 2018. – № 4. – С. 7–12.
5. Борьба с коррупцией на всех уровнях: Генеральный прокурор Андрей Швед встретился с трудовыми коллективами ОАО «БЕЛАЗ» и ОАО «Кузнецкий завод тяжелых штамповок» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://prokuratura.gov.by/ru/media/video/borba-s-korrupsiey-1601/>. – Дата доступа: 11.06.2024.
6. На коллегии в Генеральной прокуратуре подвели итоги работы ведомства за 2023 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://prokuratura.gov.by/ru/media/sobytiya-i-meropriyatiya/na-kolleгии-v-genera200224/>. – Дата доступа: 11.06.2024.
7. Сведения за 2023 год о числе привлеченных к уголовной ответственности и мерах уголовного наказания по уголовным делам о коррупционных преступлениях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://court.gov.by/ru/statistika1/f65714aa2e21450b.html>. – Дата доступа: 11.06.2024.
8. Балебанова, Т.А. Современное состояние коррупции в здравоохранении России и меры ее предупреждения: криминологическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Т.А. Балебанова; Моск. гос. юрид. ун-т имени О.Е. Кутафина. – М., 2013. – 31 с.

9. Плохов, С.В. Противодействие коррупционной преступности в социальной сфере (на примере здравоохранения и образования Волгоградской и Саратовской областей): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / С.В. Плохов; Саратов. гос. юрид. акад.. – Саратов, 2013. – 25 с.
10. Прокуратура Центрального района Минска: ограничение свободы и 14 тыс. рублей штрафа за срочное обследование пациентов вне очереди и кассы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://prokuratura.gov.by/ru/media/novosti/nadzor-za-resheniyami-po-ugolovnym-i-grazhdanskim-delam/prokuratura-tsentral160524/>. – Дата доступа: 11.06.2024.
11. Генпрокуратура: более 50 медиков получили незаконное вознаграждение за продвижение медпрепаратов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minsknews.by/genprokuratura-bolee-50-medikov-poluchili-nezakonnoe-voznaagazhdenie-za-prodvizhenie-medpreparatov/>. – Дата доступа: 11.06.2024.
12. Хасанов, Ф.З. К вопросу о противодействии коррупции в сфере здравоохранения / Ф.З. Хасанов // Евразийская адвокатура. – 2014. – № 2. – С. 71–74.
13. Концепция Национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: утв. решением Всебелорус. народного собрания 25.04.2024 № 5 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
14. Рочева, Е.А. К вопросу о коррупции в сфере здравоохранения / Е.А. Рочева // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. – 2013. – № 6. – С. 148–154.
15. Минздрав рассказал о резерве для повышения зарплаты работников здравоохранения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/minzdrav-rasskazal-o-rezerve-dlja-povysheniya-zarplaty-rabotnikov-zdravooohranenija-621709-2024>. – Дата доступа: 11.06.2024.
16. Коллегия Министерства здравоохранения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minzdrav.gov.by/ru/sobytiya/kollegiya-ministerstva-zdravookhraneniya-2024/>. – Дата доступа: 11.06.2024.
17. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 305-3 / с изм. и доп. от 24 мая 2024 г. № 7-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
18. Типовое положение о комиссии по противодействию коррупции [Электронный ресурс]: утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь от 26.12.2011 № 1732 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 30.04.2019 № 267 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
19. Щербик, Д.В. Общественный контроль в области здравоохранения в Республике Беларусь: правовые основы, реальное состояние и направления совершенствования / Д.В. Щербик // Вестн. Полоц. гос. ун-та. – 2020. – № 5. – С. 79–88.

Поступила в редакцию 22.07.2024

Использование модели Дюпона для оценки эффективности деятельности белорусских компаний

Мартынова А.В., Побяржина Т.П.

Витебский филиал УО ФПБ «Международный университет "МИТСО"»

При подготовке студентов-экономистов важно уделять особое внимание развитию у них умения анализировать показатели эффективности деятельности предприятия, формулировать выводы, какие наиболее значимые факторы влияют на финансовые результаты компании. На наш взгляд, одним из инструментов, наиболее подходящим для решения данной задачи, является модель Дюпона, которая, к сожалению, не получила широкого применения в практике отечественных организаций, хотя повсеместно применяется для оценки эффективности компаний в странах с рыночной экономикой [1, с. 99].

Цель статьи – описать систему показателей, используемых в различных модификациях модели Дюпона, рассмотреть особенности применения пятифакторной модели для оценки деятельности белорусских компаний.

Материал и методы. Информационной базой для настоящей работы послужили результаты научных исследований, представленные в трудах по рассматриваемой тематике Л.А. Бернштейном, Ж.А. Коваленко, П.Н. Лихутиным И.Я. Лукасевичем, В.Г. Когденко, Г.В. Савицкой, D.L. Flesher, G.A. Hawawini, T.J. Liesz, M.R. Swain и др. Методология исследования строилась на общенаучных методах синтеза, обобщения, сравнительного и графического анализа.

Результаты и их обсуждение. В публикации рассматриваются подходы к проведению оценки эффективности деятельности предприятия на основе пятифакторной модели. С целью объяснения, почему рентабельность хозяйственной деятельности оказалась ниже, чем в предыдущем году или ниже плановой, необходимо рассмотреть результаты факторного анализа и выявить те факторы, на которые нужно воздействовать сейчас, чтобы рентабельность не снижалась в будущем.

Заключение. Несомненная ценность модели Дюпона заключается в том, что она позволяет руководителям и собственникам выявлять конкретные факторы, в первую очередь оказывающие влияние на рентабельность собственного капитала – ключевого показателя для оценки эффективности работы предприятия.

Ключевые слова: эффективность, рентабельность, мультипликатор, коэффициент, чистые активы, собственный капитал, факторный анализ, модель Дюпона.

Application of DuPont Model to Assess the Performance of Belarusian Companies

Martynova A.V., Pobiarchzhina T.P.

Vitebsk Branch of the International University MITSO

When training Economics students, it is important to pay special attention to developing their ability to analyze the performance indicators of an enterprise, formulate conclusions about what most significant factors influence the financial results of the company. In our opinion, one of the tools most suitable for solving this problem is the DuPont model, which, unfortunately, has not been widely used in the practice of domestic organizations, although it is widely used to assess the efficiency of companies in countries with market economies [1, p. 99].

The article aims to describe the system of indicators used in various modifications of DuPont model, to consider features of using the five-factor model to evaluate the activities of Belarusian companies.

Material and methods. The material for this work was the research data presented in scientific works on the topic under consideration by L.A. Bernstein, J.A. Kovalenko, P.N. Likhutin I.Ya. Lukasevich, V.G. Kogdenko, G.V. Savitskaya, D.L. Flesher, G.A. Hawawini, T.J. Liesz, M. R. Swain and others. The methodology included general scientific methods of synthesis, comparative analysis, and generalization.

Findings and their discussion. The article discusses approaches to assessing the efficiency of an enterprise based on a five-factor model. In order to explain why the profitability of business activities turned out to be lower than in the previous year or lower than planned, it is necessary to consider the results of factor analysis and identify those factors that need to be influenced now so that profitability does not decrease in the future.

Conclusion. The undoubted value of DuPont model lies in the fact that it allows managers and owners to identify specific factors that primarily influence return on equity capital – a key indicator for assessing the efficiency of an enterprise.

Key words: efficiency, profitability, multiplier, ratio, net assets, equity, factor analysis, DuPont model.

В последние десятилетия модель Дюпона привлекает пристальное внимание российских учёных. Развернутый обзор различных вариантов применения этой модели можно найти, например, в работе П.Н. Лихутина [2]. Несомненная ценность модели Дюпона заключается в том, что она позволяет руководителям и собственникам выявлять конкретные внутренние факторы, в первую очередь оказывающие существенное влияние на рентабельность собственного капитала – ключевого показателя для оценки эффективности работы предприятия. На наш взгляд, данная модель также является незаменимым инструментом в процессе обучения студентов, так как позволяет наглядно увидеть и усвоить систему взаимосвязей коэффициентов, воздействующих на эффективность и прибыльность компании.

Цель статьи – описать систему показателей, используемых в различных модификациях модели Дюпона, рассмотреть особенности применения пятифакторной модели для оценки деятельности белорусских компаний.

Материал и методы. Материалом для настоящей работы послужили исследовательские данные, представленные в научных трудах по рассматриваемой тематике Л.А. Бернштейном, Ж.А. Коваленко, П.Н. Лихутиным, И.Я. Лукасевичем, В.Г. Когденко, Г.В. Савицкой, D.L. Flesher, G.A. Hawawini, T.J. Liesz, M.R. Swain и др. Методология включала общенаучные методы синтеза, сравнительного анализа, обобщения.

Результаты и их обсуждение. Модель Дюпона, уравнение Дюпона (англ. The DuPont System of Analysis, DuPont Identity) – метод финансового анализа, применяемый для оценки ключевых факторов, определяющих рентабельность предприятия. «Назначение модели – идентифицировать факторы, определяющие эффективность функционирования предприятия, оценить степень их влияния и складывающиеся тенденции в их изменении и значимости» [3, с. 387]. Модель Дюпона – это способ визуализации информации, хороший инструмент для того, чтобы руководители начали понимать, каким образом они могут влиять на результаты, связаны ли проблемы предприятия с использованием активов или операционной эффективностью [4].

Метод впервые был предложен в 1914 году аналитиком финансовой службы компании «Дюпон» Дональдсоном Брауном. Он ввел в управление показатель рентабельности инвестиций, или норму прибыли на вложенный капитал (R), которая рассчитывается как произ-

ведение *оборачиваемости вложенного капитала* (Т) и *рентабельности продаж* (Р) [5, с. 84]. Исследователи отмечают, что Д. Браун не был первым, кто использовал для измерения эффективности показатели, включающие оборачиваемость капитала и рентабельность продаж. Его заслугой является то, что он расширил простую формулу рентабельности инвестиций (ROI) до сложного и взаимосвязанного представления ключевых показателей эффективности работы предприятия, которые интегрировались вместе в модель финансовой эффективности для любого вида бизнеса [6, с. 18]. Предложенная им схема была впервые опубликована в 1950 году в статье «Как “Дюпон” оценивает свою эффективность» ('How the Du Pont organization appraises its performance'. Financial Management Series № 94, American Management Association), и в середине 20-го века данный метод анализа приобрел статус доминирующего подхода к финансовому управлению в промышленных корпорациях [5, с. 79].

Д. Браун впервые превратил простую формулу для вычисления рентабельности инвестиций в эффективный управленческий инструмент, разложив показатель до элементов, каждый из которых тесно связан с теми или иными аспектами деятельности предприятия. Например, показатель оборачиваемости инвестиций делился на компоненты, охватывающие производственное оборудование и другие основные средства (долгосрочные инвестиции), а также средства, замороженные в оборотном капитале (рабочий капитал), такие как запасы сырья, материалов, комплектующих, незавершенное производство, готовая продукция на складах и необходимые для будущих хозяйственных операций денежные резервы. Предложенная Д. Брауном модель оценки эффективности предприятия (рисунок 1) позволила ставить конкретные управленческие задачи руководителям среднего звена, и работать над улучшением отдельных составляющих.

Как видно из рисунка 1, изначально формула Дюпона включала рентабельность инвестиций «(ROI-return on investment). Согласно мнению Л. Бернштейна, для термина прибыль на инвестиции (ROI)» существует множество концепций инвестиционной базы и доходов, и нужно более точное понятие, чтобы описать реальную инвестиционную базу. Фактически в своей формуле Д. Браун в качестве инвестиционной базы использовал общую сумму активов, а это возможно, – «наилучший показатель производ-

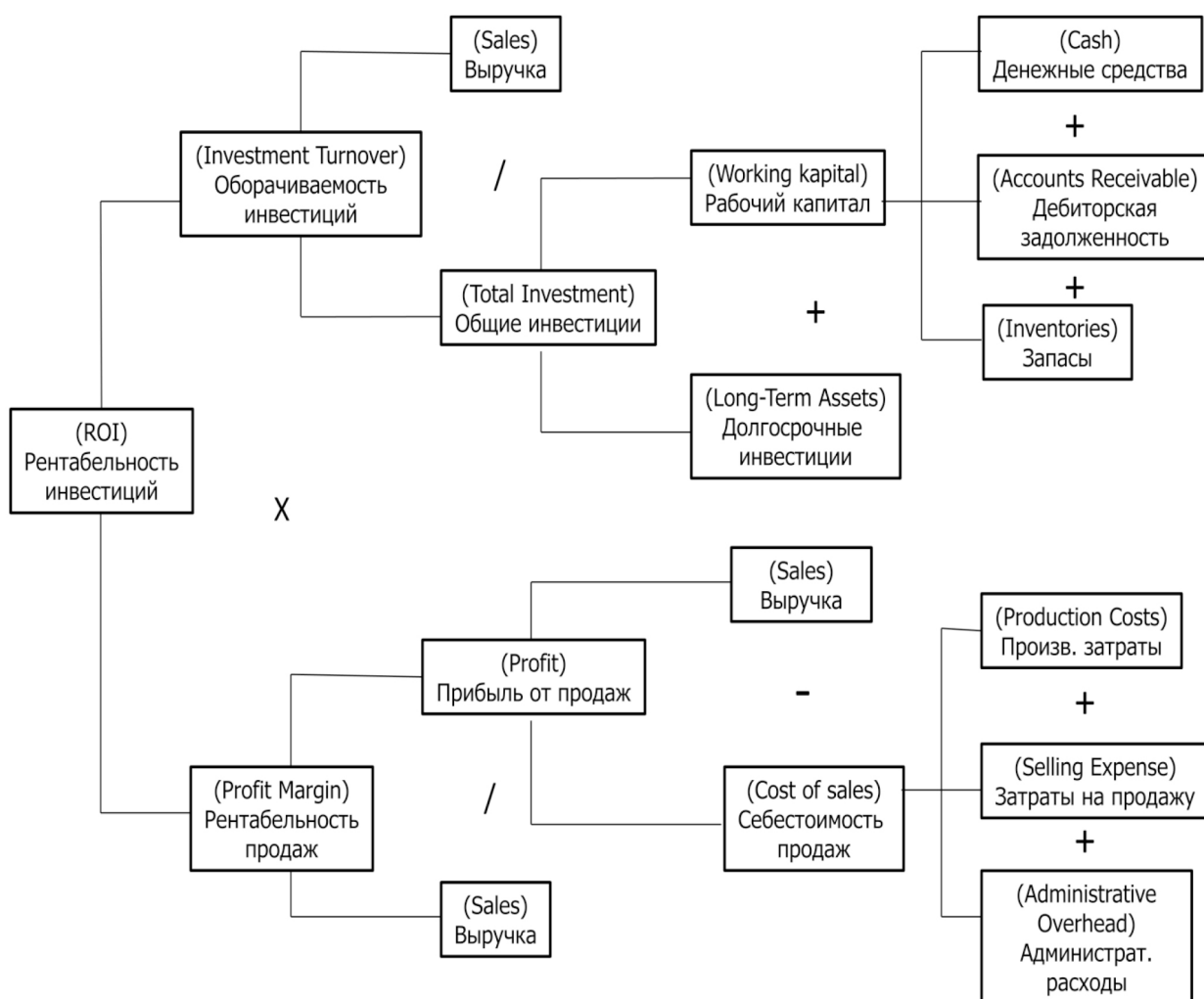

Рисунок 1 – Связь между прибылью, рентабельностью и оборачиваемостью в модели Дюпона, опубликованной в 1950 году. Адаптировано из [6, с. 20]

ственной эффективности предприятия, так как характеризует полученную прибыль на все активы, вверенные руководству» [7, с. 482]. Поэтому в современных интерпретациях формулы Дюпона используется показатель рентабельности активов (ROA-return on assets).

Таким образом, исходная модель Дюпона (уравнение Дюпона) изначально включала произведение двух основных показателей, см. рисунок 2:

Рентабельность активов – это произведение показателей рентабельности продаж (ROS – return on sales) и оборачиваемости активов (TAT-total asset turnover). Как указывает R.G. Blumenthal, до семидесятых годов прошлого столетия максимизация рентабельности активов была общей корпоративной целью, и осознание того, что на рентабельность инвестиций влияют как прибыльность, так и оборачиваемость активов привело

к разработке системы планирования и контроля всех операционных решений внутри фирмы. Это стало доминирующей формой финансового анализа до 1970-х годов [4].

Со временем модель Дюпона была модифицирована. Как отмечает T.J. Liesz, в 1970-х годах общепринятой целью финансового менеджмента стала максимизация благосостояния владельцев фирмы, и фокус сместился с рентабельности активов (ROA) на рентабельность собственного капитала (ROE-return on equity). Это привело к первой крупной модификации оригинальной модели Дюпона. Помимо прибыльности и оборачиваемости, третьим фактором, который привлек внимание финансовых менеджеров, стал финансовый рычаг – то, как фирма финансирует свою деятельность, т.е. использует долг или «кредитное плечо». Новый показатель получил название мульт-

$$\begin{array}{c}
 \text{ROA} \\
 \text{(рентабельность} \\
 \text{активов)} \\
 \\
 \frac{\text{(чистая прибыль)} \\
 \text{NP}^*}{\text{TA}^{**}} \\
 \text{(общие активы)}
 \end{array}
 =
 \begin{array}{c}
 \text{ROS} \\
 \text{(рентабельность} \\
 \text{продаж)} \\
 \\
 \frac{\text{(чистая прибыль)} \\
 \text{NP}}{\text{Sales}} \\
 \text{(выручка)}
 \end{array}
 \times
 \begin{array}{c}
 \text{TAT} \\
 \text{(оборачиваемость} \\
 \text{активов)} \\
 \\
 \frac{\text{(выручка)} \\
 \text{Sales}}{\text{TA}} \\
 \text{(общие активы)}
 \end{array}$$

* net profit

** total assets

Рисунок 2 – Двухфакторная модель Дюпона

$$\begin{array}{c}
 \text{ROE} \\
 \text{(рентабельность} \\
 \text{собственного} \\
 \text{капитала)} \\
 \\
 \frac{\text{(чистая прибыль)} \\
 \text{NP}}{\text{E}^*} \\
 \text{(собст. капитал)}
 \end{array}
 =
 \begin{array}{c}
 \text{ROS} \\
 \text{(рентабельность} \\
 \text{продаж)} \\
 \\
 \frac{\text{(чистая прибыль)} \\
 \text{NP}}{\text{Sales}} \\
 \text{(выручка)}
 \end{array}
 \times
 \begin{array}{c}
 \text{TAT} \\
 \text{(оборачиваемость} \\
 \text{активов)} \\
 \\
 \frac{\text{(выручка)} \\
 \text{Sales}}{\text{TA}} \\
 \text{(общие активы)}
 \end{array}
 \times
 \begin{array}{c}
 \text{FLM} \\
 \text{(финансовый} \\
 \text{рычаг)} \\
 \\
 \frac{\text{(общие активы)} \\
 \text{TA}}{\text{E}} \\
 \text{(собст. капитал)}
 \end{array}$$

Рисунок 3 – Трехфакторная модель Дюпона

типликатора собственного капитала (Financial Leverage Multiplier – FLM), который определяется как частное общей суммы активов на капитал [12, с. 22]. Модифицированная трехфакторная модель Дюпона представлена на рисунке 3.

Модифицированная трехфакторная модель показывает взаимосвязь показателей, взятых из отчета о прибылях и убытках фирмы и ее бухгалтерского баланса, и служит основой для разработки стратегии повышения рентабельности собственного капитала компании (ROE). Именно этот вариант модели является общепризнанным управленческим инструментом и включен во многие современные учебники по финансовому менеджменту [3; 8; 9; 10; 11].

Пятифакторная модель Дюпона. К концу 20-го века была разработана пятифакторная модель Дюпона. На наш взгляд, для руководителей и собственников отечественных компаний полез-

ным инструментом для анализа эффективности деятельности торгово-промышленных предприятий является один из вариантов пятифакторной модели Дюпона, который был опубликован G.A. Hawawini и C.V. Viallet в 1999 г. [12]. Подробное описание и объяснение этой модели на русском языке можно найти, например, в работе И.Я. Лукасевича [8]. Использование данного варианта модели Дюпона позволяет ставить задачи для менеджеров, обеспечивающих операционную деятельность фирмы, то есть участвующих в закупке сырья, производственной деятельности, продажах, и отвечающих за их эффективность. Мы согласны с G.A. Hawawini, что если показатели рентабельности продаж (ROS) и рентабельности активов (ROA) рассчитываются по чистой прибыли (как в двухфакторной и трехфакторной моделях Дюпона), то они не являются подходящими показателями *рентабельности операци-*

онной деятельности¹ фирмы, так как чистая прибыль – это прибыль после уплаты налогов и процентных расходов – т.е. она получается из операционной прибыли в результате решений о финансировании, но операционные менеджеры не принимают решений, связанных с финансированием и налогообложением [13]. Поэтому вместо ROA для оценки конкретного вклада операционных решений в общую прибыльность фирмы G.A. Hawawini использовал показатель рентабельности инвестированного капитала (ROIC_{BT} – return on invested capital before tax) – это отношение операционной прибыли до выплаты % и налогов (EBIT – earnings before interest and taxes) к инвестированному капиталу (IC – invested capital), необходимому для получения EBIT.

Таким образом, операционные решения фирмы отражены соотношениями:

1) рентабельность продаж по прибыли до вычета % и налога (ROS_{EBIT})²:

$$ROS_{EBIT} = \frac{\begin{matrix} \text{(прибыль} \\ \text{до выплаты} \\ \text{\% и налогов)} \\ EBIT \end{matrix}}{\begin{matrix} Sales \\ \text{(выручка)} \end{matrix}};$$

2) оборачиваемость инвестированного капитала (CT – capital turnover):

$$CT = \frac{\begin{matrix} \text{(выручка)} \\ Sales \end{matrix}}{\begin{matrix} IC \\ \text{(инвестир.} \\ \text{капитал)} \end{matrix}};$$

Произведение этих двух коэффициентов равно показателю рентабельности инвестированного капитала ROIC_{BT}:

$$ROIC_{BT} = \frac{EBIT}{Sales} \times \frac{Sales}{IC}$$

Финансовые решения фирмы – это решения, которые определяют соотношение заемного и собственного капитала, используемого для фи-

нансирования операционных решений компании. В модели они отражены двумя коэффициентами, это:

3) коэффициент финансовых затрат³, он же коэффициент долговой нагрузки (IB – interest burden):

$$IB = \frac{\begin{matrix} \text{(прибыль} \\ \text{до выпл. нал.)} \\ EBT^4 \end{matrix}}{\begin{matrix} EBIT \\ \text{(прибыль до} \\ \text{выпл. \% и нал.)} \end{matrix}};$$

4) коэффициент финансовой структуры⁵ или мультипликатор собственного капитала (EM – equity multiplier):

$$EM = \frac{\begin{matrix} \text{(инвестир. кап.)} \\ IC \end{matrix}}{\begin{matrix} E \\ \text{(собст. капитал)} \end{matrix}}$$

Последним фактором, определяющим рентабельность собственного капитала фирмы, является уровень налогообложения бизнеса. Это пятый коэффициент в модифицированной модели Дюпона.

5) коэффициент налогового эффекта⁶ или налоговой нагрузки (TB – tax burden):

$$TB = \frac{\begin{matrix} \text{(чистая прибыль)} \\ NP \end{matrix}}{\begin{matrix} EBT \\ \text{(прибыль} \\ \text{до выпл. нал.)} \end{matrix}}$$

В итоге модифицированная пятифакторная модель Дюпона выглядит следующим образом (см. рисунок 4) [13]:

Рассмотрим влияние каждого из коэффициентов на рентабельность собственного капитала (ROE).

Рентабельность продаж по прибыли до вычета % и налога (ROS_{EBIT}). Очевидно, что чем выше показатель прибыли до вычета % и налога (EBIT), тем выше рентабельность продаж ROS_{EBIT} и выше ROE. Показатель зависит от ценовой политики фирмы и эффективности контроля за расходами. Более высокой ROS_{EBIT} можно достичь, например, за счет сокращения операционных расходов без потери объема выручки или за счет увеличения

³ G.A. Hawawini использует термин financial cost ratio, аналогичное название – interest burden.

⁴ EBT – earnings before tax.

⁵ financial structure ratio.

⁶ Tax effect ratio.

¹ Операционная деятельность фирмы – это решения, которые включают приобретение и выбытие основных средств, а также управление краткосрочными активами фирмы (в основном запасами и дебиторской задолженностью) и краткосрочными обязательствами (кредиторской задолженностью и начислениями).

² G.A. Hawawini использует термин operating profit margin.

ROE (рентабельность собственного капитала)	ROE_{EBIT} (рентабельность продаж по оп. пр.)	СТ (оборачив. капитала)	IB (коэф. долг. нагрузки)	ЕМ (мультипликатор собств. капит.)	ТВ (коэф. налог. нагрузки)
	(прибыль до выплаты % и налогов)		(прибыль до выпл. нал.)		
(чистая прибыль) NP	EBIT	(выручка) Sales	EBT	(инвестир. кап.) IC	(чистая прибыль) NP
E	Sales	IC	EBIT	E	EBT
(собств. капитал)	(выручка)	(инвестир. капитал)	(прибыль до выпл. % и нал.)	(собств. капитал)	(прибыль до выпл. нал.)

$$\frac{NP}{E} = \frac{EBIT}{Sales} \times \frac{Sales}{IC} \times \frac{EBT}{EBIT} \times \frac{IC}{E} \times \frac{NP}{EBT}$$

Рисунок 4 – Пятифакторная модель Дюпона, предложенная G.A. Hawawini

объема продаж без увеличения операционных расходов. Показатель характеризует эффективность как основной, так и прочей деятельности компании.

Оборачиваемость инвестированного капитала (СТ). Чем выше оборачиваемость инвестированного капитала, тем выше ROE. Более высокий оборот капитала достигается за счет более эффективного использования активов, необходимых для поддержки сбытовой деятельности фирмы. Этого можно достичь, например, за счет более быстрой оборачиваемости запасов, более короткого периода погашения дебиторской задолженности или меньшего количества основных средств на рубль продаж.

Коэффициент долговой нагрузки (IB) или эффект финансовых затрат показывает, какую долю прибыли составляют проценты по долгу. Чем выше будет долговая нагрузка, то есть чем больший процент фирма платит по банковским кредитам, тем меньше будет прибыль до выплаты налогов (EBT) и тем ниже будет показатель рентабельности собственного капитала (ROE). Если фирма полностью финансируется за счет акционерного капитала, то коэффициент равен единице, поскольку в этом случае показатели EBT и EBIT равны. Это максимальное значение коэффициента. Если фирма заимствует деньги, ее коэффициент долговой нагрузки будет меньше единицы.

Мультипликатор собственного капитала (ЕМ) или эффект финансовой структуры. По мере увеличения объема долгового финансирования собственный капитал (Е) уменьшается, значение мультипликатора собственного капитала (ЕМ) увеличивается и увеличивается ROE фирмы, если при этом все остальное остается прежним. Если инвестированный капитал фирмы полностью финансируется за счет собственного капитала, то тогда IC равен Е, и коэффициент финансовой структуры равен единице, ее минимальному значению.

Произведение коэффициента долговой нагрузки (IB) и мультипликатора собственного капитала (ЕМ) представляет собой индекс финансового рычага (IFL).

Таким образом, существует *эффект финансовых затрат*, который снижает ROE (ЕАТ снижается из-за более высоких процентных расходов), и одновременный *эффект финансовой структуры*, который увеличивает ROE (из-за более низкого показателя собственного капитала). Конечный эффект зависит от силы первого по отношению ко второму. Если эффект финансовых затрат слабее, чем эффект финансовой структуры, более высокий финансовый рычаг *увеличит* ROE. Если он сильнее, более высокий финансовый рычаг *снижит* ROE фирмы.

Коэффициент налоговой нагрузки (ТВ) или коэффициент налогового эффекта. Показывает долю чистой прибыли, которая остается с каждого рубля выручки после выплаты налога. Чем выше налоговая ставка, применяемая к прибыли до выплаты налогов EBT, тем ниже рентабельность собственного капитала ROE.

Расчет показателей для пятифакторной модели, адаптированный для белорусской финансовой отчетности, приводится в таблице 1.

Использование пятифакторной модели Дюпон для оценки финансовых результатов компании. Рассмотрим пример факторного анализа рентабельности собственного капитала на основе данных компании ОАО «Х», занимающейся производством обуви. Источником информации для анализа служат данные отчета о прибылях и убытках и бухгалтерского баланса за 2018–2019 годы.

Данные из отчета о прибылях и убытках берутся в целом за отчетный период, а значения из бухгалтерского баланса усредняются: суммируются на начало и конец периода и делятся пополам.

Таблица 1 – Расчет показателей для пятифакторной модели Дюпона

№	Наименование показателя	Экономический смысл	Формула расчета
1	Рентабельность продаж по прибыли до вычета % и налога (ROS_{EBIT})	Прибыль до выплаты % и налогов (EBIT) / Выручка (Sales)	(стр. 150 ОПУ* + стр. 131 ОПУ) / стр. 10 ОПУ
2	Оборачиваемость инвестированного капитала (СТ)	Выручка (Sales) / Инвестированный капитал (IC) ¹	стр. 10 ОПУ / данные строки 3 этой таблицы
3	Инвестированный капитал (IC) ¹ : Оборотный капитал Денежные ср-ва	Долгосрочные активы + Оборотный капитал + Денежные средства (Запасы + Расходы буд. периодов + НДС + Кр. дебит. задолж.) – (Кр. кредит. задолж. + Доходы буд. периодов) Долгоср. активы для реализ. + Краткоср. фин. влож. + Денежные ср-ва + Прочие активы	стр. 190 Б** + (стр. 210 Б + стр. 230 Б + стр. 240 Б + стр. 250 Б) – (стр. 630 Б + стр. 650 Б) + (стр. 220 Б + стр. 260 Б + стр. 270 Б + стр. 280 Б)
4	Коэффициент долговой нагрузки (IB)	Прибыль до выплаты налогов (EBT) / Прибыль до выплаты % и налогов (EBIT)	стр. 150 ОПУ / (стр. 150 ОПУ* + стр. 131 ОПУ)
5	Мультипликатор собственного капитала (ЕМ)	Инвестированный капитал (IC) / Собственный капитал (E) ⁷	Данные строки 3 этой таблицы / стр. 490 Б + стр. 650 баланса + стр. 660 баланса
6	Коэффициент налоговой нагрузки (ТВ)	Чистая прибыль (NP) / Прибыль до выплаты налогов (EBT)	стр. 210 ОПУ / стр. 150 ОПУ

* ОПУ – Отчет о прибылях и убытках

** Б – Бухгалтерский баланс

Показатель инвестированного капитала (IC) равен показателю чистых активов (NA – net assets) [8, с. 68]. Поэтому альтернативный способ расчета для этого показателя будет таким:

Инвестированный капитал (IC) = Чистый капитал (NA) = стр. 300 Б – (стр. 630 Б + стр. 640 Б + стр. 650 Б + стр. 660 Б + стр. 670 Б)⁸.

Таблица 2 – Исходные данные для расчетов по модели DuPont

Показатель	Предыдущий год	Отчетный год	Прирост ((ст. 3 / ст. 2) – 1), %
1	2	3	4
Инвестированный капитал IC (или чистые активы NA) в тыс. руб.	139710,5	164630	17,8
Собственный капитал (E), тыс. руб.	34576,5	40130,5	5,2
Выручка (Sales), тыс. руб.	163495	158462	–3
Прибыль до выплаты налогов (EBT), тыс. руб.	10781	2598	–76
Прибыль до выплаты процентов и налогов (EBIT), тыс. руб.	22020	15669	–29
Чистая прибыль (NP), тыс. руб.	9158	2071	–77

⁷ Для расчета показателя берется среднегодовое значение.

⁸ Для расчета показателя берется среднегодовое значение.

Таблица 3 – Расчет влияния факторов в пятифакторной модели DuPont

Показатель	Предыдущий год	Отчетный год	Влияние факторов на рентабельность собственного капитала, %	Доля влияния факторов*, %
Рентабельность продаж по прибыли до вычета % и налога, %	13,47	9,89	–7,05	33
Оборачиваемость инвестированного капитала, ед.	1,17	0,96	–3,49	16
Коэффициент долговой нагрузки, ед.	0,49	0,17	–10,43	49
Мультипликатор собственного капитала, ед.	4,04	4,1	0,08	0,4
Коэффициент налоговой нагрузки, ед.	0,85	0,8	–0,33	1,5
Рентабельность собственного капитала, %	26,5	5,2	снизилась на 21,3	100

* Рассчитывается как отношение влияния факторов к изменению рентабельности собственного капитала

Исходные данные для расчетов сведены в таблицу 2.

Данные, представленные в таблице 3, говорят о том, что рентабельность собственного капитала в отчетном году снизилась на 21,3 процента. Один из основных факторов, который определил отрицательную динамику рентабельности собственного капитала, – снижение эффективности основной деятельности, которое выражено в снижении рентабельности продаж по прибыли до вычета процентов и налогов. Вклад фактора составил 7,05 процента $((9,89 - 13,47) \times 1,17 \times 0,49 \times 4,04 \times 0,85)^9$. Это значит, что прибыль компании снизилась, и расходы увеличились на фоне сокращения доходов.

Отрицательный вклад в динамику рентабельности собственного капитала внес также коэффициент оборачиваемости инвестиционного капитала. Влияние составило 3,49 процента $((0,96 - 1,17) \times 9,89 \times 0,49 \times 4,04 \times 0,85)$. Рост

коэффициента говорит об увеличении оборотов капитала, при котором каждый рубль приносит больше прибыли. Снижение показателя оборачиваемости инвестиционного капитала приводит к снижению рентабельности собственного капитала и говорит о необходимости мер по финансовому оздоровлению. В большей степени высокого оборота капитала можно достичь, например, за счет быстрой оборачиваемости запасов, более короткого периода погашения дебиторской задолженности или меньшего количества основных средств на рубль продаж.

Самое сильное отрицательное влияние на рентабельность собственного капитала оказало увеличение процентного бремени. Это привело к снижению показателя ЕВТ, что в свою очередь отразилось в снижении отношения ЕВТ к ЕВІТ, а в итоге снизило ROE. Вклад показателя составил 10,43 процента $((0,17 - 0,49) \times 9,89 \times 0,96 \times 4,04 \times 0,85)$.

Несущественно, но положительно повлиял мультипликатор. Вклад показателя составил 0,08 процента $((4,1 - 4,04) \times 9,89 \times 0,96 \times 0,17 \times 0,85)$.

⁹ Для расчета влияния факторов на показатель рентабельности собственного капитала использовался метод абсолютных разниц [14, с. 106].

Несущественное отрицательное влияние показал коэффициент налоговой нагрузки. Вклад показателя составил 0,33 процента $((0,8 - 0,85) \times 9,89 \times 0,96 \times 0,17 \times 4,1)$.

Другие варианты модели Дюпона. Коэффициенты для расчета пятифакторной модели варьируются. Чаще всего в интернет-источниках, а также в научных работах для оценки результатов деятельности компаний используется вариант пятифакторной модели Дюпона, аналогичной, представленной на рисунке 4, где вместо инвестированного капитала (IC) или чистых активов (NA) используется показатель общих активов ($A - assets$). Описание и примеры использования данной модели можно найти в работах В.В. Ковалёва, О.И. Полуянцевич, Н.К. Улановой и др. [3; 15; 16].

Выбор коэффициентов для факторной модели Дюпона зависит как от специфики деятельности исследуемой компании, так и от целей, стоящих перед аналитиками. Например, финансовая отчетность банковского сектора существенно отличается от отчетности организаций в других отраслях экономики, поэтому поиск точек роста рентабельности собственного капитала банка должна осуществляться отличным от других способом [17]. В связи с этим для анализа финансовой деятельности банков исследователями предлагаются модификации пятифакторной модели, которые позволяют наглядно проанализировать влияние факторов на формирование показателей рентабельности капитала, дать их характеристику и определить, с чем связаны их изменения [17; 18, с. 302].

Свои варианты пятифакторной модели Дюпона предлагают И.П. Ковалёва, О.В. Шевцова, В.Г. Когденко. В представленном В.Г. Когденко варианте в модель вводится коэффициент эффективности прочей деятельности, который позволяет оценить, как влияют на итоговую эффективность хозяйственной деятельности результаты от *прочих операций*, таких как участие в уставном фонде других юридических лиц, продажа активов или сдача их в аренду, получение доходов от разного рода финансовых вложений и др. [19].

О.В. Шевцова предлагает использовать показатель ресурсоотдачи (коэффициент оборачиваемости авансированного капитала) [20]. И.П. Ковалёва демонстрирует, как трехфакторную модель можно существенно расширить до двенадцатифакторной модели, декомпозировав показатели ROS, TAT и FL [21].

Заключение. Таким образом, обычный простой расчет показателя рентабельности капитала (ROE) может многое рассказать о состоянии компании, но он не обязательно дает менеджерам полную картину. Если рентабельность собственного капитала компании ниже, чем у аналогичных компаний в отрасли, то трех- или пятифакторная модель Дюпона помогает понять, в чем именно компания отстает. Анализ факторов также показывает, как компания поддерживает свою рентабельность капитала и позволяет наметить пути и способы улучшения данного показателя.

Литература

1. Коваленко, Ж.А. Модель Дюпона: проблемы и перспективы применения в национальной экономике / Ж.А. Коваленко // Социально-экономическое развитие организаций и регионов Беларуси: эффективность и инновации: сб. науч. ст. – Витебск: УО «ВГТУ», 2018. – С. 98–100.
2. Лихутин, П.Н. Определение существенных факторов при декомпозиции рентабельности собственного капитала / П.Н. Лихутин, А.А. Савченко // Вестн. НГУЭУ. – 2017. – № 1. – С. 146–161.
3. Ковалёв, В.В. Финансовый анализ: методы и процедуры / В.В. Ковалёв. – М.: Финансы и статистика, 2002. – 560 с.
4. Blumenthal, R.G. Tis the Gift to Be Simple (DuPont's Framework for Financial Analysis) / R.G. Blumenthal // CFO, The Magazine for Senior Financial Executives. – 1998. – Vol. 14. – P. 61–63.
5. Flesher, D.L. Donaldson Brown (1885–1965): The power of an individual and his ideas over time / D.L. Flesher, G.J. Previts // Accounting Historians Journal. – 2013. – Vol. 40, iss. 1. – P. 79–101.
6. Swain, M.R. A Brief History of Management Accounting / M.R. Swain // Management Accounting Quarterly. – 2021. – Vol. 22, iss. 2. – P. 12–23.
7. Бернштейн, Л.А. Анализ финансовой отчетности: теория, практика и интерпретация / Л.А. Бернштейн. – М.: Финансы и статистика, 2003. – 624 с.
8. Лукасевич, И.Я. Финансовый менеджмент: учебник и практикум для вузов / И.Я. Лукасевич. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Изд-во Юрайт, 2023. – 680 с.
9. Финансовый менеджмент: проблемы и решения: учебник для вузов / А.З. Бобылева [и др.]; под ред. А.З. Бобылевой. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Изд-во Юрайт, 2023. – 795 с.
10. Brigham, E.F. Fundamentals of Financial Management / E.F. Brigham, J.F. Houston. – 11th ed. – Mason: Thomson South-Western, 2007. – 714 p.
11. Gitman, L.J. Principles of Financial Management / L.J. Gitman, C.J. Zutter. – 8th ed. – Harlow: Pearson, 2015. – 850 p.
12. Liesz, T.J. Ratio Analysis featuring the Dupont Method: an overlooked topic in the finance module of small business management and entrepreneurship courses / T.J. Liesz, S.J. Maranville // Small Business Institute Journal. – 2008. – Vol. 1. – P. 17–34.
13. Hawawini, G.A. Finance for Executives: Managing for Value Creation / G.A. Hawawini, C.V. Viallet. – 6th ed. – South-Western College Publishing, 2019. – 774 p.

-
14. Савицкая, Г.В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия: учеб. пособие / Г.В. Савицкая. – 7-е изд., испр. – Минск: Новое знание, 2002. – 704 с.
15. Полуянцевич, О.И. Факторный анализ рентабельности собственного капитала предприятия по методу Дюпон / О.И. Полуянцевич // *Juvenis scientia*. – 2018. – № 9. – С. 17–19.
16. Уланова, Н.К. Модифицированная модель Дюпона в финансовой модели компании / Н.К. Уланова, Е.Ю. Гущина, О.Ю. Привалова // *Экономика и бизнес: теория и практика*. – 2018. – № 6. – С. 174–177.
17. Бондаренко, М.Д. Особенности использования модели Dupont при анализе процесса формирования рентабельности банков / М.Д. Бондаренко // *Экономика, Статистика и Информатика*. – 2014. – № 4. – С. 25–29.
18. Шорикова, О.А. Проблема выбора вариации модели Дюпона для анализа рентабельности коммерческого банка / О.А. Шорикова, Ю.А. Заверткина // *Экономика и управление: современные теории и практические разработки*: сб. науч. тр. по материалам II Междунар. эконом. форума молодых ученых, 10 июня 2017 г. / гл. ред. Н.А. Краснова. – Н. Новгород: НОО «Проф. наука». – 2017. – С. 298–308.
19. Когденко, В.Г. Управление стоимостью компании: ценностно-ориентированный менеджмент / В.Г. Когденко, М.В. Мельник. – Москва: Юнити-Дана, 2017. – 447 с.
20. Шевцова, О.Н. Оценка экономической эффективности деятельности организации на основе модифицированной модели Дюпон / О.Н. Шевцова // *Университетская Наука*. – 2022. – № 1(13). – С. 119–123.
21. Ковалева, И.П. Актуальные методы оценки показателей рентабельности в российской практике / И.П. Ковалева, В.О. Жолба // *Вектор экономики*. – 2020. – № 10(52). – 12 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vectoreconomy.ru/images/publications/2020/10/economicsmanagement/Kovaleva_Zholba.pdf – Дата доступа: 16.01.2024.

Поступила в редакцию 25.02.2024

Особенности развития организаций малого и среднего предпринимательства в Витебской области

Квасникова В.В.

Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет»

Развитию малого и среднего предпринимательства (МСП) в Республике Беларусь уделяется особое внимание, так как в мировой практике именно субъекты МСП вносят значительный вклад в экономику, способствуют ускоренному внедрению инноваций и созданию новых рабочих мест. В настоящее время деятельность организаций МСП связана в основном с оптовой и розничной торговлей, ремонтом автомобилей и мотоциклов. По данным 2022 г. доля выручки от реализации по указанному виду экономической деятельности составила около 61% в общей выручке от реализации организаций МСП, доля промышленности не превысила 24%. Такая структура в большей или меньшей степени характерна для всех регионов Республики Беларусь.

Вместе с тем развитие малого и среднего предпринимательства существенно различается как по регионам Республики Беларусь, так и внутри самих регионов. В этой связи исследование развития организаций МСП в Витебской области является актуальным.

Цель статьи – изучить состояние и тенденции развития организаций малого и среднего предпринимательства в Витебской области.

Материал и методы. Материалом для исследования являются статические данные о состоянии организаций малого и среднего предпринимательства в Республике Беларусь и Витебской области, данные интернет-ресурсов о проблемах и перспективах развития предпринимательства.

Изучение базируется на системном анализе и комплексном подходе, специальных и общенаучных методах: анализ временных рядов, графический метод, сравнение, группировка.

Результаты и их обсуждение. Исследование показало, что за последние 6 лет (2017–2022 гг.) количество организаций МСП в Витебской области практически не изменилось и в 2022 г. составило 8723 ед. (увеличение всего 6 ед.). В 2022 г. по сравнению с 2017 г. количество организаций МСП сократилось в 14 регионах Витебской области из 23. Самое значимое сокращение характерно для Витебского и Лепельского районов.

Организации МСП тяготеют к размещению в крупных городах, несмотря на наличие преференций и налоговых льгот для малых и средних городов. Наибольшее количество организаций МСП около 40% (2022 г.) сосредоточено в г. Витебске, численность работающих в них превышает 30% от общей численности занятых в организациях МСП области. Организации МСП г. Витебск на протяжении 2017–2021 гг. вносят основной вклад (около 40%) в выручку от реализации организаций МСП области, однако в 2022 г. более 67% в выручке от реализации стал занимать Полоцкий район.

В 2017–2019 гг. лидирующее положение по уровню производительности труда работников в организациях МСП занимает г. Новополоцк, в 2020–2021 гг. – г. Витебск, в 2022 г. безусловным лидером становится Полоцкий район. В исследуемом периоде рентабельность продаж организаций МСП Витебской области является невысокой и колеблется в диапазоне от 5 до 6%. В 2022 г. деятельность организаций МСП была убыточной в 4 регионах. Наиболее сложное экономическое положение в течение всего исследуемого периода наблюдается у организаций МСП, находящихся в Городокском, Россонском и Шумилинском районах.

Заключение. В рассматриваемом периоде негативное влияние на развитие организаций МСП Витебской области оказали такие факторы, как COVID-19, санкции, введенные по отношению к Республике Беларусь, изменения в налоговом законодательстве. В перспективе наиболее сильное влияние на функционирование организаций МСП будут оказывать упразднение упрощенной системы налогообложения и вступление в силу нового Закона по вопросам предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, организация, показатели деятельности, тенденции развития субъектов малого и среднего предпринимательства, экономическое положение.

Features of the Development of Small and Medium Size Enterprises in Vitebsk Region

Kvasnikova V.V.

Education Establishment "Belarusian State Economic University"

The development of small and medium-sized enterprises (SMEs) in the Republic of Belarus is given special attention, since in world practice it is SMEs that make a significant contribution to the economy, contribute to the accelerated implementation of innovations and the creation of new jobs. Currently, the activities of SME are mainly related to wholesale and retail trade, repair of cars and motorcycles. According to 2022 data, the share of revenue from sales for this type of economic activity was about 61% in the total revenue from SMEs sales, the share of industry did not exceed 24%. This structure is more or less typical for all regions of the Republic of Belarus.

At the same time, the development of small and medium-sized businesses varies significantly both across the Regions of the Republic of Belarus and within the Regions themselves. In this regard, the study of the development of SMEs in Vitebsk Region is relevant.

The purpose of the article is to study the state and development trends of small and medium-sized enterprises in Vitebsk Region.

Material and methods. *The material for the study is static data on the state of small and medium-size businesses in the Republic of Belarus and Vitebsk Region, data from the Internet resources on the problems and prospects for the development of entrepreneurship.*

The research is based on system analysis and an integrated approach, special and general scientific methods: time series analysis, graphical method, comparison, grouping.

Findings and their discussion. *The study showed that over the past 6 years (2017–2022), the number of SMEs in Vitebsk Region has remained virtually unchanged and in 2022 amounted to 8,723 units (only 6 units increase). In 2022, compared to 2017, the number of SMEs decreased in 14 Districts of Vitebsk Region out of 23. The most significant reduction was typical for Vitebsk and Lepel Districts.*

SMEs tend to be located in large cities, despite the availability of preferences and tax benefits for small and medium-size cities. The largest number of SMEs, about 40% (2022), is concentrated in Vitebsk, the number of employees in them exceeds 30% of the total number of employees in SMEs in the Region. Vitebsk during 2017–2021 makes the main contribution (about 40%) to the revenue from SMEs sales of SME in the Region, however, in 2022, Polotsk District began to occupy more than 67% of the revenue from sales.

In 2017–2019 the leading position in terms of labor productivity of workers in SMEs was occupied by the City of Novopolotsk, in 2020–2021 – by Vitebsk, in 2022 Polotsk District became the undisputed leader. In the period under study, the profitability of SMEs sales in Vitebsk Region was not high and ranged from 5% to 6%. In 2022, the activities of SME organizations were unprofitable in 4 regions. The most difficult economic situation during the entire study period was observed among SMEs located in Gorodok, Rossony and Shumilino Districts.

Conclusion. *In general, during the period under review, the development of SMEs in Vitebsk Region was negatively impacted by factors such as COVID-19, sanctions imposed on the Republic of Belarus, and changes in tax legislation. In the future, the strongest impact on the functioning of SMEs will be the abolition a simplified taxation system and the entry into force of a new Law on business issues.*

Key words: *small and medium-size businesses, company, performance indicators, development trends of small and medium-size businesses, economic situation.*

Развитию малого и среднего предпринимательства (МСП) в Республике Беларусь уделяется особое внимание, так как в мировой практике именно субъекты МСП вносят значительный вклад в экономику, способствуют ускоренному внедрению инноваций и созданию новых рабочих мест. В настоящее время деятельность организаций МСП связана в основном с видом экономической деятельности «оптовая и розничная торговля, ремонт автомобилей и мотоциклов». По данным 2022 г. доля выручки от реализации по данному виду экономической деятельности составила около 61% в общей выручке от реализации организаций МСП, доля промышленности не превысила 24%, такая структура в большей или меньшей степени характерна для всех регионов Республики Беларусь.

Вместе с тем развитие малого и среднего предпринимательства существенно различается как по регионам Республики Беларусь, так и внутри самих регионов. В этой связи исследование развитие организаций МСП в Витебской области является актуальным.

Цель статьи – изучить состояние и тенденции развития организаций малого и среднего предпринимательства в Витебской области.

Материал и методы. Материалом для исследования являются статические данные о состоянии организаций малого и среднего предпринимательства в Республики Беларусь и Витебской области, данные интернет-ресурсов о проблемах и перспективах развития предпринимательства.

Исследование базируется на системном анализе и комплексном подходе, специальных и общенаучных методах: анализ временных рядов, графический метод, сравнение, группировка.

Результаты и их обсуждение. По экономическому развитию Витебская область на сегодняшний день является одним из депрессивных регионов Республики Беларусь. Такая же ситуация в определенной степени характерна и для развития организаций малого и среднего предпринимательства (МСП). В 2022 г. валовая добавленная стоимость Витебской области формировалась субъектами МСП региона только на 18,5%, что соответствует 6-му месту по стране. Для сравнения вклад субъектов МСП г. в валовую добавленную стоимость г. Минска составил 42,1%, а Минской области – 30,8%. По количеству организаций МСП Витебская область находится на 6-м месте (8723 ед.), а по численности занятых в них – на 5-м месте (130765 чел.) [1].

В исследовании проведен анализ основных показателей деятельности организаций МСП Витебской области за 2017–2022 гг., в том числе в разрезе 23 регионов.

За исследуемый период количество организаций МСП в Витебской области увеличилось всего на 6 ед. и составило в 2022 г. 8723 ед. (таблица 1).

Как видно из таблицы, в целом по области за 2018–2020 гг. наблюдается положительная динамика увеличения количества организаций МСП. В 2018 г. количество таких организаций выросло на 112 ед. В 2019 г. рост был менее значительным –

Таблица 1 – Состав и динамика числа микроорганизаций, малых и средних организаций по городам и районам Витебской области за 2017–2022 гг., ед.

Наименование региона	Годы						Абсолютное изменение				
	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2018/ 2017	2019/ 2018	2020/ 2019	2021/ 2020	2022/ 2021
г. Витебск	3 294	3 405	3 519	3507	3 457	3 477	111	114	–12	–50	20
г. Новополоцк	568	569	586	588	588	591	1	17	2	0	3
районы:											
Бешенковичский	122	117	123	113	114	112	–5	6	–10	1	–2
Браславский	106	109	106	113	123	132	3	–3	7	10	9
Верхнедвинский	101	99	89	90	91	92	–2	–10	1	1	1
Витебский	582	588	574	563	555	537	6	–14	–11	–8	–18
Глубокский	232	228	209	203	204	199	–4	–19	–6	1	–5
Городокский	108	106	102	103	105	110	–2	–4	1	2	5
Докшицкий	91	92	93	99	94	91	1	1	6	–5	–3
Дубровенский	98	93	86	85	81	83	–5	–7	–1	–4	2
Лепельский	198	185	187	174	160	156	–13	2	–13	–14	–4
Лиозненский	120	114	107	105	102	96	–6	–7	–2	–3	–6
Миорский	80	93	95	98	88	81	13	2	3	–10	–7
Оршанский	1 001	1 025	1 020	1051	1 030	1 059	24	–5	31	–21	29
Полоцкий	1 032	1 060	1 057	1074	1 034	1 040	28	–3	17	–40	6
Поставский	207	202	10	183	172	171	–5	–192	2	–11	–1
Россонский	59	56	45	45	38	41	–3	–11	0	–7	3
Сенненский	143	138	140	143	141	144	–5	2	3	–2	3
Толочинский	114	114	112	109	114	113	0	–2	–3	5	–1
Ушачский	82	70	69	65	62	70	–12	–1	–4	–3	8
Чашникский	181	171	156	153	154	162	–10	–15	–3	1	8
Шарковщинский	81	78	70	72	67	67	–3	–8	2	–5	0
Шумилинский	117	117	112	104	97	99	0	–5	–8	–7	2
Витебская область	8 717	8 829	8 838	8840	8 671	8 723	112	9	2	–169	52

Источник: собственная разработка на основе [2; 3].

всего на 9 ед., а в 2020 г. количество микроорганизаций, малых и средних организаций в Витебской области увеличилось только на 2 ед.

В 2021 году количество организаций МСП в области резко сократилось на 169 ед. до 8723 ед., что связано с ведением санкций по отношению к Республике Беларусь. В 2022 г. число субъектов МСП выросло, но их количество не достигло уровня 2021 г.

Следует отметить, что тенденции изменения количества организаций МСП за 2017–2022 гг. в целом по Витебской области и ее отдельным регионам не совпадают. В таблице 2 представлено распределение регионов Витебской области в зависимости от динамики числа организаций МСП (2022 г. к 2017 г.).

Данные таблицы свидетельствуют о том, что в исследуемом периоде в 14 регионах области наблюдается сокращение числа организаций малого и среднего предпринимательства. Значительное сокращение организаций МСП, более чем на 20 ед., произошло в 5 регионах, но наибольшее их уменьшение наблюдается в Витебском и Лепельском районах, на 45 ед. и на 42 ед. соответственно.

Увеличение числа организаций МСП имело место в 8 регионах. Причем наибольший рост произошел в г. Витебске, число организаций МСП, увеличилось на 183 ед., и составило 3477 ед. Лидирующие позиции по росту числа организаций МСП занимают также Оршанский, Браславский и Полоцкий районы, где число организаций выросло на 58 ед., 26 ед. и 23 ед. соответственно.

Таблица 2 – Распределение регионов Витебской области в зависимости от динамики числа организаций малого и среднего предпринимательства

Группы	Регионы
I группа (значительное увеличение числа организаций МСП более 20 ед.)	г. Витебск (183 ед.), Оршанский район (58 ед.), Браславский район (26 ед.) г. Новополоцк (23 ед.)
II группа (увеличение числа организаций МСП от 1 до 20 ед.)	Полоцкий район (8 ед.), Городокский район (2 ед.), Миорский район (1 ед.), Сенненский район (1 ед.)
III группа (число организаций не изменилось)	Докшицкий район (0 ед.)
IV (уменьшение числа организаций МСП до 20 ед.)	Толочинский район (1 ед.), Верхнедвинский район (9 ед.), Бешенковичский район (10 ед.), Ушачский район (12 ед.) Шарковщинский район (14 ед.), Дубровенский район (15 ед.), Россонский район (18 ед.), Шумилинский район (18 ед.), Чашникский район (29 ед.)
V группа (значительное уменьшение числа организаций МСП более 20 ед.)	Лиезненский район (24 ед.), Глубокский район (33 ед.), Поставский район (36 ед.), Лепельский район (42 ед.), Витебский район (45 ед.)

Источник: собственная разработка.

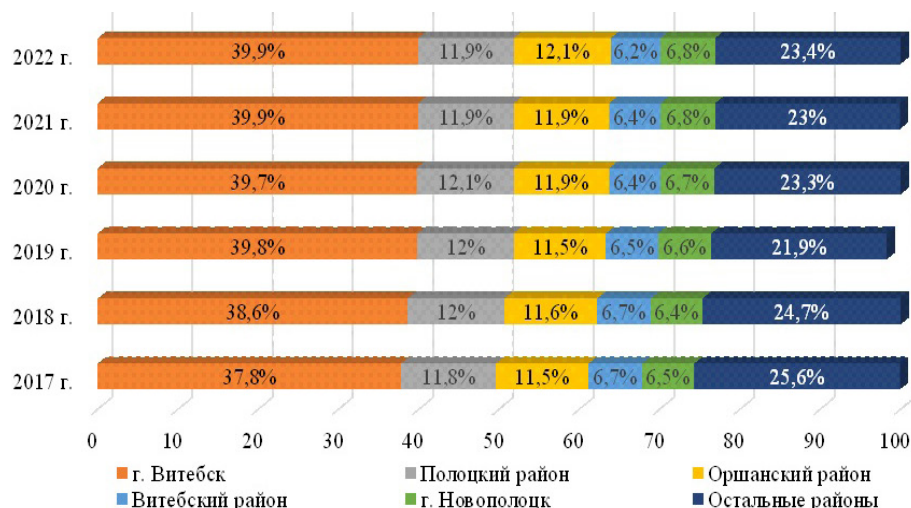

Рисунок 1 – Структура числа организаций МСП по городам и районам Витебской области, %

Источник: собственная разработка на основе [2; 3].

Анализ распределения организаций МСП по регионам Витебской области показал, что в 2017–2022 гг. наибольшее количество организаций сосредоточено в г. Витебске (рисунок 1).

Из рисунка следует, что в 2017 году в г. Витебске было сосредоточено 37,8% организаций МСП, а в 2022 году – уже 39,9%. В течение исследуемого периода на втором месте по количеству организаций МСП находятся Оршанский и Полоцкий районы, в каждом из них сконцентрировано около 11–12% от общего количества организаций МСП области. В г. Новополоцке и Витебском районе доля организаций МСП в общем их количестве превышает 6%. В остальных

18 регионах сосредоточено около 23% организаций МСП области. При этом в 2022 г. в 14 регионах Витебской области находится порядка 1–3% от общего количества организаций МСП, а в 4 регионах – менее 1%.

В таблице 3 представлена динамика средней численности работников организаций МСП по городам и районам Витебской области за 2017–2022 гг.

Данные, представленные в таблице, позволили выделить два этапа в изменении численности работников организаций МСП по городам и районам Витебской области. Первый этап включает в себя 2017–2019 гг., для него характерен рост численности работников в 1,22 раза с 93867 чел. до 114941 чел.

Таблица 3 – Динамика средней численности работников организаций МСП по городам и районам Витебской области, чел.

Наименование региона	Годы						Темп роста, %				
	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2018/ 2017	2019/ 2018	2020/ 2019	2021/ 2020	2022/ 2021
г. Витебск	30102	28670	39850	29026	28186	27732	95,2	139,0	72,8	97,1	98,4
г. Новополоцк	6325	6074	7569	5631	5422	4674	96,0	124,6	74,4	96,3	86,2
районы:											
Бешенковичский	1303	1496	1813	1567	1458	1291	114,8	121,2	86,4	93,0	88,5
Браславский	1744	1845	1955	1627	1799	1522	105,8	106,0	83,2	110,6	84,6
Верхнедвинский	2874	2800	2790	3006	2902	2580	97,4	99,6	107,7	96,5	88,9
Витебский	3453	3182	4202	3209	3098	3030	92,2	132,1	76,4	96,5	97,8
Глубокский	2766	3645	3844	3400	3710	3626	131,8	105,5	88,4	109,1	97,7
Городокский	1146	1016	1191	788	760	702	88,7	117,2	66,2	96,4	92,4
Докшицкий	1 461	1 759	1 540	1432	1349	1056	120,4	87,5	93,0	94,2	78,3
Дубровенский	1941	1965	2427	2025	1936	1941	101,2	123,5	83,4	95,6	100,3
Лепельский	2268	2260	2642	2129	2115	2172	99,6	116,9	80,6	99,3	102,7
Лиозненский	1577	1972	2158	1917	1992	1743	125,0	109,4	88,8	103,9	87,5
Миорский	2498	2763	2692	2628	2 009	1 996	110,6	97,4	97,6	76,4	99,4
Оршанский	8310	9796	11467	8707	8060	7818	117,9	117,1	75,9	92,6	97,0
Полоцкий	8109	8838	11109	9169	8576	8305	109,0	125,7	82,5	93,5	96,8
Поставский	3121	2984	3103	2482	2374	2433	95,6	104,0	80,0	95,6	102,5
Россонский	1212	999	951	756	394	389	82,4	95,2	79,5	52,1	98,7
Сенненский	1893	1852	2078	1832	1738	1612	97,8	112,2	88,2	94,9	92,8
Толочинский	3144	2845	2865	2547	2143	1984	90,5	100,7	88,9	84,1	92,6
Ушачский	1327	1205	1285	1034	921	944	90,8	106,6	80,5	89,1	102,5
Чашникский	3346	3378	3603	3012	2560	2490	101,0	106,7	83,6	85,0	97,3
Шарковщинский	1928	1896	1797	1528	1703	1637	98,3	94,8	85,0	111,5	96,1
Шумилинский	2019	2211	2010	1704	1633	1774	109,5	90,9	84,8	95,8	108,6
Витебская область	93867	95451	114941	91156	86838	83451	101,7	120,4	79,3	95,3	96,1

Источник: собственная разработка на основе [2; 3].

Второй этап 2020–2022 гг. характеризуется сокращением численности работников. По сравнению с 2019 г. в 2022 г. численность работников сократилась на 27,4% и составила 83451 чел.

Аналогичные тенденции характерны и для большинства регионов, так из 23 регионов области численность занятых работников в организациях МСП в 2019 году по сравнению с 2018 годом выросла в 17 регионах. Наибольшее увеличение занятых прослеживается в г. Витебске – на 39% (на 11180 чел.), в Полоцком районе – на 25,7% (на 1671 чел.), в Оршанском районе – на 17,1% (на 2271 чел.), в г. Новополоцке – на 24,6% (на 1495 чел.) и Витебском районе – на 32,1% (на 1020 чел.).

В 2020 году численность работников организаций МСП во всех регионах существенно сократилась, за исключением Верхнедвинского района, в котором их численность выросла на 7,7%. В 2021 г. сокращение численности работников продолжается в большинстве регионов, кроме Браславского, Глубокского, Лиозненского и Шарковщинского районов. В 2022 г. численность работников уменьшилась в 18 из 23 регионах области. Незначительное увеличение численности работников наблюдается в Дубровенском, Лепельском, Поставском, Ушачском и Шумилинском районах. Такое положение дел обусловлено сокращением деятельности многих организаций МСП вследствие

Таблица 4 – Динамика выручки от реализации продукции, товаров, работ, услуг организаций МСП по городам и районам Витебской области, млн руб.

Наименование региона	Годы						Темп роста, %				
	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2018/ 2017	2019/ 2018	2020/ 2019	2021/ 2020	2022/ 2021
г. Витебск	2268,7	2735,5	3425,9	2881,2	3400,3	3313,2	120,6	125,2	84,1	118,0	97,4
г. Новополоцк	1451	1219,6	722,6	464,4	469	447,4	84,1	59,2	64,3	101,0	95,4
районы:											
Бешенковичский	65,2	71,5	111,9	102,5	109,7	90,1	109,7	156,5	91,6	107,0	82,1
Браславский	38,6	43,3	70,8	55,1	68,3	74,3	112,2	163,5	77,8	124,0	108,8
Верхнедвинский	97,2	111,6	99,6	121	133,3	123	114,8	89,2	121,5	110,2	92,3
Витебский	138,1	184,1	235,5	252,2	275,2	281	133,3	127,9	107,1	109,1	102,1
Глубокский	130,5	139,7	171,4	156,2	204,5	226	107,0	122,7	91,1	130,9	110,5
Городокский	25,9	36,2	75,8	34,2	32,8	35,9	139,8	209,4	45,1	95,9	109,5
Докшицкий	38,6	42,6	51,1	52,1	57,8	67,9	110,4	120,0	102,0	110,9	117,5
Дубровенский	57,3	59,8	111,2	78,1	69,6	92	104,4	186,0	70,2	89,1	132,2
Лепельский	67,4	72,7	103,8	87,6	105,1	142	107,9	142,8	84,4	120,0	135,1
Лиозненский	43,7	57,6	69,4	71,2	90,2	81,4	131,8	120,5	102,6	126,7	90,2
Миорский	57,7	64,8	64,8	68	62,5	65,6	112,3	100,0	104,9	91,9	105,0
Оршанский	447,7	706,4	720,9	617,9	674,9	721,7	157,8	102,1	85,7	109,2	106,9
Полоцкий	464,3	518,8	775,5	601,3	740,1	13505,3	111,7	149,5	77,5	123,1	1824,8
Поставский	86,8	90,6	109,4	112,1	125,4	165,5	104,4	120,8	102,5	111,9	132,0
Россонский	24,9	23,7	25	25,7	21	23,2	95,2	105,5	102,8	81,7	110,5
Сенненский	38,5	40,9	60,2	50,8	61,7	76,8	106,2	147,2	84,4	121,5	124,5
Толочинский	137,4	202,5	237,3	225,3	196,1	214	147,4	117,2	94,9	87,0	109,1
Ушачский	23,7	21,9	30,9	23,6	26,3	37	92,4	141,1	76,4	111,4	140,7
Чашникский	136,8	141,9	165,2	173,4	175,2	206,1	103,7	116,4	105,0	101,0	117,6
Шарковщинский	37	38,6	51,1	47,6	62,5	67,3	104,3	132,4	93,2	131,3	107,7
Шумилинский	56,4	72,4	68,7	67,8	72,5	94,5	128,4	94,9	98,7	106,9	130,3
Витебская область	5933,4	6696,7	7558	6369,3	7234	20151,2	112,9	112,9	84,3	113,6	278,6

Источник: собственная разработка на основе [2; 3].

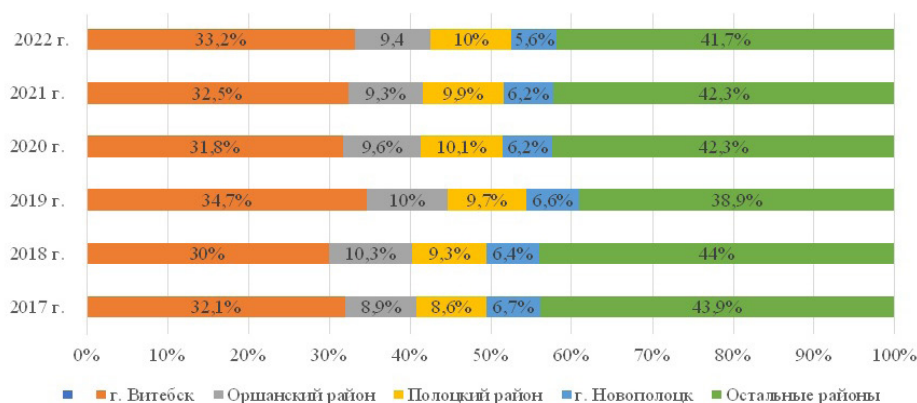

Рисунок 2 – Структура средней численности работников организаций МСП по городам и районам Витебской области, %

Источник: собственная разработка на основе [2; 3].

ухудшения экономической ситуации в стране, вызванного COVID-19, политической нестабильностью, а также изменениями в законодательстве (усиление налоговой нагрузки).

На протяжении всего рассматриваемого периода основная численность работников организаций МСП (более 30%) была сосредоточена в г. Витебске (рисунок 2).

Как следует из рисунка, существенные доли в общей численности работников региона занимают Оршанский и Полоцкий районы, в 2022 году – 10% и 9,4% соответственно. Более 6% в общей численности работников организаций МСП составляют работники г. Новополоцка. На долю остальных регионов приходится около 40% численности работников организаций МСП области.

Основным видом экономической деятельности для субъектов МСП Витебской области является оптовая и розничная торговля, ремонт автомобилей и мотоциклов. По доле в выручке от реализации данный вид экономической деятельности в 2022 году занимал 75%, тогда как доля промышленности составила всего 11,4%. Исследование показало, что в течение 2017–2019 гг. выручка от реализации продукции, товаров, работ и услуг организаций МСП Витебской области росла, с ежегодным приростом показателя 12,9% (таблица 4).

Из данных таблицы видно, что в 2020 году выручка от реализации организаций МСП Витебской области сократилась на 1188,7 млн руб. или 15,7% и составила 6369,3 млн руб., сокращение выручки от реализации произошло в 16 регионах.

Однако в период с 2021 по 2022 г. выручка от реализации продукции, товаров, работ и услуг организаций МСП вновь увеличивается. В 2021 г. прирост выручки составил 864,7 млн руб. или 13,6%,

ее увеличение произошло в 18 регионах. В 2022 г. показатель по области увеличился более чем в 2,78 раз и составил 20151,2 млн руб., такая же тенденция была характерна для 17 регионов. В 2022 году среди всех регионов Витебской области особо выделяется Полоцкий район, где выручка от реализации по сравнению с 2021 г. выросла в 18,25 раза и составила 13505,3 млн руб.

Вклад регионов в выручку от реализации продукции, товаров, работ, услуг Витебской области за 2017–2022 годы представлен на рисунке 3.

На основе данных, представленных на рисунке, можно заключить, что на протяжении пяти лет с 2017 по 2021 г. основной вклад в выручку от реализации продукции, товаров, работ, услуг организаций МСП Витебской области вносит г. Витебск. При этом доля данного региона постоянно повышалась с 38,2% (2017 г.) до 47% (2021 г.). В этот период существенны доли г. Новополоцка, Полоцкого и Оршанского районов, они превышают 7%. Также можно выделить группу регионов, у которых вклад в выручку от реализации Витебской области превышает 2%, таких регионов всего четыре: Витебский, Глубокский, Толочинский и Чашникский районы. Вклад в выручку от реализации менее 2%, но более 1% вносят Бешенковичский, Верхнедвинский, Лепельский и Поставский районы. Выручка от реализации остальных регионов в общей выручке от реализации области составляет менее 1% (11 регионов).

В 2022 г. ситуация кардинально изменилась. Основной вклад в выручку от реализации продукции, товаров, работ, услуг среди организаций МСП Витебской области стал вносить Полоцкий район. Доля этого региона в общей выручке от реализации за 2022 г. составила 67%, что более чем

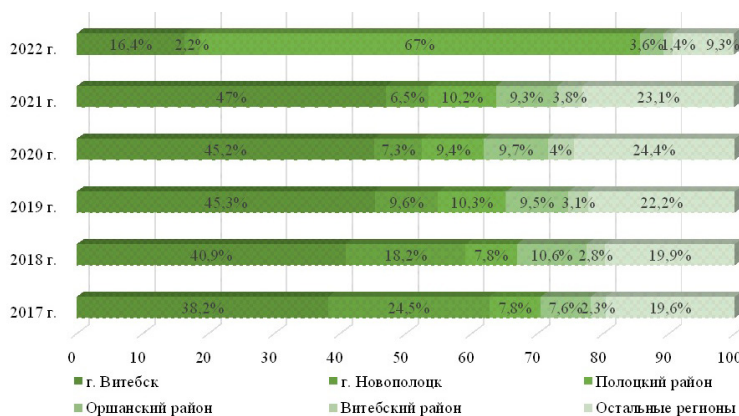

Рисунок 3 – Структура выручки от реализации организаций МСП по регионам Витебской области, %

Источник: собственная разработка на основе [2; 3].

Таблица 5 – Динамика производительности труда одного работника организаций МСП Витебской области за 2017–2022 гг., тыс. руб/чел.

Наименование региона	Годы						Темп роста, %				
	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2018/ 2017	2019/ 2018	2020/ 2019	2021/ 2020	2022/ 2021
г. Витебск	75,37	95,41	85,97	99,26	120,64	119,47	126,6	90,1	115,46	121,5	99,0
г. Новополоцк	229,41	200,79	95,47	82,47	86,50	95,72	87,5	47,5	86,39	104,9	110,7
районы:											
Бешенковичский	50,04	47,79	61,72	65,41	75,24	69,79	95,5	129,1	105,98	115,0	92,8
Браславский	22,13	23,47	36,21	33,87	37,97	48,82	106,1	154,3	93,53	112,1	128,6
Верхнедвинский	33,82	39,86	35,7	40,25	45,93	47,67	117,9	89,6	112,75	114,1	103,8
Витебский	39,99	57,86	56,04	78,59	88,83	92,74	144,7	96,9	140,24	113,0	104,4
Глубокский	47,18	38,33	44,59	45,94	55,12	62,33	81,2	116,3	103,03	120,0	113,1
Городокский	22,6	35,63	63,64	43,40	43,16	51,14	157,7	178,6	68,20	99,4	118,5
Докшицкий	26,42	24,22	33,18	36,38	42,85	64,30	91,7	137,0	109,65	117,8	150,1
Дубровенский	29,52	30,43	45,82	38,57	35,95	47,40	103,1	150,6	84,17	93,2	131,8
Лепельский	29,72	32,17	39,29	41,15	49,69	65,38	108,2	122,1	104,72	120,8	131,6
Лиозненский	27,71	29,21	32,16	37,14	45,28	46,70	105,4	110,1	115,49	121,9	103,1
Миорский	23,1	23,45	24,07	25,88	31,11	32,87	101,5	102,6	107,50	120,2	105,7
Оршанский	53,87	72,11	62,87	70,97	83,73	92,31	133,9	87,2	112,88	118,0	110,2
Полоцкий	57,26	58,7	69,81	65,58	86,30	1626,16	102,5	118,9	93,94	131,6	1884,3
Поставский	27,81	30,36	35,26	45,17	52,82	68,02	109,2	116,1	128,09	116,9	128,8
Россонский	20,54	23,72	26,29	33,99	53,30	59,64	115,5	110,8	129,31	156,8	111,9
Сенненский	20,34	22,08	28,97	27,73	35,50	47,64	108,6	131,2	95,72	128,0	134,2
Толочинский	43,7	71,18	82,83	88,46	91,51	107,86	162,9	116,4	106,79	103,4	117,9
Ушачский	17,86	18,17	24,05	22,82	28,56	39,19	101,7	132,4	94,90	125,2	137,2
Чашникский	40,88	42,01	45,85	57,57	68,44	82,77	102,8	109,1	125,56	118,9	120,9
Шарковщинский	19,19	20,36	28,44	31,15	36,70	41,11	106,1	139,7	109,54	117,8	112,0
Шумилинский	27,93	32,75	34,18	39,79	44,40	53,27	117,3	104,4	116,41	111,6	120,0
Витебская область	63,21	70,16	65,76	69,87	83,30	241,47	111,0	93,7	106,25	119,2	289,9

Источник: собственная разработка.

в 6 раз превышает значение 2021 г. Город Витебск переместился на второе место, его доля сократилась на 30,6 пп. и составила 16,4%. По сравнению с другими регионами более существенны доли выручки от реализации г. Новополоцка и Оршанского района, но в 2022 г. они снизились до 2,2% и 3,6% соответственно. Выручка от реализации остальных 17 регионов занимает всего 9,3% от показателя Витебской области.

Эффективность функционирования организаций МСП характеризуется такими показателями, как производительность труда одного работника и рентабельность продаж. В таблице 5 представлена динамика производительности труда одного работника организаций МСП Витебской области за 2017–2022 гг.

Данные таблицы показывают, что в исследуемом периоде производительность труда организаций МСП Витебской области имела тенденцию к повышению, за исключением 2019 г. В 2018 г. по сравнению с 2017 г. показатель вырос на 11% и составил 70,16 тыс. руб/чел, в 2020 г. – на 6,25% и составил 69,87 тыс. руб/чел. Для 2021–2022 гг. характерно ускорение роста производительности труда одного работника, так в 2021 г. она выросла на 19,2%, что соответствует 83,3 тыс. руб/чел, а в 2022 г. – в 2,9 раза и составила 241,47 тыс. руб/чел.

Рассматривая значения показателя «производительность труда» в разрезе регионов видно, что в 2017–2019 гг. наиболее высокий его уровень наблюдается в г. Новополоцке. В 2020–2021 гг. наилучшее значение показателя у организаций МСП г. Витеб-

Таблица 6 – Динамика рентабельности продаж организаций МСП по регионам Витебской области, %

Наименование региона	Годы						Абсолютное изменение, п. п.				
	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2018/ 2017	2019/ 2018	2020/ 2019	2021/ 2020	2022/ 2021
г. Витебск	6,7	6,0	5,1	6	5,8	9,4	-0,7	-0,9	0,90	-0,2	3,6
г. Новополоцк	7,3	7,3	5,2	4,3	6,0	6,3	0	-2,1	-0,90	1,7	0,3
районы:										0	0
Бешенковичский	15,4	6,7	7,6	7,1	-3,1	0,8	-8,7	0,9	-0,50	-10,2	3,9
Браславский	1,3	0,3	2,3	0,5	-1,4	4,4	-1	2	-1,80	-1,9	5,8
Верхнедвинский	0,8	-1,7	0,4	4,5	5,2	-1,5	-2,5	2,1	4,10	0,7	-6,7
Витебский	7,5	7,6	7,8	5,7	7,3	9,3	0,1	0,2	-2,10	1,6	2
Глубокский	2,9	3,2	3,4	2,9	7,2	7,5	0,3	0,2	-0,50	4,3	0,3
Городокский	-3,6	-5,6	-1,2	-4,8	-3,6	-0,3	-2	4,4	-3,60	1,2	3,3
Докшицкий	4,3	2,2	-3,7	1,6	0,4	3,3	-2,1	-5,9	5,30	-1,2	2,9
Дубровенский	6,3	2,4	2,1	3,2	1,8	5,1	-3,9	-0,3	1,10	-1,4	3,3
Лепельский	4,6	5,3	6,0	9,4	6,4	11,1	0,7	0,7	3,40	-3	4,7
Лиезненский	2,8	0,8	-1,4	1,3	2,8	0,5	-2	-2,2	2,70	1,5	-2,3
Миорский	0,3	-2,2	-0,9	0,7	2,7	0,9	-2,5	1,3	1,60	2	-1,8
Оршанский	8,7	8,2	8,0	9	8,6	12,3	-0,5	-0,2	1,00	-0,4	3,7
Полоцкий	5,7	4,0	5,4	8	10,9	4,2	-1,7	1,4	2,60	2,9	-6,7
Поставский	-1,0	1,0	4,2	7,9	8,0	12,4	2	3,2	3,70	0,1	4,4
Россонский	-0,7	-3,1	-7,4	-7,4	-0,6	1,0	-2,4	-4,3	0,00	6,8	1,6
Сенненский	-0,8	-2,1	0,5	2,7	1,0	2,2	-1,3	2,6	2,20	-1,7	1,2
Толочинский	5,9	6,6	6,6	8,1	5,9	7,9	0,7	0	1,50	-2,2	2
Ушачский	4,7	-0,9	-1,0	-2,3	2,7	1,1	-5,6	-0,1	-1,30	5	-1,6
Чашникский	4,9	4,4	4,2	4,2	4,3	4,3	-0,5	-0,2	0,00	0,1	0
Шарковщинский	-3,0	-2,9	-2,4	2,6	2,1	-3,7	0,1	0,5	5,00	-0,5	-5,8
Шумилинский	2,2	-2,5	-5,6	-5,3	-3,9	-1,3	-4,7	-3,1	0,30	1,4	2,6
Витебская область	6,3	5,5	4,9	5,8	6,1	5,5	-0,8	-0,6	0,90	0,3	-0,6

Источник: собственная разработка на основе [2; 3].

ска, а в 2022 г. безусловным лидером становится Полоцкий район с показателем – 1626,16 тыс. руб/чел.

В 2017 г. в группу регионов, у которых в организациях МСП уровень производительности труда одного работника превышал среднеобластное значение, вошли: г. Витебск, Полоцкий, Оршанский и Бешенковичский районы; в 2018 г. – г. Витебск, Оршанский и Толочинский районы; в 2019 г. – г. Новополоцк, Толочинский и Полоцкий районы; в 2020 г. – г. Новополоцк, Толочинский, Оршанский и Витебский районы; в 2021 г. – г. Новополоцк, Полоцкий, Толочинский, Оршанский и Витебский районы. Следует отметить, что в 2022 г. уровень производительности труда одного работника был ниже среднеобластного значения у всех регионов, за исключением лидера – Полоцкого района.

Значения показателей рентабельности продаж организаций МСП Витебской области свидетельствуют о их невысоком уровне, в течение исследуемого периода они колеблются в интервале 5-6% (таблица 6).

Как видно из данных таблицы, с 2017 по 2019 г. происходит незначительное снижение рентабельности продаж с 6,3 до 4,9%. В 2020 г. показатель относительно уровня 2019 года повысился на 0,9 пп. и составил 5,8%, в 2021 г. – достиг значения 6,1%. Однако в 2022 г. вновь наблюдается снижение рентабельности продаж организаций МСП на 0,6 пп. до 5,5%.

Следует отметить, что в рассматриваемом периоде количество регионов, в которых деятельность организаций МСП была убыточной, изме-

няется. В 2018 г. количество таких регионов было наибольшим – 8, в данную группу попали Верхнедвинский, Городокский, Миорский, Россонский, Сенненский, Ушачский, Шарковщинский и Шумилинский районы. В 2019 г. – 7, среди них: Городокский, Докшицкий, Лиозненский, Миорский, Россонский, Ушачский и Шарковщинский районы.

В 2020–2022 гг. произошли положительные изменения, обусловленные сокращением количества регионов, в которых организации МСП функционируют убыточно. В 2022 г. к таким регионам, где у организаций МСП выявлена убыточность продаж, относятся Верхнедвинский (1,5%), Городокский (0,3%), Шарковщинский (3,7%) и Шумилинский (1,3%) районы. Наиболее сложная экономическая ситуация характерна для организаций МСП Городокского, Россонского и Шумилинского районов, где убыточность продаж сохраняется практически на протяжении всего исследуемого периода.

На основе изучения показателей «рентабельность продаж» организаций МСП отдельных регионов Витебской области можно заключить, что их деятельность наиболее эффективна в г. Витебске, г. Новополоцке, Витебском, Лепельском, Оршанском и Толочинском районах.

Заключение. В целом проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

- за последние 6 лет (2017–2022 гг.) количество организаций МСП в Витебской области практически не изменилось и в 2022 г. составило 8723 ед. (увеличение всего на 6 ед.);

- в 2022 г. по сравнению с 2017 г. количество организаций МСП сократилось в 14 регионах Витебской области из 23. Самое значимое сокращение характерно для Витебского и Лепельского районов;

- организации МСП тяготеют к размещению в крупных городах, несмотря на наличие преференций и налоговых льгот для малых и средних городов. Наибольшее количество организаций МСП около 40% (2022 г.) сосредоточено в г. Витебске, численность работающих в них превышает 30% от общей численности занятых в орга-

низациях МСП области. Витебск на протяжении 2017–2021 гг. вносил основной вклад (около 40%) в выручку от реализации организаций МСП области, однако в 2022 г. более 67% в выручке от реализации стал занимать Полоцкий район;

- в 2017–2019 гг. лидирующее положение по уровню производительности труда работников в организациях МСП занимает г. Новополоцк, в 2020–2021 гг. – г. Витебск, в 2022 г. безусловным лидером становится Полоцкий район;

- в исследуемом периоде рентабельность продаж организаций МСП Витебской области является невысокой и колеблется в диапазоне от 5 до 6%. В 2022 г. деятельность организаций МСП была убыточной в 4 регионах. Наиболее сложное экономическое положение в течение всего исследуемого периода наблюдается у организаций МСП, находящихся в Городокском, Россонском и Шумилинском районах.

В рассматриваемом периоде негативное влияние на развитие организаций МСП Витебской области оказали такие факторы, как COVID-19, санкции, введенные по отношению к Республике Беларусь, изменения в налоговом законодательстве. В перспективе наиболее сильное влияние на функционирование организаций МСП будут оказывать упразднение упрощенной системы налогообложения и вступление в силу нового Закона по вопросам предпринимательской деятельности.

Литература

1. Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь, 2022. [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_brochures/index_54356/. – Дата доступа: 10.04.2024.
2. Статистический ежегодник Витебской области, 2021 [Электронный ресурс]. – 2022. – Режим доступа: https://vitebsk.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/public_compilation/index_18040/.pdf. – Дата доступа: 02.03.2024.
3. Статистический ежегодник Витебской области, 2022 [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: https://vitebsk.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/public_compilation/index_57409/. – Дата доступа: 20.03.2024.

Поступила в редакцию 26.04.2024

Становление и формирование системы подготовки кадров для индустрии туризма с участием России и Беларуси

Горбылева З.М.¹, Шамардина И.А.²

¹Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет»

²Учреждение образования «Белорусский национальный технический университет»

Совершенствование профессионального образования в республике нуждается в изучении становления системы подготовки туристических кадров в неразрывной связи с развитием отечественного туризма, зарубежного опыта, что обуславливает актуальность исследования. Необходимость в изучении подготовки трудовых ресурсов определена Национальной программой развития туризма «Беларусь гостеприимная» на 2021–2025 гг.

Цель исследования – представить ретроспективное, современное и перспективное видение образования в индустрии туризма.

Материал и методы. Основой для изучения послужили нормативные и правовые акты, данные Национального статистического комитета Беларуси, профильных министерств и ведомств Беларуси и России, труды ученых, сайты учебных заведений, интеграционных объединений, исследования авторов статьи и др. Статья базируется на принципах научной достоверности и объективности, исторической ретроспективы. Используются как общенаучные (анализ, синтез, аналогия, моделирование), так и специальные эмпирические методы.

Результаты и их обсуждение. Формирование кадрового потенциала туристической отрасли Беларуси исторически происходил в неразрывной связи с общесоюзными тенденциями начиная с 20-х гг. XX века. Поэтому принципиально важно понимать как исторические предпосылки системы подготовки специалистов в области туризма, так и особенности современных подходов в этом направлении и в Беларуси, и в России, в том числе в рамках интеграционных союзов и объединений.

Заключение. По результатам исследования выявлены исторические предпосылки и современные особенности, признаки, проблемы в подготовке трудовых ресурсов для туристической индустрии в Беларуси и России. Определена необходимость поиска ключевых направлений совершенствования сложившейся системы туристического образования. Предпочтение отдается сетевой модели кадрового обеспечения туристической деятельности. Для Беларуси обосновывается необходимость создания Национального центра индустрии туризма (НЦИТ). А с учетом ориентации туристической индустрии Беларуси на рынок стран постсоветского пространства – формирование общей евразийской системы подготовки специалистов.

Ключевые слова: туристическая индустрия, кадровое обеспечение отрасли, тенденции, этапы, особенности в формировании системы подготовки кадров, единый туристический рынок, цифровизация, сетевая модель.

Shaping and Development of the Staff Training System for the Tourism Industry with the Participation of Russia and Belarus

Gorbyleva Z.M.¹, Shamardina I.A.²

¹Education Establishment "Belarusian State Economic University"

²Education Establishment "Belarusian National University of Technology"

Improvement of professional education in the Republic requires a study of shaping the tourism staff training system in close link with the development of domestic tourism and foreign experience. This explains the relevance of the research. The necessity in the study of workforce training is established by the 2021–2025 National Program of Tourism Development "Hospitable Belarus". The research purpose is to present a retrospective, contemporary and prospect picture of tourism industry education.

Material and methods. The research basis was normative and legal acts, data of the National Statistic Committee of Belarus, corresponding Ministries and institutions of Belarus and Russia, works by researchers, education establishment sites, integration unions, the article authors' researches etc. The article is based on the principles of scientific reliability and objectivity, historic retrospective. Both general scientific (analysis, synthesis, analogy, modeling) and special empiric methods were used.

Findings and their discussion. Tourism staff potential in Belarus was historically shaped in close link with general Union tendencies starting from the 1920s. Thus, it is significant to understand both historical prerequisites of the system of tourism staff training and features of the contemporary approaches in this field in Belarus and Russia, including those within integration unions and associations.

Conclusion. The research findings show historic prerequisites and contemporary features and problems in staff training for the tourist industry in Belarus and Russia. The necessity in searching for key trends of the current system of tourist education improvement is identified. Preference is given to the web model of tourist staff provision. For Belarus the necessity is substantiated in creating National Center of Tourist Industry (NCTI). Besides, considering Belarusian tourist industry focus on the post-Soviet countries market it is significant to shape common Eurasian System of staff training.

Key words: tourist industry, staff provision of the branch, trends, stages, features of shaping staff training system, common tourist market, digitalization, web model.

Жители планеты активно путешествуют с познавательными, деловыми, образовательными, оздоровительными, развлекательными, религиозными и многими другими (исключая рабочие по методологии составления платежного баланса и согласно рекомендациям ООН-туризм (с января 2024 года Всемирная туристская организация (ЮНВТО) переименована в ООН-туризм) целями. Возникновение туризма как важной и неотъемлемой части не только жизнедеятельности человека, но в целом стран можно связать с периодом конца XIX в. и начала XX в., что обусловлено развитием промышленности, появлением средств транспорта и передвижения, расширением средств коммуникации, торговли и возможностей человека в познании мира. В этот период туризм начинает свое становление как полноценная отрасль экономики, способная приносить государству доходы, обеспечивать трудовые места, становится источником благополучия отдаленных и неразвитых регионов и областей. Подтверждением этому служат результаты его развития. Международные туристические прибытия возросли с 25 млн в 1950 г. до 1,466 млн в 2020 г., а доходы в мировом масштабе от туризма существенно увеличились: с 2 млрд долл. в 1950 г. до 1,9 трлн в 2020 г. До пандемии 2019 г. туризм формировал 10,2% мирового ВВП, 7% мирового экспорта товаров и услуг. Общая стоимость экспорта туристических услуг составила более 1,4 трлн долл. или в среднем 4 млрд в день. Темпы его развития превышали темпы мировой торговли на протяжении многих последних лет. Кроме того, в этой сфере занято примерно 450 млн человек [1, с. 97–104]. Таким образом, можно констатировать, что туризм представляет собой серьезную и весьма важную экономическую отрасль в мировом масштабе, способную активно и продолжительно развиваться.

Его значение и роль продолжает возрастать во всем мире, благодаря уникальности и особенностям этого феномена. В настоящее время именно туризм являет собой как можно более яркий признак глобализации экономики и общества. В туристические процессы вовлечены огромные массы людей как со стороны спроса, так и со стороны предложения. Он опосредует самые разнообразные стороны жизни общества, включая политические, экономические, социальные, экологические, культурные, спортивные, экологические и др. как в национальной экономике, так и на региональном, мировом уровнях. Именно поэтому уже более полтора столетия производятся

попытки понять и систематизировать представления о структуре отрасли и, как следствие, формировании ее кадрового сопровождения.

Обращаясь к непосредственному рассмотрению имеющихся наработок с позиции научного и исследовательского изучения туризма на постсоветском пространстве, следует констатировать, что в зоне пристального интереса исследователей находились вопросы истории туризма (В.В. Дворниченко, Г.П. Долженко, В.Э. Багдасаряна и др.), развития законодательства и государственного регулирования (Ю.С. Путрик, Ю.К. Байназаров, Е.Л. Писаревский, Ю.А. Барзыкин и др.). С началом формирования рыночных процессов в странах постсоветского пространства вниманием пользовались проблемы формирования спроса и предложения, совершенствования маркетинговых инструментов и рекламы в современном туризме (Л.А. Волкова, Д.К. Исмаев, В.Б. Сапрунова и др.), что свидетельствует о перенаправлении внимания с социальной и преимущественно общественной роли туризма к экономической его составляющей. Большое внимание уделено в научных работах развитию туризма с позиции экономики, организации туристического бизнеса на уровне предприятия (З.М. Горбылева, Г.А. Карпова, И.Т. Балабанов, А.И. Балабанова), международных отношений (И.А. Шамардина). Учитывая социальную важность и человекоцентрический принцип в туризме, ряд авторов уделили внимание управлению и качеству обслуживания, сертификации и стандартизации в сфере туризма (В.А. Квартальнов, И.В. Зорин, Е.Н. Ильина, М.А. Жукова) и др. Вопросы становления и формирования системы кадрового обеспечения в туризме в изученной литературе также затрагивались, однако фрагментарно, без реализации фундаментальных исследований и анализа. Но характеристики состояния отдельных компонентов встречаются в работах по правовым, экономическим, социологическим, географическим, информационным направлениям развития туристической деятельности. Более системные и целенаправленные подходы в анализе административных мер и методов в области подготовки и обеспечения отрасли специалистами начали появляться в русскоязычной литературе в конце 90-х гг. XX – начале XXI в.

Страны бывшего Советского Союза, ныне сотрудничающие между собой в рамках интеграционных объединений СНГ, ЕАЭС, Союзного государства, имеют много общего в построении туристической политики, определении перспек-

тив развития туризма ввиду общего исторического контекста. Объединяющим мотивом для этих государств в настоящее время является проведение единой, многосторонней, ориентированной на результат государственной политики в области туризма. Особенно это касается вопроса обеспечения отрасли профессионально подготовленными кадрами, от которых зависит потенциал развития индустрии и конкурентоспособность национального и даже регионального турпродукта. Стержневая роль в регулировании всех вопросов как в настоящем, так и в будущем принадлежит *профессиональному уровню обеспечения отрасли трудовыми ресурсами*. Именно на этом основывалась зарождение системы кадровой подготовки в туризме.

Таким образом, объектом исследования является система кадрowego обеспечения индустрии туризма, цель – представить ретроспективное, современное и перспективное видение образования в индустрии туризма.

Материал и методы. Основой для исследования послужили нормативные и правовые акты, данные Национального статистического комитета Беларуси, профильных министерств и ведомств Беларуси и России, труды ученых, сайты учебных заведений, интеграционных объединений, исследования авторов статьи и др. Статья базируется на принципах исторической ретроспективы, научной достоверности и объективности. Использованы как общенаучные (анализ, синтез, аналогия, моделирование), так и специальные эмпирические методы.

Результаты и их обсуждение. Становление системы подготовки туристических кадров в Беларуси следует рассматривать в неразрывной связи с развитием отечественного туризма, которое связано с периодом основания БССР в 1920-е гг. Очень показательным фактом является то, что в период становления нового государства, полной перестройки всех областей общественно-политической, экономической его структуры, особое внимание было также уделено туризму в 1927 г. постановлением Совета труда и обороны СССР. При этом однозначно произведено разделение внутреннего и внешнего туризма по их целевому назначению. Если первый носил строго социальный и идеологический характер, то второй имел выраженную идеологическую, пропагандистскую, политическую и даже экономическую функцию. В записке члена Правления «Интуриста» Т.С. Хозяинова «О проблемах развития иностранного туризма в СССР» 1929 г. принимается

за аксиому, что туризм – важная хозяйственная отрасль, способствующая «простому и выгодно-му экспорту» [2].

Однако в период становления и советского государства, так и туристической отрасли, которая не отличалась большими и массовыми потоками туристов, особенно из-за рубежа, за вопросы ресурсного, в том числе кадрового, обеспечения, отвечали разные структуры, в основном профсоюзы. В 1923 г. было образовано акционерное общество «Совтур» или «Советский турист», которое отвечало за организацию туристических поездок по Союзу. Основная функция, которой наделялся туризм, была социальной и политпросветительской. Поэтому значительное внимание уделялось подготовке экскурсоводов и гидов, обеспечивающих сопроводительный процесс туристического путешествия, оставляя вопросы организации и обеспечения других компонентов поездки (проживание, транспорт, питание, развлечение) на откуп других структур. С ростом заинтересованности со стороны зарубежных туристов постепенно возрастал поток иностранцев в страны СССР. Эта отрасль столкнулась с острой нехваткой гидов и экскурсоводов. Следует отметить, что данная профессия относится к подготовке кадров самой высокой квалификации, т.к. специалист должен владеть иностранным языком, иногда не одним, знаниями в области истории, краеведения, культуры, экономики и многих других. Для решения дефицита кадров организовывались курсы повышения квалификации (в 1933 г. в рамках «Интуриста» специалисты прошли курсы по иностранным языкам, краеведению, политэкономии, экономической географии), перенаправление их в периферийные регионы.

Впоследствии уже в 1936 г. организация туристического дела была передана в ведение Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (далее – ВЦСПС). Это может свидетельствовать о придаваемой социальной роли туризму, а также ключевой значимости экскурсионной деятельности, выразившееся в создании Центрального туристско-экскурсионного управления.

Очевидно, что основным запросом и требованием отрасли стала подготовка профессиональных кадров в этой области. С активным развитием туризма появилась необходимость и в расширении административного аппарата. В 1969 году управление было преобразовано в Центральный совет по туризму и экскурсиям (ЦСТЭ ВЦСПС), что было связано с расширением функциональных возможностей, в том числе в организации и

совершенствовании системы подготовки кадров. Важно отметить, что в ведении ЦСТЭ находились только вопросы внутреннего туризма [3]. При этом разделение различных функциональных вопросов развития туризма было возложено на разные ведомства. Так, за молодежный туризм отвечал ЦК ВЛКСМ и Бюро молодежного туризма «Спутник», регламентацией международного туризма – Государственный комитет по иностранному туризму, внутреннего – ЦСТЭ ВЦСПС. Следовательно, единой политики, непосредственно регулирующей туристскую деятельность, в том числе подготовку кадров, сформировано не было. Такое наследие сохранилось и в настоящее время.

На рубеже 70-х гг. резко увеличился спрос на туристско-экскурсионные услуги. Этому способствовал ряд факторов: востребованность различного рода программ и маршрутов внутреннего туризма, активизировался международный туристский обмен, возросло посещение СССР зарубежными туристами и др.

Возникла необходимость в подготовке кадров для санаториев, здравниц, курортов, а также экскурсоводов и гидов. Ответом на решение кадровой задачи продолжали быть разнообразные курсы подготовки, реализуемые ЦСТЭ ВЦСПС; географические факультеты Ростовского и Белорусского государственного (г. Минск) университетов; факультеты общественных профессий ряда педагогических вузов, Институт повышения квалификации работников туристско-экскурсионных организаций ЦСТЭ (с 1981 г.), отделения переводчиков факультетов языковых вузов, Высшая комсомольская школа при ЦК ВЛКСМ, республиканские комсомольские школы [3]. В Высшей школе профсоюзного движения ВЦСПС имени Н.М. Шверника¹ был организован факультет по подготовке кадров с высшим экономическим образованием (факультет СКТЭ), который длительное время был единственным с таким профилем обучения на постсоветском пространстве. Подготовка специалистов на факультете началась в 1973/1974 учебном году по двум специализациям: «Экономика и организация санаторно-курортного дела» и «Экономика и организация туристско-экскурсионной работы» с присвоением квалификации экономиста. До настоящего времени сохранилась подготовка по данной специализации в рамках Академии на экономическом факультете. Учебным заведением обеспечиваются также дополнительные образовательные услу-

¹ В 1991 г. преобразована в Академию труда и социальных отношений.

ги, реализуемые в целях всестороннего решения потребностей граждан, общества, государства, ориентируясь на рынок труда и обновленные образовательные стандарты. Эта задача реализуется по этой специализации посредством повышения квалификации [4].

Примечательно, что научный подход и первые фундаментальные исследования в области туризма также начали появляться в 70-е гг., институционально – в структуре Всесоюзной научно-исследовательской лаборатории по туризму и экскурсиям ЦСТЭ ВЦСПС². Сегодня это многопрофильное, негосударственное, одно из ведущих и первых, наряду с Академией труда и социальных отношений, высших учебных заведений по подготовке профессиональных кадров для индустрии туризма с филиалами в крупнейших регионах России. Именно РМАТ была разработана концепция непрерывной подготовки профессиональных кадров для системы туризма, основные элементы которой легли в основу и получили дальнейшее развитие в политике подготовки кадров не только России, но и Беларуси, стран постсоветского пространства. Поэтому экскурс в историю становления и развития туризма в целом имеет важное значение для понимания концепции формирования и реализации подготовки кадров.

Общие исторические предпосылки создания системы организации туризма предопределили схожие современные подходы к формированию образования и подготовки кадров в сфере туризма и гостеприимства. В ее основе лежит профессиональное целеполагание в образовании. Оно строится на принципе учета рыночных запросов и спроса со стороны работодателей; обеспечения подхода по развитию компетенций у специалиста; практической ориентированности полученных навыков; мировых тенденций и учета возможностей образовательных учреждений. Образовательной модели подготовки кадров для туристической индустрии в этих государствах характерны следующие признаки: модульный подход при формировании учебных планов, рейтинговая оценка знаний; акцентуализация в обучении на развитии компетенций (универсальных, базовых, профессиональных и специализированных) по требованиям стандарта специальности; наличие уровневой системы обучения и ее непрерывности (принципа постоянного образования): среднеспециальное, высшее (бакалавриат

² С 1993 г. преобразована в Российскую международную академию туризма (РМАТ).

и магистратура), последипломное (аспирантура и докторантура), дополнительное образование взрослых; преобладание традиционных подходов и методик к обучению. Формирование и развитие кадрового потенциала для организаций и предприятий индустрии туризма входит в число одного из основных стратегических направлений Государственной программы «Беларусь гостеприимная на 2021–2025 гг.», Национальной стратегии развития туризма в Республике Беларусь до 2035 года, в туристической политике Министерства спорта и туризма, Министерства образования Республики Беларусь. Повышенное внимание особо проявляется в нынешних условиях в связи с глобальными изменениями, которые происходят в туристической индустрии, особенно проявившимися в период пандемии 2019 г. В ответ на это уже с 2020 г. были разработаны образовательные стандарты нового поколения, на основе которых произведены обновления в учебно-программной документации.

В системе подготовки кадров для российского туризма сложились практически те же тенденции, ей присущи те же признаки. Особенности заключаются в масштабности решаемых вопросов, количестве образовательных учреждений, специальностей и специализаций, законодательной базе, определенных подходах на внешние вызовы и т.д.

С начала 90-х гг. XX в., момента формирования туризма в самостоятельный вид экономической деятельности, в странах произошли качественные, количественные и структурные изменения в специальностях, обеспечивающих подготовку кадров для туристической индустрии, и учебных заведений. Так, в Беларуси программы высшего образования снабжают 11 учебных заведений по специальностям экономического, управленческого, географического, педагогического, технологического, спортивного направлений с перечнем ряда конкретных специализаций. В России подготовка специалистов по туризму осуществляется более чем в 580 учреждениях высшего образования, а также более 260 – среднего профессионального образования практически по тем же направлениям³.

Туризм – это динамически развивающееся направление, требующее соответствующего обе-

спечения со стороны специалистов. Проведенное нами исследование выявило несоответствие требований отрасли к компетенциям кадрового персонала и фактической квалификации выпускников учебных заведений. С одной стороны, существуют современные потребности отрасли, спрос предприятий туризма. С другой – есть предложение трудовых ресурсов образовательными учреждениями на основании академических представлений о формируемых компетенциях специалиста. Есть и иные причины такого несоответствия, например, в наличии дисбаланса по количественному и качественному соотношению в подготовке кадров, особенно в сфере территориального планирования, гостиничного дела, менеджмента и маркетинга, в том числе на международном уровне, и др. Поэтому кадровое обеспечение в настоящее время становится частью ключевых ограничений развития туризма. Эта комплексная и системная проблема одна из обсуждаемых в последнее время в России, на уровне бизнеса, государственных структур, образовательных и общественных объединений. В рамках таких встреч целью является поиск ключевых направлений и средств трансформации сложившейся системы туристического образования. При этом в дискуссиях отдается предпочтение сетевой модели кадрового обеспечения туристической деятельности, которая будет способствовать развитию профессиональных компетенций, поскольку позволяет обеспечить форматы взаимодействия туризма, науки и образования.

Примером такой модели является научно-образовательный консорциум «Устойчивый туризм»⁴. Среди других предлагаемых направлений: проведение непрерывного анализа кадровой потребности, в том числе по регионам с учетом существующих и будущих инвестиционных проектов, тем самым выявляя целевую необходимость подготовки кадров; совершенствование и увеличение практико-ориентированности образовательных программ; применение маркетинга в продвижении туристического образования, профессии в целом; участие государства в поддержке обучения по специальностям туризма в виде грантов; усиление требований к преподавателям (наличие практического опыта по примеру Казахстана) и создание условий для повышения

³ Ростуризм разместил на сайте список образовательных учреждений, готовящих кадры для туризма [Электронный ресурс] Информационное агентство Интерфакс. – Режим доступа: <https://www.interfax-russia.ru/tourism/news/rosturizm-razmestil-na-sayte-spisok-obrazovatelnyh-uchrezhdeniy-gotovyyashchih-kadry-dlya-turizma>. – Дата доступа: 08.03.2024.

⁴ В России создан научно-образовательный консорциум «Устойчивый туризм» [Электронный ресурс] СПбГЭУ. – Режим доступа: <https://unecon.ru/v-rossii-sozdan-nauchno-obrazovatelnyj-konsorcium-ustojchivyy-turizm/>. – Дата доступа: 08.03.2024.

их квалификации; совершенствование и повышение качества научно-методического обеспечения учебного процесса по специальностям туризма и др. [5]. Комплексно разрешить эти проблемы и реализовать пути их решения возможно только через структурные изменения на уровне государственной и межправительственной политики подготовки кадров для индустрии туризма и гостеприимства. Примером может служить обсуждение и принятие Концепции непрерывного образования в сфере туризма в январе 2024 г. в рамках представительной международной научно-практической конференции «Профессиональное образование в сфере туризма как условие повышения качества услуг» в г. Москва [5].

В Беларуси также давно назрела необходимость создания Национального центра индустрии туризма (НЦИТ). На это неоднократно обращалось внимание авторами данного исследования. Использование интеллектуального потенциала НЦИТ возможно было бы для обеспечения научной экспертизы крупных туристических проектов (*в настоящее время они вообще отсутствуют*), связи между наукой, профессиональным туристическим образованием и организациями индустрии туризма, по проведению мониторинга проектирования туристических направлений и новых специальностей, способствовало бы усилению научного сопровождения развития туризма в целом. Учитывая все виды туристической деятельности, отметим, что занятость в данном секторе экономики составляет на начало 2024 г. 250 тыс. человек или 5,8% трудоспособного населения⁵.

В постсоветский период, несмотря на резкое и широкое открытие международных туристических рынков, заинтересованность в развитии туризма со странами-партнерами в рамках интеграционных процессов осталась значительной.

Первым совместным документом по развитию туризма стало *Соглашение о сотрудничестве в области туризма государств – участников СНГ*, подписанное в 1993 г. Этим государства продемонстрировали стремление к формированию общего туристического пространства путем гармонизации соответствующей нормативно-правовой базы и решения ряда практических вопросов [6]. Для решения общих вопросов по сотрудничеству в туризме был создан *Совет по туризму*

государств – участников СНГ (далее – Совет). Стратегическое видение в формировании единой политики в сфере туризма произошло по прошествии еще десятилетия: в 2013 г. разработана *Стратегия развития сотрудничества в области туризма на период до 2020 года*. Важным моментом стало включение в нее вопросов подготовки кадров.

Стратегия развития сотрудничества государств – участников СНГ в области туризма на 2021–2030 годы (Стратегия 2021–2030) [7] уделяет большое внимание подготовке экскурсоводов и гидов-переводчиков. Там же предусмотрена проработка вопроса *о базовой организации государств – участников СНГ в области туризма*, которой в 2023 г. стал Международный университет «Шелковый путь» (г. Самарканд) [8]. Предполагается, что такое решение позволит повысить эффективность в области подготовки и переподготовки кадров государств – участников СНГ. Особую актуальность этот вопрос приобрел в период глобальной цифровой трансформации в период пандемии COVID-19.

Эти вопросы обсуждались также на заседаниях в рамках Евразийского экономического форума 24 мая 2023 г. по Концепции развития туризма. Дальнейшие шаги по наращиванию совместных усилий стран в рамках ЕАЭС в туризме, в том числе системе подготовки кадров намечены в стратегическом документе «Декларация о развитии ЕАЭС до 2045 года» [9]. Комиссия по развитию туризма Общественной палаты ЕАЭС занимается различными проектами, в том числе по туристическому образованию в Большой Евразии с учетом обеспечения ее цифрового суверенитета: формирование консорциума Университетов ЕАЭС, издание учебно-методической литературы по направлениям «Туризм и туристские дестинации» и «Гостиничное дело» (высшее и среднее профессиональное образование) для стран ЕАЭС, СНГ, ШОС и БРИКС; междисциплинарный образовательный проект «Путь Ломоносова» совместно с МГУ имени М.В. Ломоносова и др. Вопросы качества подготовки кадров для туризма и индустрии гостеприимства постоянно обсуждаются и принимаются соответствующие решения в рамках Всемирной туристской организации. Так, анонсировала создание в 2022 г. первого исследовательского центра по вопросам качества образования и занятости в сфере туризма [1].

С целью увеличения числа рабочих мест в туристическом секторе предполагается учреждение Лаборатории знаний. Предложено также созда-

⁵ Туризм и туристические ресурсы в Республике Беларусь: Статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2023. – 36 с.

ние и поддержка на международном уровне национальных академий туризма⁶.

Среди имеющихся проблем развития туризма между странами (о них указано выше) – различие в стандартах подготовки специалистов для этого сектора экономики [10]. В этой связи особую актуальность приобретают формирование общей евразийской системы подготовки специалистов и гармонизация требований к качеству обучения в сфере туризма и гостеприимства на примере международного проекта университетов и предприятий «Европейское измерение в квалификациях для туристического сектора экономики России и Кыргызстана», построенного по принципу «обучение в течение всей жизни» (lifelong learning). В ходе проекта разработана отраслевая рамка квалификаций и профессиональные стандарты при подготовке специалистов в России и Кыргызстане [10]. Преимуществом такой системы стала унификация системы оценивания обучения, а следовательно единая сертификация, признание квалификаций на рынке труда ЕАЭС. Следовательно, сетевая модель сотрудничества – важнейший апробированный путь построения общей системы подготовки кадров для туристического сектора всех стран ЕАЭС.

Проведено исследование вопросов становления и формирования системы кадрового обеспечения в туризме в Беларуси и России. Выявлено, что становление системы подготовки туристических кадров следует рассматривать в неразрывной связи с развитием отечественного туризма (в 1920-е гг. в СССР приняты первые документы в поддержку развития туризма, в том числе началась подготовка специалистов по некоторым направлениям туристической деятельности). Доказано, что экскурс в историю становления и развития туризма в целом имеет важное значение для понимания концепции формирования и реализации подготовки кадров. Системные подходы по изучению институциональной структуры в области подготовки и обеспечения отрасли специалистами начали появляться в отечественной литературе в конце 90-х гг. XX в. – начале XXI в. Представлены результаты выявленных тенденций, этапов, особенностей, признаков,

проблем в формировании системы подготовки кадров для туристического сектора экономики в Беларуси и России, определяющегося сегодня в единое туристическое пространство. Поэтому необходим поиск ключевых направлений трансформации сложившейся системы туристического образования. Предпочтение отдается сетевой модели кадрового обеспечения туристической деятельности. Для Беларуси обосновывается необходимость создания НЦИТа. А с учетом ориентации туристической индустрии Беларуси на рынок стран постсоветского пространства – формирование общей евразийской системы подготовки специалистов и гармонизации требований к качеству обучения в сфере туризма и гостеприимства.

Заключение. Таким образом, проведенный авторами исторический анализ становления кадровой подготовки для отрасли туризма в Беларуси тесно увязан с ценностными подходами, государственными приоритетами и международными тенденциями. С начала XX века туризм прошел трансформацию от социальной сферы, идеологического и воспитательного инструмента государственной политики до полноценной индустрии, функционирующей с учетом рыночных сил. Исходя из этого, изменился подход в формировании кадрового потенциала туризма, происходящий из спроса на специалистов широкого профиля и компетенций. Исторически общая система формирования подготовки кадров в Беларуси и России и на современном этапе продолжается в едином русле и направлении не только между двумя государствами, но и на более представленной уровне – интеграционном. На данный момент сформулированы и действуют в достаточном объеме программные документы, определяющие основные требования подготовки кадров в туризме. Однако на практике туризм сталкивается с рядом затруднений в области анализа спроса на рынке труда, стандартизации, использования средств цифровизации в подготовке и обмене межстрановым опытом. Как показывают проведенные нами исследования, современная модель профессионального туристического образования в каждой отдельно взятой стране должна основываться на определенных принципах [11; 12], формироваться с учетом сложившихся тенденций международного опыта, прежде всего цифровизации на основе зарекомендовавшей себя многоуровневой непрерывной подготовки, переподготовки и повышения квалификации туристических кадров, требований Национальных систем квалификаций и отраслевых рамок квалификаций.

⁶ Доклад Генерального секретаря «Концепция, приоритеты и программа работы ЮНВТО на 2022–2023 гг.» / [Электронный ресурс]. – ЮНВТО. – Мадрид, май 2022 г. – Режим доступа: https://web.unwto.org/s3fs-public/2022-05/CEU67_SGreport_Ru.pdf?VersionId=KaGyl3DCmMqlwZLSwSfbo52M_H8Lqcmu – Дата доступа: 03.11.2022.

Литература

1. Горбылева, З.М. Туризм: переосмысление, сущностные трансформации / З.М. Горбылева, И.А. Шамардина // Науч. труды БГЭУ. – Минск: Колорград, 2023. – Вып. 16. – 708 с.
2. Багдасарян, В.Э. Советское зазеркалье. Иностранный туризм в СССР в 1930–1980-е годы / В.Э. Багдасарян, И.Б. Орлов, К.А. Мазин [и др.]. – М.: ФОРУМ, 2014. – 256 с.
3. Дворниченко, В.В. Туризм в СССР и деятельность советских профсоюзов по его развитию (1917–1984 гг.): учеб.-метод. материалы / В.В. Дворниченко. – М.: ВШПД ВЦСПС им. Н.М. Шверника, 1985. – 157 с.
4. 80 лет Академии труда и социальных отношений: Страницы истории / Акад. труда и соц. отношений; редсовет: Н.Н. Гриценко, В.Я. Саленко, Б.П. Владимиров [и др.]; под общ. ред. И.А. Полякова. – М.: ОАО «Издательство “Экономика”», 1999. – 336 с.
5. Профессиональное образование в сфере туризма как условие повышения качества услуг: междунар. науч.-практ. конф. г. Москва [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tourbus.ru/news/5871.html>. – Дата доступа: 06.03.2024.
6. Сотрудничество государств – участников СНГ в области туризма: потенциал и перспективы реализации туристских проектов. Исполнительный комитет СНГ. – Москва, 23 сент. 2023 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cis.minsk.by/news/26123/sotrudnichestvo_gosudarstv_%E2%80%93_uchastnikov_sng_v_oblasti_turizma_potencial_i_perspektivy_realizacii_turisticheskikh_pr/. – Дата доступа: 08.03.2024.
7. О Стратегии развития сотрудничества государств – участников СНГ в области туризма на 2021–2030 годы. Решение от 29 мая 2020 г. Совета глав правительств СНГ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/reestr2/doc/6240#text>. – Дата доступа: 07.03.2024.
8. В СНГ появится базовая организация в области туризма. Исполнительный комитет СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cis.minsk.by/news/23222>. – Дата доступа: 08.03.2024.
9. Главы государств ЕАЭС подписали Декларацию о дальнейшем развитии экономических процессов «Евразийский экономический путь» 25 дек. 2023 года, Санкт-Петербург [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/news/glavy-gosudarstv-eaes-podpisali-deklaratsiyu-o-dalneyshem-razvitii-ekonomicheskikh-protsessov-evrazi>. – Дата доступа: 08.03.2024.
10. Васильева, Е.В. Интернационализация туристского образования в России: опыт проектирования модели подготовки специалистов на основе отраслевой рамки квалификаций / Е.В. Васильева, Е.А. Горбашко, Е.В. Останина // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. – 2019. – № 4(56). – С. 257–262.
11. Горбылева, З.М. Экономика туристической индустрии: учебник / З.М. Горбылева. – Минск: БГЭУ, 2018. – 527 с.
12. Горбылева, З.М. Кадровый потенциал как детерминанта возрождения туризма / З.М. Горбылева, И.А. Шамардина // Научн. труды БГЭУ. – 2021. – С. 108–115.

Поступила в редакцию 04.06.2024

Анализ влияния денежно-кредитной сферы на экономическое развитие Республики Беларусь в условиях геополитической нестабильности

Павлыш Э.В., Семёнова Е.А., Типанова Е.И.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В статье охарактеризована динамика основных показателей функционирования денежно-кредитной сферы Республики Беларусь в 2017–2022 гг. Дана оценка изменения основных макроэкономических показателей Республики Беларусь в условиях негативного воздействия внешних факторов. Проведен анализ взаимосвязи между ключевыми макроэкономическими индикаторами и параметрами развития денежно-кредитной сферы.

Цель работы – анализ тенденций развития денежно-кредитной сферы Республики Беларусь и ее взаимосвязи с основными макроэкономическими показателями.

Материал и методы. Теоретическая база – научные труды отечественных и зарубежных ученых в области денежно-кредитной политики, фактологическая база – официальные статистические данные Национального статистического комитета и Национального банка Республики Беларусь. Методологическая база – обобщение, дедукция и индукция, анализ и синтез.

Результаты и их обсуждение. В течение исследуемого периода рублевая денежная масса ежегодно возрастала (снижение отмечено лишь в 2020 г.). Доля безналичных средств в денежной массе увеличивается. Индекс потребительских цен в 2017–2020 годах находился на низком уровне, в 2021 и 2022 гг. существенно вырос на фоне ухудшения внешнеэкономической конъюнктуры и ужесточения внешнего политического и экономического давления со стороны недружественных стран. В 2020 и 2022 гг. отмечено падение ВВП и индекса промышленного производства.

В 2017–2020 году среднегодовой уровень ставки рефинансирования, а также ставок кредитования физических и юридических лиц стабильно снижались, а в 2021–2022 гг. – возрастал. Оборачиваемость рублевой денежной массы по ВВП в текущих ценах за 6 лет сократилась на 35%. При этом в период 2018–2022 гг. прямая статистическая взаимосвязь между темпами роста агрегата М2 и индексом потребительских цен, а также между процентными ставками по потребительским кредитам и темпами роста ВВП отсутствовала. В то же время существенной была взаимосвязь между ставками по кредитам для юридических лиц и индексом инвестиций в основной капитал, а также между оборачиваемостью рублевой денежной массы по ВВП в текущих ценах и индексом промышленного производства.

Заключение. Рестриктивная монетарная политика, позволившая ограничить рост цен в Республике Беларусь, одновременно снижала и уровень деловой активности. В статье отмечено, что в практике денежного-кредитного регулирования отдельных стран ранее зафиксированы факты обратного эффекта рестрикции денежной массы, то есть – высокой инфляции в виду дефицита денежных средств у предприятий и низкого спроса со стороны населения. Авторами констатируется необходимость дальнейших исследований данного вопроса с целью поиска механизмов оптимизации денежной массы и процентных ставок, т.е. приведения их к уровню, стимулирующему производство и потребление, но не «перегревающему» экономическую систему.

Ключевые слова: денежно-кредитная политика, денежный агрегат М2, индекс потребительских цен, ВВП, ставка рефинансирования, деловая активность.

Influence of the Monetary Sphere on the Economic Development of the Republic of Belarus in the Conditions of Geopolitical Instability

Pavlysh E.V., Semyonova E.A., Tipanova E.I.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The article describes the dynamics of the main indicators of the functioning of the monetary sphere of the Republic of Belarus in 2017–2022. The change in the main macroeconomic indicators of the Republic of Belarus under the negative impact of external factors is assessed. The interrelation between key macroeconomic indicators and parameters of the development of the monetary sphere is analyzed.

The purpose of the work is to analyze the trends of the monetary sphere of the Republic of Belarus development and its correlation with the main macroeconomic indicators.

Material and methods. The theoretical basis: scientific works of domestic and foreign scientists in the field of monetary policy. The factual base: official statistical data of the National Statistical Committee and the National Bank of the Republic of Belarus. The methodological base is generalization, deduction and induction, analysis and synthesis.

Results and discussion. during the period analyzed, the ruble money supply increased annually (a decrease was noted only in 2020). The share of non-cash funds in the money supply is increasing. The consumer price index in 2017–2020 was at a low level,

in 2021 and 2022 it increased significantly against the background of a deterioration in the external economic situation and tightening external political and economic pressure from unfriendly countries. In 2020 and 2022, a decline in GDP and the industrial production index was noted. In 2017–2020, the average annual level of the refinancing rate, as well as interest rates for individuals and legal entities, steadily decreased, and in 2021–2022, it increased. The turnover of the ruble money supply by GDP at current prices decreased by 35% over 6 years. At the same time, in the period 2018–2022, there was no direct statistical correlation between the growth rate of the M2 aggregate and the consumer price index, as well as between interest rates on consumer loans and GDP growth rates. At the same time, there was a significant relationship between interest rates for legal entities and the index of investment in fixed assets, as well as between the turnover of the ruble money supply by GDP at current prices and the industrial production index.

Conclusion. The restrictive monetary policy, which made it possible to limit inflation in the Republic of Belarus, simultaneously reduced the level of business activity. The article notes that in the practice of monetary and credit regulation of individual countries, facts of the opposite effect of restrictions on the money supply have been previously recorded, that is, high inflation due to a shortage of funds among enterprises and low demand from the population. The authors state the need for further research on this issue in order to find mechanisms for optimizing the money supply and interest rates, i.e. bringing them to a level that stimulates production and consumption, but does not “overheat” the economic system.

Key words: monetary policy, M2 monetary aggregate, consumer price index, GDP, refinancing rate, business activity.

В современных условиях экономика Республики Беларусь испытывает на себе влияние целого ряда внешних процессов, негативно влияющих на динамику ключевых макроэкономических показателей. К основным из них можно отнести сокращение внешнеэкономических контактов в период пандемии коронавируса (2020–2021 гг.), а также постоянное расширение спектра санкционных ограничений, применяемых странами коллективного Запада по отношению к отечественным предприятиям, организациям и целым отраслям народного хозяйства. Комплексное влияние данных угроз препятствует нормальному функционированию национальной экономики, наносит экономическим интересам государства значительный ущерб. В этих условиях денежно-кредитная сфера как объект и инструмент управления экономикой на макроуровне является неотъемлемой составляющей национальной экономической безопасности.

Как справедливо отмечает М.Ю. Головин, «денежно-кредитная политика обычно выступает первой линией обороны во время негативных внешних шоков» [1, с. 6]. В системе экономической политики государство денежно-кредитная сфера занимает узловое положение, выступая в качестве базовой среды для проведения мероприятий «в области организации денежных и кредитных отношений с целью воздействия на обеспечение товарно-денежной сбалансированности в хозяйстве, на стимулирование экономического роста, повышение эффективности производства, обеспечение занятости населения» [2, с. 170]. В состоянии экономической стабильности финансовая, денежно-кредитная, валютная, банковская, бюджетная, налоговая, инвестиционная, таможенная и фондовая системы функционируют сбалансированно, они устойчивы к внутренним

и внешним факторам, способны противостоять внешним экономическим угрозам, что способствует эффективному функционированию национальной экономической системы и обеспечению экономического роста [3, с. 37]. Денежно-кредитная политика проявляется в сфере денежного обращения и кредита. Ее главные цели: неинфляционный экономический рост, обеспечение полной занятости, сглаживание негативных последствий от цикличности экономики. Однако в условиях финансовой глобализации, кризиса международных отношений, нарастания геополитической нестабильности возможности национальной денежно-кредитной политики ограничены.

Таким образом, актуальной задачей представляется анализ тенденций развития денежно-кредитной сферы Республики Беларусь и ее взаимосвязи с основными макроэкономическими показателями, что и является целью настоящей статьи.

Материал и методы. Теоретической и фактологической базой работы выступают научные труды отечественных и зарубежных ученых в области денежно-кредитной политики, а также официальные статистические данные по теме исследования. Основными использованными методами исследования являются обобщение, дедукция и индукция, анализ и синтез.

Результаты и их обсуждение. Денежный оборот – один из основных параметров, определяющих стабильность национальной экономики. Под денежным оборотом понимается непрерывное движение денег в качестве инструмента расчетов и платежей как в наличной, так и в безналичной формах. Таким образом, денежный оборот может быть охарактеризован налично-денежными и безналичными расчетами, осуществляемыми в национальной экономике.

Таблица 1 – Показатели денежного обращения и динамика отдельных макроэкономических индикаторов в Республике Беларусь (2017–2022 гг.)

Показатели	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Рублевая денежная масса (M2), млн руб.	10807,7	14070,2	16899,0	21523,3	20816,2	29934,1
Абсолютный прирост рублевой денежной массы (M2), млн руб.	–	3262,5	2828,8	4624,3	–707,1	9117,9
Темп роста рублевой денежной массы (M2), %	–	130,1	120,1	127,3	96,7	143,8
Индекс потребительских цен, %	105,6	104,7	107,4	104,7	109,97	112,8
Темп роста ВВП, %	102,5	103,1	101,4	99,3	102,4	95,3
Индекс промышленного производства, %	106,1	105,7	101,0	99,3	106,5	94,6
Индекс инвестиций в основной капитал, %	105,1	106,0	106,6	94,0	94,5	80,9

Источник: составлено авторами на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь [4; 5].

Для анализа состояния денежно-кредитной сферы Республики Беларусь воспользуемся данными, которые отражают денежное обращение за период 2017–2022 гг. в сопоставлении с такими макроэкономическими показателями, как темп роста ВВП, индекс потребительских цен, темп роста промышленного выпуска, показатель инвестиций в основной капитал, реальных доходов на душу населения и уровень зарегистрированной безработицы (таблица 1).

Как отмечает М.В. Степаненко, «изменение денежной массы является основанием как для изменения масштаба цен, так и процентной ставки, что в результате приводит к колебаниям инвестиционного спроса и через мультипликативный эффект инвестиций – к изменению в уровне национального производства» [6, с. 89]. Анализируя данные таблицы 1, можно отметить, что рублевая денежная масса, начиная с 2017 и до 2020 года увеличивалась, однако в 2021 году по сравнению с 2020 годом уменьшилась на 707,1 млн руб. или 3,3%. В 2022 г. рублевая денежная масса значительно увеличилась по сравнению с 2021 г. до 9117,9 млн руб. Количество наличных средств в этот период увеличилось незначительно, на 596,4 млн руб., в то время как безналичных денежных средств в обороте стало на 3545,5 млн руб. больше, чем в 2021 году. В течение всего исследуемого периода Национальным банком

успешно реализуется задача увеличения доли безналичных оборотов. Государство заинтересовано в увеличении доли безналичных платежей в структуре денежного оборота, так как благодаря этому существенно повышается скорость расчетных операций, что способствует ускорению оборота капитала и оказывает благоприятное влияние на финансовое состояние субъектов хозяйствования.

Индекс потребительских цен в 2017–2020 годах колебался незначительно. Инфляция в 2019 г. составила 7,4%, в 2018 и 2020 гг. была ниже 5,0%. Вместе с тем в 2021 и 2022 гг. рост цен существенно ускорился, что обусловлено ухудшением внешнеэкономической конъюнктуры на фоне ужесточения внешнего политического и экономического давления со стороны недружественных стран.

Валовый внутренний продукт рос в 2017–2019 и в 2022 гг., в 2020 отмечено незначительное падение (–0,7%) на фоне глобальной пандемии коронавируса. Что касается 2022 года, то падение ВВП на 4,7% обусловлено радикальными изменениями глобальной экономической ситуации в связи с ужесточением геополитического противостояния между странами коллективного Запада и новыми центрами экономического развития (Китай, Индия, Российская Федерация) с учетом существенной зависимости экономики Беларуси

Таблица 2 – Задолженность по выданным кредитам физическим лицам в 2017–2022 гг.

Показатели	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Остатки задолженности по выданным кредитам физлицам, млн руб.	7167,9	9034,6	11596,7	14049,1	15613,2	16392,7
В национальной валюте, млн руб.	7098,7	8983,7	11553,8	14017,5	15585,0	16372,6
В иностранной валюте, млн руб.	69,2	50,8	43,0	31,6	28,2	20,1
Удельный вес задолженности по выданным кредитам физлицам в иностранной валюте, %	0,965%	0,562%	0,371%	0,225%	0,181%	0,123%
Абсолютный прирост остатков задолженности по выданным кредитам, млн руб.	–	1866,70	2562,10	2452,40	1564,10	779,50
Темп роста остатков задолженности по выданным кредитам физлицам, %	–	126,0%	128,4%	121,1%	111,1%	105,0%

Источник: составлено авторами на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь [4; 5].

от внешнеторговой деятельности, ужесточения санкций коллективного Запада и той роли, которую играет Российская Федерация как ключевой торговый и инвестиционный партнер нашей страны.

Динамика индекса промышленного производства повторяет тенденции темпов роста валового внутреннего продукта, а индекс инвестиций в основной капитал стабильно рос в 2017–2019 гг. и падал в 2020–2022 гг. Особенно ощутимым было падение 2022 г., когда объем инвестиций в сопоставимых ценах составил 19,1%.

Рост реальных денежных доходов на душу населения сохранялся вплоть до 2021 г., при том, что темпы его прироста снижались, а в 2022 г. на фоне заметного роста потребительских цен продемонстрировал падение на 3,6%.

Важным параметром денежно-кредитной системы является задолженность по выданным кредитам (таблица 2).

Данные таблицы 2 демонстрируют, что задолженность по выданным кредитам физическим лицам возрастала ежегодно более чем на 20% в 2017–2020 гг., а в 2021–2022 гг. темпы прироста сокращались (на 10 процентных пунктов в 2021 г. и на 6,1 процентного пункта в 2022 г.). Кредитование в национальной валюте возрастало, в то время как в иностранной валюте – сокращалось. Удельный вес задолженности по кредитам в иностранной валюте, выраженной в национальной валюте по текущему курсу, сократился за 6 лет

почти в 9 раз, несмотря на неблагоприятную динамику обменного курса. Снижение темпов прироста задолженности по кредитам и сокращение кредитования в иностранной валюте является результатом рестриктивной монетарной политики государства, направленной на сдерживание роста цен, а также рычагом противостояния недружественной политике западных стран, в том числе проявляющейся в финансовой сфере.

Как отмечает Н.А. Молденхауэр, макроэкономическое равновесие на практике – крайне редкое явление вследствие комплекса внутренних и внешних факторов, многие из которых контролируемые, и к тому же нередко вообще лежат вне экономической сферы. Вместе с тем можно добиваться стабилизации «путем повышения эффективности инвестиционных процессов со стороны предприятий и государства и тем самым воздействовать на производство» [7]. Среди инструментов реализации подобной политики можно выделить снижение кредитных ставок, поскольку данная мера повышает привлекательность кредитования через снижение долговой нагрузки и перенаправляет денежный поток с рынка капитала в сектор производства [7, с. 14].

Главным инструментом денежно-кредитной политики Республики Беларусь является установление ставки рефинансирования, которая оказывает прямое влияние на уровень процентных ставок на рынке межбанковского кредитования,

Рисунок 1 – Динамика ставки рефинансирования в Республике Беларусь (%)

Источник: составлено авторами по данным Национального банка Республики Беларусь.

Рисунок 2 – Динамика процентных ставок по потребительским кредитам и кредитам, выданным предприятиям в 2017–2022 годах

Источник: составлено авторами по данным Национального банка Республики Беларусь.

а через них, косвенно, на прочие ставки: по кредитам и депозитам населения и предприятий денежного рынка [8]. Ставка рефинансирования – основная процентная ставка в Республике Беларусь. Макроэкономическая роль ставки рефинансирования заключается в управлении цикличностью экономики. Проводя политику кредитной экспансии с помощью снижения значения ставки рефинансирования, Центральный банк содействует стимулированию экономической активности стране, повышению спроса на товары и услуги, экономическому росту и увеличению денежной массы. С другой стороны, увеличение ставки рефинансирования приводит к удорожанию кредитов,

снижению покупательского спроса, сокращению скорости денежного обращения и, как следствие, денежной массы в стране [9].

На рисунке 1 представлена динамика среднегодовой ставки рефинансирования в Республике Беларусь в 2017–2022 гг.

В анализируемом периоде самый высокий показатель ставки рефинансирования (13,41%) был зафиксирован в 2017 году. Начиная с 2018 года и до 2020 года ставка рефинансирования неуклонно снижалась, очевидно, с целью стимулирования потребительского спроса и, соответственно, экономического роста. Наряду с этим в качестве ответа на неблагоприятную экономическую ситу-

Таблица 3 – Рублевая денежная масса и ВВП в Республике Беларусь за 2017–2022 гг.

Показатели	2017	2018	2019	2020	2021	2022
ВВП в текущих ценах, млн руб.	105748,2	121568,0	132000,0	147000,0	173200,0	191400,0
Рублевая денежная масса, млн руб.	10807,7	14070,2	16899,0	21523,3	20816,2	29934,1
Число оборотов денежного агрегата М2 по ВВП	9,78	8,64	7,81	6,83	8,32	6,39

Источник: составлено авторами и рассчитано по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь [4; 5].

Рисунок 3 – Взаимосвязь между рублевой денежной массой, ВВП в фактических ценах и деловой активностью в экономике Беларуси

Источник: построено авторами на основе данных таблицы 3.

ацию и в качестве меры по ограничению инфляции в 2021 и 2022 гг. Национальный банк последовательно повышал ставку рефинансирования.

Понижение ставки рефинансирования ведет к увеличению кредитования коммерческих банков, объемов денежной массы, а затем к росту инвестиций и хозяйственной активности. Повышение ставки рефинансирования имеет обратный эффект и при сдерживании инфляции одновременно приводит к сокращению инвестиционных расходов.

Процентные ставки по потребительским кредитам и кредитам для юридических лиц в 2017–2022 годах представлены на рисунке 2.

Как можно заметить, динамика процентных ставок повторяет тренд ставки рефинансирования, при этом в если в период 2017–2019 гг. потребительские кредиты были дороже инвестиционных, то в период 2020–2022 гг. стоимость

кредитования юридических лиц превышала стоимость кредитования населения.

Для исследования взаимосвязи между денежно-кредитной политикой и экономическим развитием используем показатели рублевой денежной массы и ВВП в текущих ценах за 2017–2022 гг. (таблица 3).

График, характеризующий зависимость между рублевой денежной массой, ВВП в текущих ценах и деловой активностью в экономике Республики Беларусь, показан на рисунке 3.

Как свидетельствуют данные рисунка 3, ВВП Республики Беларусь в фактических ценах за 6 лет вырос в 1,81 раза, тогда как денежный агрегат М2 – в 2,77 раза. Таким образом, деловая активность в экономике Республики Беларусь демонстрировала тенденцию к снижению. Число оборотов денежного агрегата М2 по ВВП снижалось в 2017–2020 и в 2022 гг., показав рост на 1,49 обо-

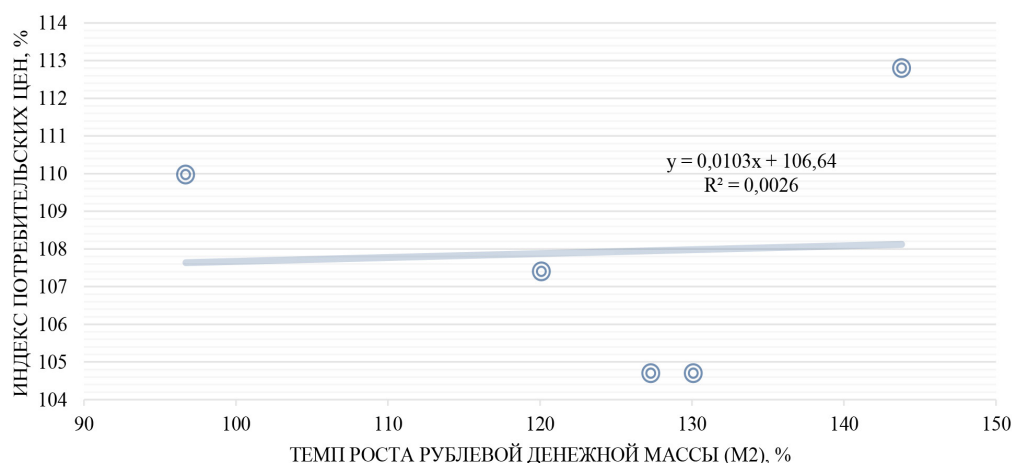

Рисунок 4 – Взаимосвязь между темпами роста рублевой денежной массы и индексом потребительских цен в 2018–2022 гг.

Источник: построено авторами по данным таблиц 1–3.

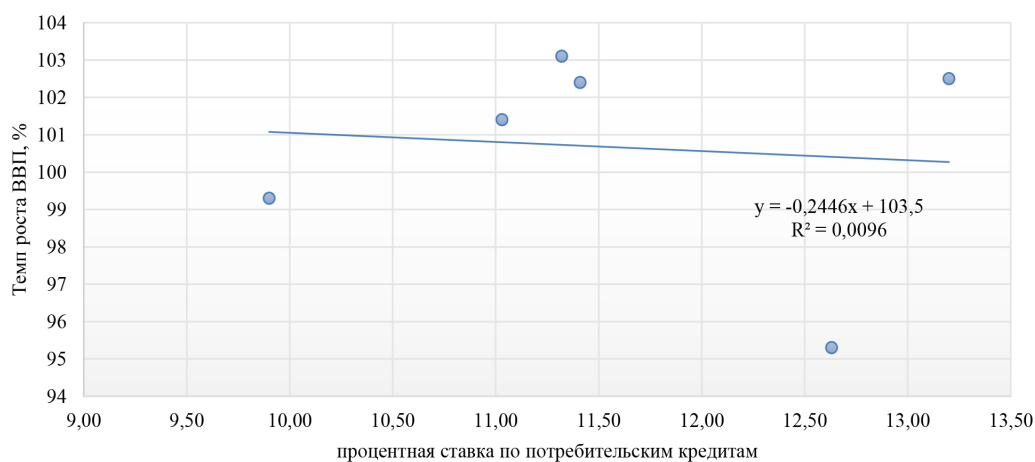

Рисунок 5 – Взаимосвязь между процентными ставками по потребительским кредитам и темпами роста ВВП в сопоставимых ценах

Источник: построено авторами по данным таблиц 1–3.

рота лишь в 2021 г., что может быть объяснено адаптацией экономики к новым условиям после первой волны пандемии коронавируса в 2020 г. В целом же оборачиваемость рублевой денежной массы за 6 лет сократилась на 35%.

На рисунке 4 представлена взаимозависимость индекса потребительских цен и темпов роста денежного агрегата M2 в период 2018–2022 гг.

Статистический анализ демонстрирует, что в период 2018–2022 гг. прямая статистическая взаимосвязь между темпами роста агрегата M2 и индексом потребительских цен не прослеживалась.

На рисунке 5 отображена зависимость между процентными ставками по потребительским кредитам и темпами роста ВВП.

Как видим, аналогично денежной массе, потребительское кредитование в период 2017–2022 гг. статистически не демонстрирует тесной связи с экономическим ростом. И данные рисунка 4, и данные рисунка 5 позволяют констатировать, что в формировании макроэкономической динамики и ценовой ситуации неэкономические факторы (пандемия, геополитические конфликты и пр.) преобладали над экономическими.

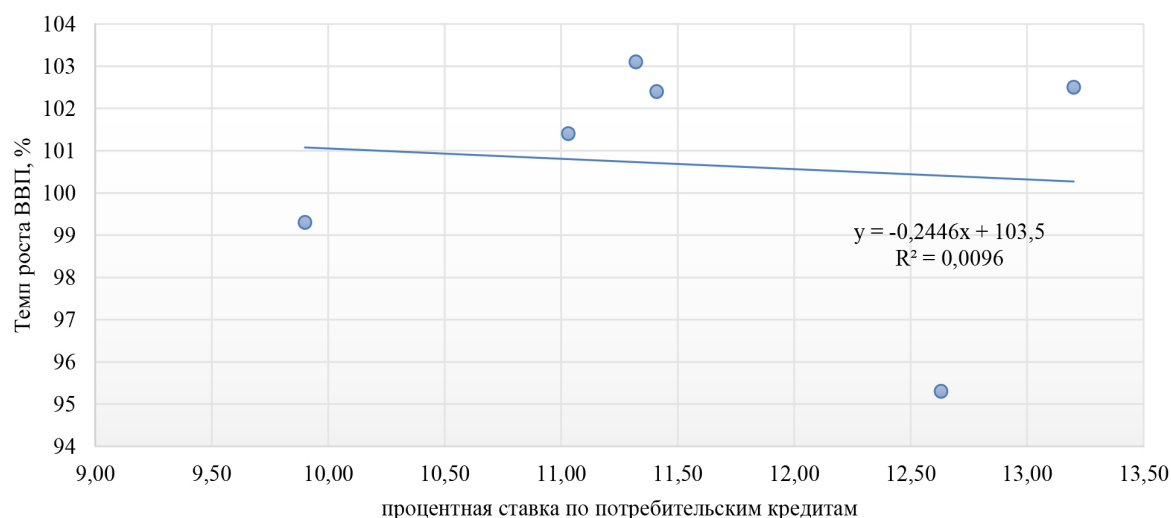

Рисунок 6 – Взаимосвязь между процентными ставками и темпами роста инвестиций в основной капитал

Источник: построено авторами по данным таблиц 1–3.

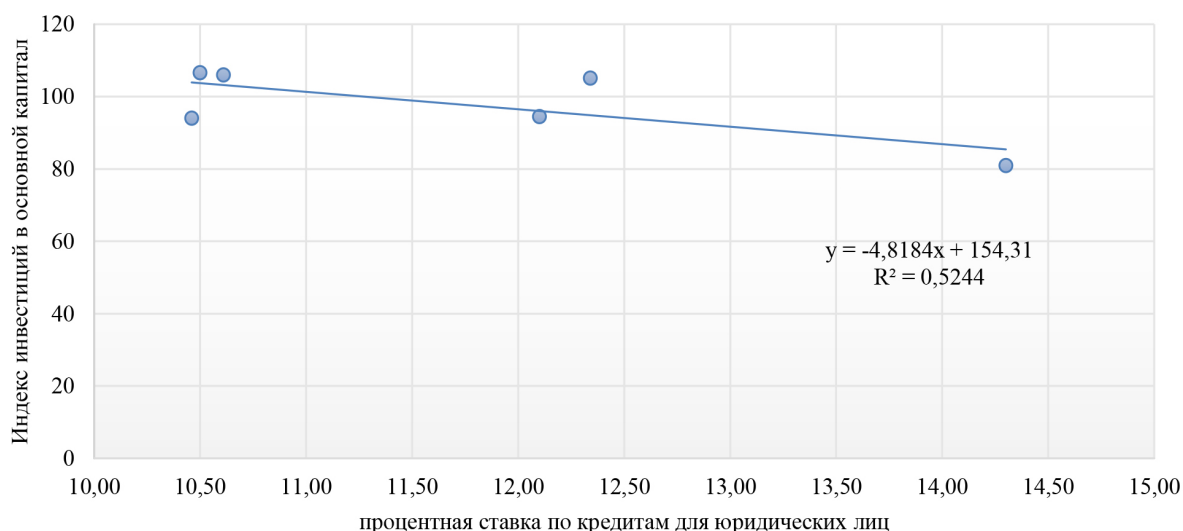

Рисунок 7 – Взаимосвязь между числом оборотов денежного агрегата М2 по ВВП и индексом промышленного производства

Источник: построено авторами по данным таблиц 1–3.

На рисунке 6 показана взаимосвязь между процентными ставками и инвестициями в основной капитал (основные средства), в том числе затратами на новое строительство, реконструкцию и техническое перевооружение действующих предприятий, приобретение машин, оборудования, инструмента, инвентаря, проектно-изыскательские работы и другие затраты.

Анализируя данный график, можно проследить обратную зависимость между процентными став-

ками по кредитам для юридических лиц и темпом роста инвестиций в основной капитал. Вместе с тем связь существенная, но недостаточно тесная (коэффициент детерминации составляет 0,5244).

Наконец, на рисунке 7 представлена зависимость между деловой активностью (числом оборотов денежного агрегата М2 по ВВП) и индексом промышленного производства. В данном случае мы наблюдаем прямую тесную взаимосвязь, коэффициент детерминации составляет порядка 0,8.

Заключение. Итак, проведенное нами исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы:

Во-первых, рублевая денежная масса (агрегат M2) возрастала в 2017–2019 и в 2022 г., а в 2021 году по сравнению с 2020 годом уменьшилась на 707,1 млн руб. или 3,3%. В течение всего исследуемого периода Национальным банком успешно реализуется задача увеличения доли безналичных оборотов, доля безналичных средств в денежной массе увеличивается. Индекс потребительских цен в 2017–2020 годах колебался незначительно, а в 2021 и 2022 гг. существенно вырос на фоне ухудшения внешнеэкономической конъюнктуры и ужесточения внешнего политического и экономического давления со стороны недружественных стран. В 2020 и 2022 гг. отмечено падение ВВП и индекса промышленного производства.

Во-вторых, в течение исследуемого периода возрастали объемы кредитования в национальной валюте и стабильно сокращались объемы задолженности по кредитам в иностранной валюте, удельный вес которых снизился в 9 раз. В 2017–2020 годах среднегодовой уровень ставки рефинансирования, а также ставок кредитования физических и юридических лиц стабильно снижался, а в 2021–2022 гг. – возрастал. При этом и ставка рефинансирования, и ставки по кредитам в 2022 г. оставались ниже уровня 2017 года.

В-третьих, деловая активность в экономике Республики Беларусь демонстрировала тенденцию к снижению. Оборачиваемость рублевой денежной массы по ВВП в текущих ценах за 6 лет сократилась на 35%. При этом статистический анализ показывает, что в период 2018–2022 гг. прямая статистическая взаимосвязь между темпами роста агрегата M2 и индексом потребительских цен не прослеживалась (коэффициент детерминации в регрессионной модели – 0,0026). Также практически не наблюдалась статистическая зависимость между процентными ставками по потребительским кредитам и темпами роста ВВП (коэффициент детерминации – 0,0096). В то же время существенной можно назвать взаимосвязь между ставками по кредитам для юридических лиц и индексом инвестиций в основной капитал (коэффициент детерминации – 0,5244). Наконец, тесная статистическая взаимосвязь прослеживается между числом оборотов агрегата M2 по ВВП в текущих ценах и индексом промышленного производства (коэффициент детерминации – 0,8001).

Таким образом, можно сделать вывод, что restriктивная монетарная политика, направленная

на сдерживание инфляции в Республике Беларусь, одновременно снижает уровень деловой активности. Следует отметить, что в мировой экономике высокая степень насыщенности экономики денежной массой необязательно несет в себе значительную инфляционную составляющую. Более того, в некоторых случаях ограничение денежной массы может само по себе приводить к обратному эффекту, то есть высокой инфляции ввиду дефицита денежных средств у предприятий и низкого спроса со стороны населения. В этих условиях важной задачей представляется поиск механизмов приведения объемов денежной массы и уровня процентных ставок к оптимальному уровню, стимулирующему производство и потребление, но не «перегревающему» экономическую систему. Решение данной задачи является перспективным направлением наших дальнейших исследований.

Научные исследования проводились при финансовой поддержке БРФФИ в рамках договора № Г23-041 от 02.05.2023 г.

Литература

1. Головин, М.Ю. Реакция денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политики России на вызовы глобализации / М.Ю. Головин, Л.Н. Лыкова, И.С. Букина // Финансы: теория и практика. – 2017. – Т. 21, № 5(101). – С. 6–21.
2. Кроливецкая, В.Э. Монетарная политика и экономический рост / В.Э. Кроливецкая // Журн. прав. и экон. исследований. – 2022. – № 2. – С. 170–178.
3. Бледных, О.И. Инструменты регулирования денежно-кредитной политики в контексте финансовой безопасности // Успехи совр. науки. – 2016. – Т. 3, № 7. – С. 36–38.
4. Статистический ежегодник Республики Беларусь 2021. Стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь; [редкол.: И.В. Медведева (пред.) [и др.]]. – Минск, 2022. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_41019/. – Дата доступа: 05.07.2024.
5. Статистический ежегодник Республики Беларусь 2022. Стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь; [редкол.: И.В. Медведева (пред.) [и др.]]. – Минск, 2023. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_57394/. – Дата доступа: 05.07.2024.
6. Степаненко, М.В. Взаимосвязь динамики денежной массы и ставки рефинансирования / М.В. Степаненко // Правоведник. – 2019. – № 3(14). – С. 88–91.
7. Молденхауэр, Н.А. Решение проблем денежно-кредитной политики на базе новой системы по управлению монетарной политикой / Н.А. Молденхауэр // Общество: политика, экономика, право. – 2015. – № 2. – С. 14–21.
8. Процентная политика Национального банка Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nbrb.by/mp/target/percent-policy>. – Дата доступа: 05.07.2024.
9. Хусяинов, И.И. Влияние ставки рефинансирования на экономику / И.И. Хусяинов, В.А. Ключко // Поиск (Волгоград). – 2023. – № 2(15). – С. 56–59.

Поступила в редакцию 23.07.2024

Профессиональная позиция личности: основные стороны проявления

Пастушеня А.Н.

Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО»»

Научная разработка проблемы личностных предпосылок добросовестной профессиональной деятельности имеет важное значение для трудового воспитания специалистов, их психологического изучения при отборе, расстановке, аттестации и для психологически правильного управления персоналом с формированием управленческими средствами его отношения к труду. Для разработки проблемы продуктивным понятием выступает «профессиональная позиция личности».

Цель статьи – определение понятия «профессиональная позиция личности» в соотношении с родственными понятиями и раскрытие основных сторон проявления данной позиции в труде.

Материал и методы. Исследование включает теоретический анализ и эмпирическое исследование на основе интервью с руководителями первичного уровня производственных и обслуживающих организаций.

Результаты и их обсуждение. Приводятся основные стороны выражения профессиональной позиции личности в виде парциальных позиций в отношении: вида осуществляемой трудовой деятельности; качественных характеристик ее осуществления; соблюдения трудовой дисциплины и нормативных требований к труду; профессионального взаимодействия с гражданами; профессионального саморазвития, а также позиция в отношении к организации с присущими ей условиями труда и его оплаты. Отмечаются варианты возможных проявлений этих парциальных позиций и такие их характеристики, как степень сформированности (ясность, конкретность, уверенность), вариативность в зависимости от условий труда, волевая настойчивость в реализации.

Заключение. Профессиональная позиция личности является рациональным понятием для конкретизированного системного раскрытия личностных предпосылок выражаемого субъектом отношения к труду в совокупности его составляющих и условий. Она имеет ряд основных сторон в виде парциальных позиций в отношении: вида профессиональной деятельности; качественных характеристик ее выполнения (качество труда, его интенсивность, проявление инициативы для решения проблемных вопросов и совершенствования процесса и результатов труда, обращение с обслуживаемыми людьми); соблюдения трудовой дисциплины и требований законности; профессионального саморазвития.

Ключевые слова: субъект профессиональной деятельности, личность трудящегося, профессионально важные свойства личности, профессиональная позиция личности, отношение к профессиональной деятельности, отношение к условиям труда.

Professional Position of the Individual: Main Sides of Manifestation

Pastushenia A.N.

Educational institution of the Federation of Trade Unions of Belarus "International University «MITSO»"

The scientific development of the problem of personal prerequisites for conscientious professional activity is important for the labor education of specialists, their psychological study during selection, placement, certification, for psychologically correct personnel management with the formation by management means of their attitude to work. To develop the problem, a productive concept is the "professional position of the individual".

The purpose of the article is to define the concept of "professional position of an individual" in correlation to related concepts and to reveal the main aspects of the manifestation of this position in work.

Material and methods. The study involves theoretical analysis and empirical research based on interviews with primary-level managers of manufacturing and service organizations.

Findings and their discussion. The main aspects of the manifestation of a person's professional position are given in the form of partial positions in relation to: the type of work activity performed; qualitative characteristics of its implementation; compliance with labor discipline and regulatory labor requirements; professional interaction with citizens; professional self-development, as well as position in relation to the organization with its inherent working conditions and remuneration. Variants of possible manifestations of these partial positions and their characteristics such as the degree of formation (clarity, specificity, confidence), variability depending on working conditions, and strong-willed persistence in implementation are identified.

Conclusion. The professional position of an individual is a rational concept for a specific systemic disclosure of the personal prerequisites of the subject's attitude towards work in the totality of its components and conditions. It has a number of main aspects in the form of partial positions in relation to: type of professional activity; qualitative characteristics of its implementation (quality of work, its intensity, taking initiative to solve problematic issues and improve the process and results of work, treatment of the people served); compliance with labor discipline and legal requirements; professional self-development.

Key words: subject of professional activity, personality of the worker, professionally important personality traits, professional position of the individual, attitude to professional activity, attitude to working conditions.

Одной из важных задач психологии является обогащение знаний, полезных для обеспечения эффективной трудовой деятельности человека, его профессионального роста, включая повышение компетентности и развитие профессионально важных качеств личности, которые выступают основой добросовестности в труде с ее разносторонним проявлением. Решение этой задачи требует глубокого и комплексного понимания субъекта труда, его личности и факторов, влияющих на его деятельность. Оно основывается на использовании ряда понятий, исходными из которых выступают «субъект труда» и «личность трудящегося».

Высказываясь лаконично, отметим, что понятие «субъект труда» (профессиональной деятельности) обозначает человека, осуществляющего трудовую деятельность в конкретных условиях с присущим ему правовым, социальным, профессиональным положением. В юридическом значении это понятие используется для обозначения правового статуса трудящегося в различных формах занятости и с различным должностным положением: работника, нанимателя, специалиста, руководителя, служащего, предпринимателя и др. В психологии, когда речь идет о субъекте деятельности (поведения или иной социальной активности), внимание акцентируется на его психическом состоянии и отражательно-регулятивной психической деятельности, детерминирующей внешне проявляемую деятельность (поведение или иную активность). Эта психическая деятельность человека (субъекта), в свою очередь, порождается тремя основными видами детерминантов: психическими свойствами его личности; внешними условиями и влияниями; спецификой осуществляемой деятельности и ее результатами с их субъективным значением.

Используемая в социально-гуманитарных науках категория личности понимается как системное социальное качество человека. Сущность личности представляет собой систему психических свойств, которые являются внутренними детерминантами-предпосылками осуществления человеком (ее обладателем) различных видов социально значимой активности (деятельности, поведения, образа жизни и др.) с индивидуально своеобразными характеристиками. В этом множестве свойств существует определенная их совокупность, выражающая личностные предпосылки качественных особенностей профессиональной деятельности – профессионально значимые свойства. Они образуют профессиональный потенциал личности, который актуализируется

в психической деятельности человека (субъекта труда), порождающей его внешне проявляемую трудовую деятельность.

Особое значение для социальной практики в сфере труда имеет научное раскрытие личностного потенциала эффективной профессиональной деятельности, осуществление которой возможно не только благодаря высокой компетентности трудящегося, но и его предрасположенности добросовестно трудиться. Эта добросовестность проявляется в старании работать качественно, интенсивно, во благо интересов организации и общества, соблюдая трудовую дисциплину, выражая полезную инициативу и т.д. Понимание личностных предпосылок профессиональной добросовестности необходимо для определения психолого-педагогических задач ее формирования в образовательном процессе и последующем профессиональном развитии трудящегося, создания методики ее практического изучения и оценки для отбора и карьерного продвижения работников и руководителей. В этой связи актуальной задачей является обоснование системы профессионально важных свойств (качеств) личности, выступающих внутренней причинной основой добросовестной профессиональной деятельности.

Для определения такой системы свойств личности необходимо обратиться к анализу профессиональной деятельности в соотношении с условиями ее осуществления, что отвечает деятельностному подходу в психологии. Отметим, что профессиональная деятельность не является исключительно процессом выполнения определенных видов работ для создания материального или интеллектуального продукта, или для социального обслуживания людей. При ее осуществлении выполняется комплекс сопутствующих функций, включая трудовое взаимодействие, коммуникации, взаимовлияния, преодоление возникающих проблем, отлаживание процесса деятельности, профессиональное саморазвитие и др. Осуществление этого многогранного процесса может быть в различной мере правильным, результативным, эффективным, что зависит от личностных качеств субъекта труда, его целостного профессионального потенциала.

Говоря о профессиональном потенциале личности, можно сделать вывод, что он имеет две стороны. Одна – это профессиональная компетентность, включающая знания, умения, навыки, способности, опыт, талант. Вторая выражает предрасположенность проявлять определенные стремления

в деятельности, придерживаться определенных правил, реализовывать определенное отношение к сопутствующим трудовым функциям, задачам, людям в профессиональном взаимодействии и т.д. Эту вторую сторону профессионального потенциала личности, на наш взгляд, можно назвать целенормативной, выражающей к чему стремится трудящийся в трудовой деятельности и каких личных правил в ней придерживается. Положительное ее проявление раскрывается в старательности, исполнительности, дисциплинированности, помощи коллегам, инициативе для достижения наилучшего результата, настойчивости в преодолении трудностей.

В научном тезаурусе и социальной практике используется ряд понятий, имеющих отношение к обозначению указанной составляющей профессионального потенциала, а именно: «отношение к деятельности» (к ее отдельным составляющим); «профессиональная концепция личности», «готовность личности к профессиональной деятельности», «профессиональная позиция». Для практически полезной научной разработки отмеченной проблемы необходимо создание тех понятий, которые выражают наиболее важный аспект ее изучения, а также полезны для разработки практических рекомендаций. В этой связи отметим основные особенности перечисленных понятий и выделим наиболее продуктивное для разработки отмеченной проблемы.

Так, понятие «отношение», являясь междисциплинарной категорией, имеет разностороннее значение. Как философская категория оно обозначает взаимозависимость явлений; связь между некой сущностью и тем, что с ней соотносено [1, с. 454]. В психологии отношение определяют в словарях как «сторону субъективного отражения действительности», являющуюся результатом прошлого опыта [2, с. 325]. В социальной психологии отношение выступает синонимом установки, проявляемой в виде «оценочной реакции на что-либо или кого-либо» [3, с. 154]. В.Н. Мясищев, внесший значительный вклад в создание психологической концепции отношений личности, пишет: «Отношения человека в специальном психологическом смысле представляют собой сознательную, активную, избирательную, целостную, основанную на индивидуальном общественно-обусловленном опыте систему временных связей человека как личности-субъекта со всей действительностью или с ее отдельными сторонами, выражающихся в его действиях, реакциях, переживаниях» [4, с. 150].

Он также отмечал, что отношение имеет когнитивный, эмоциональный и мотивационно-поведенческий (волевой) компоненты. С нашей точки зрения, использование В.Н. Мясищевым в качестве определяющей категории «система временных связей человека» не дает конкретного понимания того психического явления, которое обозначается понятием отношения, его отличительной специфики. Опираясь на современный научный анализ авторитетными российскими учеными концепции отношений В.Н. Мясищева, необходимо отметить их вывод о том, что она, имея положительное значение для понимания данного явления, представляет собой «скорее побуждение к творческому осмыслению наследия В.Н. Мясищева и внимательному отношению к содержанию понятия “отношение” [5, с. 13]. Такой вывод говорит о том, что для использования данной категории в объяснении психологии субъекта профессиональной деятельности необходимо создание теоретических основ достаточно определенного представления «отношения» как психического явления с его отличительными особенностями. На наш взгляд, научная полезность данной категории заключается в том, что именно она призвана обозначить ценностно-смысловое значение и эмоционально-оценочную сторону того явления (в частности, явления, присущего трудовой деятельности), к которому у личности сложилось определенное отношение.

Понятие «индивидуальная профессиональная концепция», представляющее как личностное образование, выражающее систему убеждений (представлений), выражающих руководящие идеи, оценочные подходы и критерии субъекта, которыми он руководствуется в деятельности при определении ее целей и задач, способов и правил осуществления, связанного с ней профессионального взаимодействия, а также при оценке ее условий и результатов [6]. Профессиональная концепция личности по своей сущности относится к когнитивной сфере психического мира личности и реализуется в детерминации профессиональной деятельности на интеллектуальном уровне. В этом заключается ограниченность данного понятия в объяснении целостной ее детерминации, поскольку в ней участвуют и явления, относящиеся и к сферам подсознания, и эмоции, которые представляют собой перцептивные, эмоционально-оценочные, деятельностные, коммуникативные, поведенческие установки в виде навыков, привычек, стереотипов.

Если обратиться к понятию «готовность личности к профессиональной деятельности», то оно выражает системное явление, охватывающее как целенормативную предрасположенность к ней, так и «исполнительную» в виде профессиональной подготовленности и адаптированности к ней в конкретных условиях [7; 8]. Данное понятие по своей семантике может обозначать некоторую степень готовности к надлежащему осуществлению профессиональной деятельности или к ее осуществлению в специфических условиях (например, в экстремальных). Однако его использование не логично для обозначения отрицательных предрасположенностей субъекта, когда он намерен изменить вид профессиональной деятельности или осуществлять ее ненадлежащим образом или преследует в ней противоправные цели.

Понятие «профессиональная позиция личности», на наш взгляд, представляется удобным для обозначения предрасположенности индивида в силу выражаемых им стремлений и волевых усилий осуществлять профессиональную деятельность определенным образом (с определенными качественными характеристиками) и с достижением определенных результатов. В этом заключается ее деятельностное проявление. Также профессиональная позиция может иметь оценочное проявление, которое выражается в предрасположенности определенным образом анализировать и интерпритировать различные составляющие деятельности и ее условия и испытывать соответствующее оценочное отношение к ним. Понятие «профессиональная позиция» может обозначать как стремления осуществлять деятельность наилучшим образом, так и уклоняться от нее, исполнять ее ненадлежаще, формально, с минимальными качественными и количественными результатами или выражать социально вредные, противоправные стремления. Конкретизированное употребление данного понятия требует указания в отношении какой составляющей трудовой деятельности позиция рассматривается. Так, наличие определенной позиции возможно в отношении вида трудовой деятельности (профессии), ее задач и требований к результатам, путей и способов их решения, присущих ей функций, условий осуществления, оплаты труда, принадлежности к трудовой организации, взаимодействия с коллегами, обслуживаемыми лицами. Все это обозначает парциальные позиции личности. Можно также вести речь о профессиональной позиции как о целостном явлении (интегративном образовании), определив базовый

параметр ее характеристики; позиции добросовестного отношения к труду в совокупности ее составляющих. Определяя понятие «профессиональная позиция личности», отметим, что оно обозначает совокупность устойчивых волевых стремлений выполнять профессиональную деятельность с определенными социально значимыми качественными характеристиками и результатами, а также предрасположенность проявлять определенное оценочное отношение к составляющим и условиям этой деятельности. Можно вести речь и о профессиональной позиции субъекта труда, имея в виду, что она выражает отмеченные стремления и оценочные отношения трудящегося в текущий период его трудового пути в связи с конкретным местом работы, ее видом и условиями.

Обобщая краткий анализ приведенных понятий, можно отметить, что понятие «профессиональная позиция» обладает возможностями получения практически полезного знания о субъекте труда, акцентируя внимание на качественных характеристиках осуществляемой им деятельности. Это имеет важное значение для понимания профессиональной добросовестности, как и ее противоположности.

Научное раскрытие профессиональной позиции личности, как и иных личностно-психологических категорий, предусматривает ее описание и объяснение в различных аспектах, исходными среди которых являются описания с точки зрения категориальной пары «явление и сущность». Это означает, что профессиональная позиция личности должна характеризоваться, с одной стороны, своим «внешним» проявлением в виде характерных (устойчивых) стремлений ее обладателя определенным образом трудиться и достигать определенные результаты. С другой – профессиональная позиция должна раскрываться с точки зрения своей «внутренней» психологической сущности, представляющей системную совокупность психических свойств, имеющих функциональную связь и обусловленность, в силу которых субъект проявляет стремления трудиться характерным для него образом.

В таком подходе к раскрытию профессиональной позиции мы учитывали идею академика А.В. Петровского: использовать для описания личности три ее возможных репрезентации: индивидную (внешнее проявление личности в социально значимой активности), интраиндивидную (как систему психических свойств, выступающих детерминантами такой активности) и метаиндивидную (выражающую представленность личности в сознании социума) [9].

Материал и методы. В представленной статье мы сосредоточимся на описании внешнего проявления профессиональной позиции личности в трудовой деятельности. Для этого ее необходимо характеризовать в соотношении с разными сторонами и составляющими этой деятельности, используя словосочетание «позиция в отношении», что представляет обозначение частной (парциальной) позиции в целостной структуре. Данная позиция выражается в осуществляемых стремлениях субъекта определенным образом выполнять трудовую деятельность, присущие ей функции, виды работ, соблюдая организационные, нормативные и технологические (методические) требования к ней, достигая определенных результатов.

Для достижения этого, наряду с теоретическим анализом составляющих профессиональной позиции с целью их эмпирического изучения, было проведено интервью с руководителями первичного уровня (43 человека), работающими в производственных и обслуживающих организациях. Использовались два вопроса о противоположных сторонах трудовой активности работников, выражающих проявления их позиций: 1. Что должен выражать работник в труде, чтобы его можно было считать добросовестно работающим? 2. Какие проявления работника в труде будут отрицательными? Ответы уточнялись для достижения конкретности характеристик и группировались по принадлежности к различным сторонам профессиональной позиции, образуя перечень парциальных позиций, в котором респондентами были выделены наиболее важные с точки зрения трудовой практики.

Результаты и их обсуждение. Результаты интервью в соотношении с теоретическими посылами позволили отметить следующие основные стороны профессиональной позиции личности (парциальные позиции) и их возможные содержательные различия.

1. Позиция в отношении вида профессиональной деятельности (включая занимаемую должность), которая может проявляться в диапазоне от полной ее приемлемости и желания осуществлять до ее неприятия и желания изменить. Промежуточные типы позиции выражают противоречивое отношение к виду профессиональной деятельности, которой занимается лицо, а также позицию вынужденного ее выполнения в связи с отсутствием возможности изменить или из-за непереносимых последствий такого изменения.

2. Позиция в отношении качественных характеристик деятельности, выражающаяся как субъект стремится трудиться и какие результаты достигать. Эта сторона профессиональной позиции в наибольшей мере отражает степень трудовой добросовестности личности. Наиболее значимыми для этой составляющей выступают парциальные позиции:

по качеству труда – от стремления к наилучшему качеству до ориентированности на минимально допустимое качество;

по интенсивности труда – от стремления активно работать для достижения наибольших количественных результатов, выполнения в срок напряженных заданий, объемов работ до стремления к минимальной активности с приемлемостью низких количественных результатов, невыполнения заданий;

по проявлению трудовой инициативы для решения проблемных вопросов или совершенствования процесса и продукта деятельности – от стремления ее проявлять до уклонения от ее проявления;

по обращению с обслуживаемыми людьми – от уважительного с желанием наилучшим образом осуществить обслуживание до формального, минимально допустимого.

3. Позиция в отношении соблюдения трудовой дисциплины, требований законности и иных нормативных предписаний в деятельности, которая может выражаться в континууме от высокой дисциплинированности и приверженности к соблюдению указанных требований – до приемлемости их несоблюдения, вплоть до совершения противоправных деяний.

4. Позиция в отношении профессионального саморазвития и карьерного роста, которая представляет степень выраженности стремлений к указанным достижениям от явного их проявления до отсутствия.

5. Позиция в отношении организации как места работы, которая зависит от удовлетворенности уровнем оплаты труда, его напряженностью, условиями и организацией, обращением руководства, психологическим климатом в коллективе, нахождением места работы в соотношении с местом жительства и другими условиями.

Такая позиция проявляется от удовлетворенности работой в организации и намерении продолжать трудиться в ней до преобладающей неудовлетворенности с желанием сменить место работы при наличии подходящей возможности. При этом возможна неудовлетворенность отдельными условиями труда с на-

мерением продолжать работу в организации и проявлять активность по их улучшению. Данная составляющая трудовой позиции рассматривается в научной литературе как «приверженность организации» и по ней проведены исследования [10–12].

Приведенные составляющие профессиональной позиции личности (парциальные позиции) можно считать основными, но не исчерпывающими их возможные виды, касающиеся иных сторон и условий труда.

Наряду с их выделением важную теоретико-прикладную проблему представляет их интегративная оценка как целостной системы. На наш взгляд, ее решение возможно на основе выделения базового критерия оценки целостной позиции личности, который определяется запросами социально-трудовой практики, а также посредством выделения типов целостных позиций, в которых сочетаются разные по своему содержанию парциальные.

Вместе с отмеченной содержательной характеристикой приведенных составляющих профессиональной позиции личности (парциальных позиций) необходимо учитывать и другие их особенности. Так, парциальные позиции могут иметь разную степень сформированности, которая выражается в субъективной определенности (осознаваемой ясности и непротиворечивости) намерений и оценочных отношений, в уверенности в их правильности и осуществимости, их освоенности в собственном опыте. Также для позиции, выражающей стремления обеспечивать высокий уровень качества работы и количественных результатов, преодолевать трудности и совершенствовать деятельность, присуща определенная степень волевой решимости, настойчивости добиваться реализации этих целей. Еще один параметр характеристики позиции выражается в степени ее вариативности-устойчивости в зависимости от условий труда, касающихся возможностей достижения требуемых результатов, объективности и справедливости управленческой оценки труда, его стимулирования, а также в зависимости от объективных возможностей изменения трудовой занятости и/или условий труда на более благоприятные.

Заключение. Подводя итог изложенному, отметим:

1. Для научного раскрытия личностных предпосылок успешной профессиональной деятельности и возможностей их формирования целесообразно использовать понятие «профес-

сиональная позиция личности», которое обозначает ее предрасположенность, проявляемую в виде волевых стремлений осуществлять профессиональную деятельность в совокупности ее составляющих с определенными качественными характеристиками, а также выражает оценочное отношение к этим составляющим деятельности и условиям труда.

Использование данного понятия нуждается в конкретизации с указанием в отношении какой составляющей деятельности и ее условий позиция рассматривается. Данное понятие является рациональным для научной разработки проблемы формирования профессиональной добросовестности личности.

2. Системное описание профессиональной позиции с точки зрения «явления и сущности» предполагает, с одной стороны, характеристику ее «внешнего» проявления в труде, с другой – обоснование системы психических свойств, выполняющих необходимые функции в детерминации деятельности с ее индивидуальными качественными особенностями.

3. Теоретический анализ, а также интервью с экспертами (руководителями первичного уровня) позволил выделить наиболее значимые стороны профессиональной позиции, которые можно считать парциальными позициями (вид профессиональной деятельности; качественные характеристики ее выполнения, а именно, позиции по: качеству ее выполнения; интенсивности труда; проявлению инициативы для решения проблемных вопросов и совершенствования деятельности; обращению с людьми, являющимися объектом обслуживающего труда; соблюдению трудовой дисциплины и требований законности; профессиональному саморазвитию).

4. Наряду с содержательной характеристикой составляющих профессиональной позиции личности (направленностью стремлений), они характеризуются: степенью сформированности, выражающей определенность (ясность и непротиворечивость) намерений, уверенностью в них и их освоенностью в своем опыте; степенью волевой решимости их осуществлять; степенью вариативности-устойчивости в зависимости от условий трудовой деятельности.

Литература

1. Философский энциклопедический словарь / редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичёв [и др.] – 2-е изд. – М.: Совет. Энцикл., 1989. – 815 с.

-
2. Психологический словарь / под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1990. – 494 с.
 3. Майерс. Д. Социальная психология / Д. Майера // СПб.: Питер, 1999. – 688 с.
 4. Мясичев, В.Н. Личность и неврозы / В.Н. Мясичев. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1960. – 426 с.
 5. Карпова, Э.Б. Психологическая концепция отношений В.Н. Мясичева: основы и содержание / Э.Б. Карпова, Г.Л. Исурина, А.Л. Журавлев // Психол. журн. – 2020. – Т. 41, № 2. – С. 5–14.
 6. Пастушеня, А.Н. Индивидуальная профессиональная концепция специалиста: структурно-функциональная и содержательная характеристика / А.Н. Пастушеня // Психол. журн. – 2007. – № 3(15). – С. 38–48.
 7. Попов, Л.М. Психологическая готовность к профессиональной деятельности и методы ее формирования / Л.М. Попов, И.М. Пучкова, П.Н. Устин // Учен. записки Казан. ун-та. – 2015. – Т. 157. кн. 4. – С. 215–224.
 8. Дьяченко, М.И. Психологические проблемы готовности к деятельности / М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович. – Минск: Изд-во БГУ, 1976. – 176 с.
 9. Петровский, А.В. Категория личности (к построению онтологической модели личности) / А.В. Петровский, В.А. Петровский. – Развитие личности. – 2014. – № 2. – С. 58–91.
 10. Магура, М.И. Приверженность работников своей организации: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.03 / М.И. Магура. – Москва: МГУ, 1999. – 150 л.
 11. Доминьяк, В.И. Организационная лояльность: модель реализации ожиданий работника от своей организации: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / В.И. Доминьяк. – СПб.: СПбГУ, 2006. – 222 л.
 12. Meyer, J.P. A three-component conceptualization of organizational commitment / J.P. Meyer, N.J. Allen // Human Resource Management Review. – 1991. – № 1. – P. 61–89.

Поступила в редакцию 02.04.2024

Индекс дифференцированности доверия к информации как индикатор когнитивной сложности

Фабрикант М.С.

Белорусский государственный университет

В статье представлены результаты эмпирического исследования уровня дифференцированности доверия к информации у белорусских студентов.

Цель публикации – провести апробацию разработанного нами индекса дифференцированности доверия к информации как нового индикатора когнитивной сложности.

Материал и методы. В исследовании были использованы данные опроса на выборке из 406 студентов белорусских УВО. Для обработки данных применялся метод мультиномиального логистического регрессионного анализа.

Результаты и их обсуждение. Было выявлено, что индекс дифференцированности доверия к информации статистически значимо связан с категоризацией каждого из представленных в исследовании объектов оценивания и обладает большей предсказательной силой, чем специальность, возраст и пол студента и даже уровень генерализованного доверия.

Заключение. Полученные результаты указывают на то, что индекс дифференцированности доверия к информации представляет собой адекватную количественную оценку уровня когнитивной сложности, задействованного в принятии решений о достоверности и надежности информации. Для стимулирования более критического отношения к информации в Интернете целесообразно не только сообщать о том, что значительная часть информации не является надежной и достоверной, обучать использованию более разнообразных категорий для оценки характера информационных сообщений.

Ключевые слова: доверие, доверие к информации, дифференцированность доверия, когнитивная сложность.

Trust in Information Differentiation Index as a Cognitive Complexity Indicator

Fabrykant M.S.

Belarusian State University

The article presents the findings of an empirical study of the level of differentiation of trust in information among Belarusian students.

The purpose of the work is to test the trust in information differentiation index that we developed as a new indicator of cognitive complexity.

Material and methods. The study was conducted on survey data from a sample of 406 students at Belarusian higher education establishments. To process the data, we used the method of multinomial logistic regression.

Findings and their discussion. It was found out that the trust in information differentiation index was statistically significantly related to the categorization of each of the assessment objects presented in the study and has greater predictive power than the students' major, age and gender, and even the level of generalized trust.

Conclusion. The results obtained indicate that the trust in information differentiation index represents an adequate quantitative measure of the level of cognitive complexity involved in making decisions about the validity and reliability of information. To encourage a more critical attitude towards information on the Internet, it is advisable not only to inform that much of the information is not valid and reliable, but also to teach to use more diverse categories to assess the nature of information messages.

Key words: trust, trust in information, differentiation of trust, cognitive complexity.

Доверие в различных его формах и проявлениях на протяжении последних десятилетий вызывает в психологии и смежных социальных науках устойчивый интерес и наделяется преимущественно положительной оценкой. Межличностное доверие по отношению к отдельным людям способствует развитию глубоких осмысленных отношений; интрагрупповое доверие способствует групповой сплоченности, а аутигрупповое – преодолению внутригруппового фаворитизма, предотвращению межгрупповых конфлик-

тов и сотрудничеству с представителями других групп; институциональное доверие способствует поддержанию социального порядка и поступательному общественному развитию; наконец, генерализованное доверие (доверие к людям в целом) демонстрирует устойчивую положительную связь с уровнем экономического благополучия на индивидуальном и страновом уровнях и, возможно, ему способствует [1]. Но в последние годы положительная оценка доверия начала пересматриваться. Причиной тому стало растущее

осознание негативных последствий необоснованного доверия к информации, прежде всего к так называемым «ложным новостям» (fake news) по социально значимым вопросам, массово распространяемым посредством Интернета, а также кибермошенничеству как новой угрозе кибербезопасности [2]. В связи с этим встал вопрос о развитии критического отношения к информации в Интернете, что часто понимается как стимулирование недоверия либо проверки информации (фактчекинга). Однако базовое недоверие может оказаться столь же пагубным, сколь и некритическое доверие, если речь идет о верной и при этом важной информации. Что же касается фактчекинга, проверка достоверности и надежности информации в условиях интернет-коммуникации оказывается нереалистичной задачей в силу, во-первых, ее большого объема, во-вторых, зависимости результатов этой проверки от привлекаемой дополнительной информации, которая также может оказаться недостоверной [3].

В своей переоценке доверия как такового П. Норрис выдвигает тезис, что оптимальным вариантом следует считать не более высокое, как это полагалось до недавнего времени, но и не более низкое, а более дифференцированное доверие. При этом в труде П. Норрис речь идет преимущественно об институциональном доверии, а трактовка дифференцированности доверия сводится к степени его обоснованности [4]. Такая ограниченная трактовка представляется нам недостаточной по меньшей мере по двум причинам. Во-первых, оценка обоснованности доверия предполагает априорное знание не только объективной истины в каждом конкретном случае, но и контекста распространения каждого информационного сообщения, поскольку истинная информация может быть фреймирована таким образом, чтобы вызвать ее искаженное восприятие и тем самым стать средством манипулятивного воздействия [5]. Во-вторых, сама по себе готовность принимать во внимание возможность того, что обрабатываемое сообщение может относиться к множеству различных категорий, и активное использование этих категорий (а не просто пассивное знание об их существовании) для обработки информации само по себе составляет необходимое предварительное условие для постановки вопроса о том, насколько сообщение заслуживает доверия и почему. Поэтому когнитивная сложность при обработке информации сама по себе предшествует не только процессу фактчекинга, но и самой постановке вопроса. В отличие

от качества доступных информационных ресурсов и времени для их обработки, когнитивная сложность является не экзогенным фактором, а собственным психологическим феноменом.

В связи с этим возникает вопрос: как можно измерить степень когнитивной сложности в обработке информации для решения вопроса о ее достоверности и надежности? Для этого нами был разработан новый инструмент – индекс дифференцированности доверия к информации. Цель данного исследования – провести апробацию разработанного нами индекса дифференцированности доверия к информации как нового индикатора когнитивной сложности.

Материал и методы. Индекс дифференцированности доверия информации предназначен для количественной оценки того, насколько разнообразны категории, используемые субъектом для категоризации информационных сообщений. Алгоритм вычисления индекса дифференцированности доверия был разработан на основании индекса фракционализации А. Алесины [6]. Основное различие заключается в том, что индекс этнолингвистической фракционализации А. Алесины, предназначенный для оценки этнической гетерогенности населения, представляет собой характеристику группы и рассчитывается для одной переменной, а индекс дифференцированности доверия представляет собой характеристику индивидуального уровня и рассчитывается для двух и более переменных.

Для вычисления индекса дифференцированности доверия необходим набор объектов категоризации – информационных сообщений и ресурсов для категоризации – набора дискретных категорий, к одной и только одной из которых предлагается отнести каждый из объектов оценивания. Для каждого из участников исследования по каждой из категорий рассчитывается доля ее использования (как отношение количества объектов, принадлежащих этой категории, к общему количеству оцениваемых объектов). Затем каждая доля возводится в квадрат, после чего доли суммируются, а далее эта сумма вычитается из 1. Таким образом, минимальное значение индекса равно 0 – когда все объекты относятся к одной и той же категории, так что доля ее использования составляет 1, остальных категорий – 0, сумма квадратов долей равна 1, и разность 1 и суммы квадратов долей, – соответственно, 0. Максимальное значение индекса стремится к 1, когда количество категорий – к бесконечности при их равномерном распределении, поскольку в этом случае доля для

каждой категории и, соответственно, сумма квадратов долей, будут стремиться к 0. Максимальное же значение индекса в каждом конкретном случае зависит от количества объектов категоризации и категорий для оценивания.

Для апробации индекса дифференциации доверия нами были использованы данные выполненного нами в 2023 г. исследования доверия к информации в Интернете у белорусских студентов. В исследовании, проведенном в форме онлайн-опроса, приняли участие 406 студентов различных белорусских УВО. Помимо прочего, студентам предлагалось оценить достоверность каждого из следующих информационных сообщений.

1. «Согласно результатам исследований, современные студенты демонстрируют более высокую мотивацию творческой деятельности, чем студенты какого-либо из прошлых поколений».

2. «Ученые обнаружили прямую связь между музыкальными и математическими способностями».

3. «Ученые рекомендуют: чтобы сохранить здоровье до старости, заведите себе какое-нибудь творческое хобби!».

4. «Согласно результатам недавно проведенного исследования, открытая информация о профиле студента в социальных сетях позволяет предсказать его успеваемость с надежностью свыше 95%».

5. «На основании недавно опубликованного исследования можно сделать вывод, что любая, даже самая безобидная информация, размещенная в Интернете, может быть использована в непредсказуемых целях».

6. «Проведенные исследования показывают, что более вероятно найти работу благодаря случайным знакомым, чем близким друзьям».

Участникам исследования была дана следующая инструкция: «Пожалуйста, оцените, что, на Ваш взгляд, с наибольшей вероятностью представляет собой каждый из следующих найденных в Интернете материалов». Для категоризации каждого сообщения предлагался выбор из четырех вариантов ответа: «достоверная информация», «ошибочная информация, размещенная без какого-либо злого умысла», «замаскированная реклама какого-либо продукта», «скрытая манипуляция с деструктивными намерениями». Чтобы предотвратить влияние порядка вариантов ответа (варианты, представляемые первыми, обычно выбираются чаще), порядок варьировался случайным образом.

На этих данных для каждого из участников исследования было рассчитано значения

индекса дифференцированности доверия, после чего было изучено распределение значений в выборке. Затем для категоризации каждого из 6 объектов оценивания была рассчитана мультиномиальная логистическая регрессионная модель с индексом дифференцированности доверия в качестве независимой переменной и генерализованным доверием (выбор из двух вариантов – «большинству людей можно доверять» и «нужно быть очень осторожными в отношениях с людьми»), специальностью, возрастом и полом в качестве контрольных переменных.

Результаты и их обсуждение. Значения индекса дифференцированности доверия в выборке расположились на всем диапазоне значений – от минимального, 0, до максимального, 0,7(2) (поскольку наибольшее разнообразие из возможных при 6 объектах категоризации и 4 категориях соответствует ситуации, когда две категории используются 2 раза, а две другие – по 1 разу: тогда индекс категоризации принимает значение, равное $1 - (1/3)^2 + (1/3)^2 + (1/6)^2 + (1/6)^2$). Распределение смещено влево: минимальное значение индекса дифференцированности доверия принимает только для 2,2% выборки, в то время как значения в диапазоне от 0,6 до 0,7(2) – для 68,5% выборки.

В таблицах 1 и 2 представлены результаты регрессионного анализа. Индекс дает статистически значимые эффекты в каждой из моделей, в отличие от контрольных переменных, в том числе генерализованного доверия. Хотя в различных моделях статистически значимыми оказываются коэффициенты для разных категорий, направление эффекта во всех моделях одинаковое: чем выше значение индекса, тем больше предпочтение смещается от категорий, выражающих большую степень доверия, в сторону категорий, отражающих большее недоверие.

Заключение. Проведенное исследование показало, что разработанный нами индекс дифференцированности доверия не только позволяет дать общую количественную оценку когнитивной сложности в оценке достоверности и надежности информации посредством единого, относительно простого в вычислении показателя, но и обладает существенной объяснительной и предсказательной силой. Значения индекса дифференцированности доверия – синтетического показателя по всем оценкам – позволяют предсказывать категоризацию каждого из отдельных объектов с высокой надежностью (как следует из уровней значимости для относительно небольшого, по крайней мере, по сравнению с репрезентативными

Таблица 1 – Мультиномиальные логистические регрессионные модели эффекта индекса дифференцированности доверия на доверие к различным утверждениям (1)

	Согласно результатам исследований современные студенты демонстрируют более высокую мотивацию творческой деятельности, чем студенты какого-либо из прошлых поколений			Ученые обнаружили прямую связь между музыкальными и математическими способностями			Ученые рекомендуют: чтобы сохранить здоровье до старости, заведите себе какое-нибудь творческое хобби!		
	Достоверная информация	Ошибочная информация, размещенная без какого-либо злого умысла	Замаскированная реклама какого-либо продукта	Достоверная информация	Ошибочная информация, размещенная без какого-либо злого умысла	Замаскированная реклама какого-либо продукта	Достоверная информация	Ошибочная информация, размещенная без какого-либо злого умысла	Замаскированная реклама какого-либо продукта
Константа	6,673**	3,906***	1,034	7,105*	6,502*	-1,637	2,332	-0,286	-3,587
Индекс дифференцированности доверия	-5,780***	-3,950*	0,140	-0,612	1,883	7,605**	-1,987	0,164	8,052***
Большинству людей можно доверять (опорное значение – Нужно быть очень осторожными в отношениях с людьми)	-0,308	0,064	-2,029	-0,286	-0,193	0,216	-0,652	-0,336	-0,689
Возраст	-0,063	0,008	-0,025	-0,232	-0,296*	-0,149	0,035	0,051	0,036
Пол мужской (опорное значение – женский)	-0,081*	-0,629	-0,468	-0,671	-0,206	0,071	-0,001	-0,070	-0,703

Специальность – социально-гуманитарная (опорное значение – естественнонаучная, техническая или математическая)	–0,764*	–0,906*	–1,824***	0,015	–0,018	0,515	0,113	0,706	0,320
Nagelkirke	13,2			10,5			22,7		
N	406			406			406		

Таблица 2 – Мультиномиальные логистические регрессионные модели эффекта индекса дифференцированности доверия на доверие к различным утверждениям (2)

	Согласно результатам недавно проведенного исследования открытая информация о профиле студента в социальных сетях позволяет предсказать его успеваемость с надежностью свыше 95%			На основании недавно опубликованного исследования можно сделать вывод, что любая, даже самая безобидная информация, размещенная в Интернете, может быть использована в непредсказуемых целях			Проведенные исследования показывают, что более вероятно найти работу благодаря случайным знакомым, чем близким друзьям		
	Достоверная информация	Ошибочная информация, размещенная без какого-либо злого умысла	Замаскированная реклама какого-либо продукта	Достоверная информация	Ошибочная информация, размещенная без какого-либо злого умысла	Замаскированная реклама какого-либо продукта	Достоверная информация	Ошибочная информация, размещенная без какого-либо злого умысла	Замаскированная реклама какого-либо продукта
Константа	1,262	4,558**	–5,353	3,471	4,371	–9,943*	6,913**	3,307	0,446
Индекс дифференцированности доверия	–7,073***	–3,366***	2,844	–2,595	–5,425**	3,339	–5,365***	–2,442	5,170*

Большинству людей можно доверять (опорное значение – Нужно быть очень осторожными в отношениях с людьми)	–0,107	–0,334	0,103	0,143	0,687	1,336	0,313	–0,061	–0,250
Возраст	0,055	–0,105	0,100	–0,013	–0,115	0,262	–0,094	–0,014	–0,214
Пол мужской (опорное значение – женский)	–0,594	–0,305	0,134	–0,030	–0,358	13578*	–1,028**	–0,835*	0,026
Специальность – социально-гуманитарная (опорное значение – естественнонаучная, техническая или математическая)	0,474	0,045	0,130	0,276	–0,368	0,982	–0,631	–0,216	0,330
Nagelkirke	13,3			9,1			15,5		
N	406			406			406		

для страны опросами общественного мнения, объема выборки). В содержательном смысле обнаружено, что более высокое значение индекса дифференцированности доверия указывает на большую склонность выбирать категории, отражающие меньшее доверие – меньшую склонность принимать информацию как данность и вместо этого подозревать, что оцениваемое сообщение, возможно, не то, чем кажется, а его создание и распространение отражает скрытые намерения.

Таким образом, результаты исследования указывают на то, что индекс дифференцированности

доверия выполняет главную задачу, для решения которой был разработан, – позволяет дать количественную оценку уровня когнитивной сложности, задействованного при обработке информации. При этом обнаруженные эффекты индекса дифференцированности доверия на общий характер категоризации подтверждает еще один важный тезис: в информационном обществе, когда объем постоянно поступающей новой информации намного превышает когнитивные ресурсы, необходимые для ее последовательной систематической обработки, именно доверие к информации является

опцией по умолчанию, требующее существенно меньших когнитивных усилий, во время как недоверие представляет собой результат сомнения, которое требует более тщательного и, следовательно, более трудоемкого процесса оценки информации.

В практическом плане полученные результаты означают, что стимулирование более дифференцированной обработки информации может оказаться более эффективным способом развития критического отношения к информации, распространяемой в Интернете, чем простое указание на то, что значительная часть этой информации не является достоверной и надежной. Вместо простого деления информации на достойную и недостойную доверия целесообразно направлять просветительскую работу в область обучения различать разнообразные категории информационных сообщений.

Литература

1. Татарко, А.Н. Межличностное доверие как фактор социально-экономического развития / А.Н. Татарко // Социальная психология и общество. – 2014. – Т. 5(3). – С. 28–41.
2. Фабрикант, М.С. Механизмы формирования доверия к информации в Интернете: информационные пузыри или поляризация взглядов? / М.С. Фабрикант // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 3. Філасофія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2023. – № 3. – С. 111–116.
3. The effectiveness of short-format refutational fact-checks / Ecker U. K. H. [et al.] // British Journal of Psychology. – 2020. – Vol. 111(1). – P. 36–54.
4. Norris, P. In praise of skepticism: Trust but verify / P. Norris. – Oxford: Oxford University Press, 2022. – 320 p.
5. Dimant, E. Requiem for a nudge: Framing effects in nudging honesty / E. Dimant, G.A. Van Kleef, S. Shalvi // Journal of Economic Behavior & Organization. – 2020. – Vol. 172. – P. 247–266.
6. Alesina, A. Public Goods and Ethnic Divisions / A. Alesina, R. Baqir, W. Easterly // The Quarterly Journal of Economics. – 1999. – Vol. 114 (4). – P. 1243–1284.

Поступила в редакцию 18.01.2024

Дефиниции понятий «идентичность» и «гражданская идентичность» в качестве комплексного психолого-педагогического концепта

Ильин Е.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В статье рассматриваются дефиниции понятий «идентичность» и «гражданская идентичность» в качестве комплексного психолого-педагогического концепта.

Цель работы – операционализировать и представить дефиниции понятий «идентичность» и «гражданская идентичность» в качестве комплексного психолого-педагогического концепта.

Материал и методы. В качестве материала для данного исследования использовались труды ведущих отечественных и зарубежных психологов и педагогов, посвященные указанной теме. Работа была проведена с применением теоретических методов: систематизация, анализ психолого-педагогической литературы, концептуализация научных идей, сравнительно-исторический метод в ретроспективе исследуемой темы.

Результаты и их обсуждение. Гражданская идентичность как комплексный психолого-педагогический концепт представляет собой многогранный феномен, интегрирующий ценности, убеждения, установки и поведенческие паттерны, соответствующие нормам и ожиданиям общества. Она формируется в процессе взаимодействия личности с социальной средой и является результатом социализации и самосознания. Несмотря на различия в подходах, авторы сходятся во мнении, что гражданская идентичность является важнейшим фактором: (1) личностного развития: гражданская идентичность способствует формированию зрелой личности, способной к самоопределению, самореализации и ответственному поведению; (2) социальной адаптации: гражданская идентичность помогает человеку найти свое место в обществе, интегрироваться в его культуру и систему ценностей; (3) гражданской активности: гражданская идентичность стимулирует участие личности в жизни общества, его готовность к выполнению гражданских обязанностей.

Заключение. Исследование гражданской идентичности как психолого-педагогического концепта имеет важное значение для понимания изучаемого феномена, его функций и роли в личностном развитии и становлении человека как гражданина-белоруса. Анализ различных дефиниций подтверждает многогранность и сложность данного понятия. Гражданская идентичность охватывает как социально-психологические, так и личностные аспекты, являясь осознанием индивидом своей принадлежности к определенному государству и обществу, и интегрируя ценности, убеждения, установки и поведенческие паттерны.

Ключевые слова: идентичность, гражданин, гражданская идентичность, гражданское общество, гражданская социализация.

Definitions of the Concepts of Identity and Civic Identity as a Comprehensive Psychological and Pedagogical Construct

Ilyin E.A.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The article examines the definitions of the concepts of identity and civic identity as a comprehensive psychological and pedagogical construct.

The purpose of the work is operationalize and present the definitions of the concepts of identity and civic identity as a comprehensive psychological and pedagogical construct.

Material and methods. The materials for this study included works by leading domestic and foreign psychologists and educators on the topic. The research was conducted using theoretical methods such as the systematization and analysis of psychological and pedagogical literature, the conceptualization of scientific ideas, and the comparative-historical method in the retrospective study of the topic.

Findings and their discussion. Civic identity, as a comprehensive psychological and pedagogical construct, represents a multifaceted phenomenon that integrates values, beliefs, attitudes, and behavioral patterns that conform to societal norms and expectations. It is formed through the interaction between an individual and the social environment and results from socialization and self-awareness. Despite differing approaches, the authors agree that civic identity is a crucial factor in: (1) personal development: civic identity contributes to the formation of a mature personality capable of self-identification, self-realization, and responsible behavior; (2) social adaptation: civic identity helps individuals find their place in society, integrating into its culture and value system; (3) civic engagement: civic identity encourages individuals to participate in societal life and fulfil civic duties.

Conclusion. Studying civic identity as a psychological and pedagogical construct is vital for understanding this phenomenon, its functions, and its role in personal development and the formation of a person as a citizen of Belarus. Analysis of various definitions confirms the multifaceted and complex nature of the concept. Civic identity encompasses both social and psychological as well as personal aspects, representing an individual's awareness of belonging to a specific state and society, and integrating values, beliefs, attitudes, and behavioral patterns.

Key words: identity, citizen, civic identity, civil society, civic socialization.

Изучение гражданской идентичности как психолого-педагогического концепта выходит за рамки сугубо академических исследований, приобретая все большую теоретико-практическую значимость в контексте современных социальных реалий. В условиях трансформации социальных структур, возрастающей роли личности и глобализации вызовов, исследование гражданской идентичности становится ключом к становлению гражданина-белоруса в современном мире.

Гражданская идентичность как многогранный психолого-педагогический феномен является стержнем личности, определяющим ценности установки, поведение и чувство сопричастности к государству и обществу.

Исследование гражданской идентичности в качестве психолого-педагогического концепта обусловлено рядом предпосылок:

- личность сталкивается с новыми культурными кодами, ценностями и моделями поведения, что требует от них переосмысления своей принадлежности к определенному сообществу;
- психолого-педагогические исследования должны помочь выработать навыки критического мышления и информационной грамотности личности, необходимые для формирования устойчивой гражданской идентичности в условиях информационного воздействия;
- гражданская идентичность выступает как фактор, противостоящий дестабилизации общества и способствующий его консолидации;
- формирование у белорусской молодежи активной гражданской позиции, основанной на ценностях гражданской и патриотической культуры, толерантности и уважения к закону.

Т.А. Каратаева отмечает: «Дефиниция “идентичность” выступает одним из базовых понятий самостоятельных направлений междисциплинарных научных исследований (философских, психологических, педагогических) вследствие значимости ее ролевого функционала в процессах развития личности, определения тождественности и отражения восприятия самого себя, отношения к окружающим и реальному миру в контексте самосохранения индивида в социуме и обеспечения адекватного существо-

вания не только субъекта, но и всего сообщества в целом» [1].

В рамках настоящего исследования гражданской идентичности важно упомянуть о более раннем исследовании автора, где «теоретические основы гражданской идентичности сквозь призму современной психологии представлены в следующих подходах: неопрейдизм, экзистенциальная феноменология, социально-когнитивная теория, концепция социализации личности, символический интеракционизм, постмодернизм (интердетерминистское взаимодействие М. Бахтина). Данные подходы включают вопросы теоретико-методологической основы в исследовании различных аспектов личностно-гражданской идентификации и самоидентификации с обществом, что очень актуально в условиях современной Беларуси» [2, с. 86].

Материал и методы. В качестве материала для данного исследования использовались труды ведущих отечественных и зарубежных психологов и педагогов, посвященные указанной теме. Работа была проведена с применением теоретических методов: систематизация, анализ психолого-педагогической литературы, концептуализация научных идей, сравнительно-исторический метод в ретроспективе исследуемой темы. Данные методы позволили всесторонне представить дефиниции понятий «идентичность» и «гражданская идентичность» в качестве комплексного психолого-педагогического концепта, а также сформулировать научные предложения для дальнейших теоретических исследований относительно гражданской идентичности личности.

Отметим, что анализ научной психолого-педагогической литературы по проблеме исследования проводился, в том числе, при обработке и интерпретации библиографических списков в электронной библиотеке диссертаций и авторефератов Российской Федерации (DisserCat – электронная библиотека диссертаций), электронной библиотеке «eLIBRARY.RU» [3].

Результаты и обсуждение. Являясь предметом психологического анализа, идентичность рассматривается как: Г.У. Солдатов пишет: «Идентичность – это сосредоточение бытия,

внутренняя позитивная основа, подлинное бытие субъекта, решение стать “главным действующим лицом” внутри системы» [4]; При исследовании идентичности К.В. Злоказов отмечает «целостность целевых ориентиров, установок, убеждений, которые определяют развитие индивида при последовательном и непротиворечивом взаимодействии с обществом» [5]; С.Ф. Арутюнян указывает на следующее: «Идентичность — это сложная динамическая система организации потребностей, мотивов, способностей, убеждений, ценностей, установок, определяющая самоидентичность личности в пространстве и времени в результате единых процессов социализации и индивидуализации» [6].

В психологической науке идентичность рассматривается как сложное и многогранное понятие, которое охватывает аспекты личности в ее взаимодействии с социальной средой и включает в себя процессы самоидентификации, взаимодействия с социальными группами, формирования ценностных ориентаций, а также поиск смысла и уникальности собственной жизни. Идентичность рассматривается как динамический процесс, который формируется и изменяется под воздействием внутренних и внешних факторов, включая социокультурную среду, общественные ценности и личностные характеристики. Данный концепт представляет собой интегративное качество личности, определяющее ее осознание себя как члена определенного сообщества или группы, и является ключевым элементом самоопределения личности в обществе.

Теоретические и методологические основы изучения гражданской идентичности как психологической категории представлены в научных работах таких исследователей, как А.Г. Асмолов, О.А. Карабанова, М.С. Гусельцева [7], Н.В. Безгина [8], Н.Л. Иванова, Г.Б. Мазилова [9] и других.

В энциклопедическом словаре по психологии и педагогике под редакцией А.А. Вербицкого гражданская идентичность определяется как «осознание своей принадлежности к гражданскому сообществу конкретного государства, которое имеет значимый смысл для индивида» [10]; Н.В. Безгина в своих исследованиях описывает гражданскую идентичность как «динамичное образование, формируемое личностью через сравнение с другими, переосмысление ценностей и наполнение смыслом, а также через поиск своего нового места в социальной среде» [8]; А.А. Николаев рассматривает гражданскую идентичность как «интегративное качество, которое возникает

вследствие осознания личностью своей политико-правовой принадлежности к гражданскому сообществу» [11]. Гражданская идентичность действительно представляет собой многогранный и динамичный процесс, зависящий от множества факторов, включая личный опыт, социальные взаимодействия и гражданский контекст. Осознание принадлежности к гражданскому сообществу важно для формирования личностной и социальной идентичности, что, в свою очередь, влияет на чувство принадлежности и вовлеченности в общественную жизнь.

Исследования в области гражданской идентичности с позиции психологической науки позволяют понять ее роль в формировании гражданской активности личности. Гражданская идентичность включает в себя процессы сопряжения ценностей, референций, установок, а также интеграции личности в социокультурную среду. В целом гражданская идентичность представляет собой ключевой элемент социальной и психологической самоидентификации личности, определяющий ее взаимодействие с окружающим миром и участие в общественной жизни.

В педагогике понятие «идентичность» рассматривается следующим образом: «как один из ключевых смыслообразующих центров личности, который влияет на поведение индивида, его мышление, ценностные ориентации и жизненные смыслы» [9]; «как результат самопознания, формируемый через выделение субъектом значимых для себя других» [12]; «как совокупность символических средств самовыражения, с помощью которых индивид определяет свое отношение к таким социальным категориям, как общество, класс, национальность и другие» [13]. В педагогике идентичность предстает не просто как набор характеристик, а как динамичный процесс, непрерывно развивающийся под влиянием различных факторов. Идентичность выступает ключевым фактором, обуславливающим личностное становление человека, его поведение, ценностные ориентации, мышление и жизненные смыслы. Самопознание играет центральную роль в формировании идентичности. Через взаимодействие с окружающими, особенно со значимыми людьми, индивид выделяет для себя важные аспекты своей личности, осознавая свою принадлежность к определенным социальным группам. Идентичность не является статичной — она постоянно трансформируется под влиянием нового опыта, знаний и социальных взаимодействий.

Педагогические подходы к изучению идентичности подчеркивают значимость образовательной среды в процессе. Школа и другие образовательные учреждения играют важную роль в формировании идентичности, предоставляя молодежи разнообразные возможности для самовыражения и самоопределения. Через учебные программы, внеклассные мероприятия и взаимодействие с педагогами и сверстниками, учащиеся могут исследовать свои интересы, ценности и социальные роли, что способствует их личностному росту и развитию. Важность культурного контекста также не может быть недооценена. Культурные традиции, языковые особенности, исторические события и социальные нормы формируют уникальные рамки, в которых развивается идентичность – все эти элементы культуры не только обеспечивают фон для самоопределения, но и влияют на то, как индивид воспринимает и оценивает принадлежность к различным социальным группам и категориям. В этом контексте педагогическая практика должна учитывать культурное разнообразие и способствовать развитию межкультурной компетентности, что помогает учащимся уважать и ценить различные культурные идентичности. Кроме того, развитие информационных технологий и социальных сетей добавило новые измерения в процесс формирования идентичности. Виртуальные пространства предоставляют молодежи новые платформы для самовыражения и взаимодействия с другими, что существенно влияет на их идентичность. Влияние онлайн-коммуникаций и цифровых сообществ необходимо учитывать в педагогике, поскольку они становятся важной частью социальной жизни современных учащихся.

Педагогическая наука ставит задачу создания условий, в которых молодежь может исследовать свою идентичность, осознавать свои ценности, убеждения и интересы, а также развивать навыки самовыражения и адаптации к изменяющемуся миру. Изучение идентичности имеет большое значение для педагогической науки и практики. Понимание индивидуальных особенностей учащихся позволяет педагогам выстраивать эффективный образовательный процесс, создавать благоприятную атмосферу для самореализации каждого ребенка и воспитывать целостную личность.

Гражданская идентичность рассматривается в педагогических исследованиях следующими учеными. Т.А. Каратаева определяет гражданскую идентичность как «интегративное личностное качество, включающее знание о гражданском

обществе и демократическом поведении, а также ценностное отношение к Отечеству на основе позитивного восприятия культурного разнообразия и осознания себя членом гражданской общности» [1]. Л.С. Пастухова видит гражданскую идентичность как «социокультурное и мировоззренческое качество, выражающееся в осознанном принятии своей принадлежности к государству» [14]. Е.Н. Тазетдинова отмечает, что «гражданская идентичность, как профессионально значимое качество, включает в себя совокупность убеждений и качеств, необходимых для эффективного владения гражданскими навыками» [15]. Л.Ю. Максимова понимает под гражданской идентичностью «сложный процесс формирования гражданского мировоззрения, ценностного отношения к истории и культуре страны, а также готовности и способности исполнять гражданские права и обязанности» [16]. З.А. Жаде указывает, что гражданская идентичность основана на «потребности общества в интеграции через приобщение к общим ценностям и целям, выражаемым такими символами, как Родина, страна, государство» [17]. С.Н. Голикова определяет гражданскую идентичность как «осознание, восприятие и оценку собственной принадлежности к гражданскому обществу» [18].

Анализ представленных определений гражданской идентичности различными учеными-педагогами позволяет сделать вывод о ее многогранности и комплексности. Гражданская идентичность рассматривается как (1) личностное качество, включающее в себя знания, ценности, установки и поведенческие паттерны; (2) предстает как социокультурное и мировоззренческое образование, основанное на осознании своей принадлежности к государству и обществу; (3) выступает как профессионально значимое качество, необходимое для эффективного функционирования в современном обществе; (4) характеризуется как динамичный процесс, развивающийся под влиянием факторов: образование, воспитание, социальный опыт и личные ценности; (5) базируется на потребности общества в интеграции своих товарищей через приобщение к общим ценностям и целям; (6) предполагает осознанное восприятие своей принадлежности к гражданскому обществу, что выражается в готовности и способности исполнять гражданские права и обязанности.

Гражданская идентичность предстает как многогранный феномен, охватывающий различные аспекты личности и ее взаимодействия

Таблица – Дефиниции понятия «гражданская идентичность» как психолого-педагогического концепта

Автор	Содержание понятия	Источник
З.А. Жаде	«Гражданская идентичность основывается на потребности общества в интеграции, что осуществляется через приобщение к общим ценностям и целям, символизируемым такими понятиями, как Родина, страна, государство. Такие символы обретают конкретное содержание благодаря социокультурному контексту. Однако осознание ценностной системы общества является длительным процессом, что усложняет социализацию граждан, в ходе которой решаются ключевые вопросы формирования гражданской идентичности» [17]	Жаде, З.А. Особенности становления гражданской идентичности в образовательном процессе / З.А. Жаде // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2006. – № 3. – С. 114–121.
С.Н. Голикова	«Гражданская идентичность описывается как осознание индивидом своей принадлежности к гражданскому обществу, имеющее значимое значение для него. Гражданская идентичность основывается на результатах личного самоопределения и отражает его отношения с гражданским сообществом, а также выполнение определенных социальных ролей в его рамках» [18]	Голикова, С.Н. Особенности гражданской идентичности педагогов / С.Н. Голикова // Омский научный вестник. – 2011. – № 1. – С. 97–99.
А.А. Николаева	«Гражданская идентичность трактуется как интегративное качество, являющееся результатом осознания личностью политико-правовой принадлежности к сообществу граждан» [11]	Николаева, А.А. Гражданская идентичность в структуре социальных идентичностей личности / А.А. Николаева // Вестник практической психологии образования. – 2011. – № 4. – С. 67–70.
Н.В. Безгина	«Гражданская идентичность представляет собой динамическую конструкцию, формирующуюся в процессе личностного самосознания и социальной интеракции. Данный процесс включает в себя сопоставление с другими индивидами, пересмотр ценностных ориентиров, наполнение идентичности новыми смыслами и поиск своего места в социокультурном контексте» [8]	Безгина, Н.В. Психологическая структура гражданской идентичности / Н.В. Безгина // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2013. – № 3(1). – С. 241–249.
А.А. Вербицкий	В энциклопедическом словаре по психологии и педагогике гражданская идентичность определяется как «осознание принадлежности к сообществу граждан того или иного государства, имеющее для индивида значимый смысл» [10]	Вербицкий, А.А. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике / А.А. Вербицкий. – М.: 2013. – 85 с.
Т.А. Каратаева	Гражданская идентичность характеризуется как «интегративное личностное качество, включающее совокупность знаний о гражданском обществе и демократических нормах поведения. Понятие охватывает ценностное отношение к Родине, основанное на позитивном восприятии культурного многообразия, осознание своей принадлежности к гражданской общности. Гражданская идентичность также включает в себя опыт реализации гражданских прав и обязанностей, способствующий успешной социальной и политической активности старшеклассников и их устойчивости к социальным и идеологическим манипуляциям» [1]	Каратаева, Т.А. Формирование гражданской идентичности старшеклассников в ценностно-ориентационной деятельности: дис. ... канд. пед. наук / Т.А. Каратаева. – Оренбург, 2018. – 156 л.

Е.Н. Тазетдинова	Гражданская идентичность как ключевое качество личности в профессиональном аспекте представляет собой «совокупность убеждений и навыков, необходимых для эффективного проявления гражданского поведения» [15]	Тазетдинова, Е.Н. Формирование гражданской идентичности обучающихся колледжа: дис. ... канд. пед. наук / Е.Н. Тазетдинова. – Иркутск, 2019. – 156 л.
Л.С. Пастухова	Гражданская идентичность понимается как «социокультурное и мировоззренческое качество личности, проявляющиеся в сознательном принятии личностью своей принадлежности к государству» [14]	Пастухова, Л.С. Социально-проектная деятельность как пространство развития гражданской идентичности молодежи: дис. ... д-ра пед. наук / Л.С. Пастухова. – Москва, 2020. – 398 л.
Л.Ю. Максимова	Под гражданской идентичностью понимается «сложный поступательный процесс и результат становления гражданского мировоззрения, ценностного отношения к истории и культуре страны и народа, готовности и способности ответственно исполнять гражданские права и обязанности» [16]	Максимова, Л.Ю. Педагогическая система формирования гражданской идентичности обучающихся общеобразовательных организаций Министерства обороны Российской Федерации: дис. ... д-ра пед. наук / Л.Ю. Максимова. – Москва, 2021. – 474 л.

с обществом, и является ключевым фактором, обуславливающим социальную активность человека, его патриотические чувства. Важно отметить, что формирование гражданской идентичности является задачей всего общества, включая систему образования, семью и другие институты социализации. Педагоги играют особую роль в этом процессе, создавая условия для самопознания личности, развития ее критического мышления, воспитания гражданских чувств и активной жизненной позиции.

В таблице отражены интерпретации различных авторов относительно определения понятия «гражданская идентичность» в качестве психолого-педагогического концепта.

Гражданская идентичность рассматривается с разных сторон: как осознание принадлежности, личностное качество, динамичное образование, профессионально значимое качество. Несмотря на различия в подходах, все авторы сходятся во мнении, что гражданская идентичность является важнейшим фактором:

- личностного развития: гражданская идентичность способствует формированию зрелой личности, способной к самоопределению, самореализации и ответственному поведению;

- социальной адаптации: гражданская идентичность помогает человеку найти свое место в обществе, интегрироваться в его культуру и систему ценностей;

- гражданской активности: гражданская идентичность стимулирует участие человека в жизни общества, его готовность к выполнению гражданских обязанностей.

Заключение. Изучение гражданской идентичности как психолого-педагогического концепта имеет большое значение для понимания сущности этого феномена, его функций и роли в личностном развитии и становлении человека как гражданина. Анализ различных дефиниций, представленных в таблице, позволяет сделать вывод о многогранности и сложности этого понятия.

Гражданская идентичность включает в себя как социально-психологические, так и личностные аспекты. Гражданская идентичность является осознанием индивидом своей принадлежности к определенному государству и обществу, а также важным компонентом самосознания личности, интегрирующим ценности, убеждения, установки и поведенческие паттерны. Формирование гражданской идентичности личности – цель и задача системы образования, которая реализуется через различные методы и подходы к гражданскому воспитанию.

Исследование гражданской идентичности как психолого-педагогического концепта является актуальной и социально значимой задачей, решение которой вносит существенный вклад в развитие личности, общества и государства. Необходимо отметить, что данная тема требует дальнейшего изучения в следующих позициях:

– состояние проблемы исследования гражданской идентичности как междисциплинарного концепта;

– ретроспективный анализ основных проблем исследования гражданской идентичности;

– генезис исследований гражданской идентичности в определении содержания изучения данного концепта относительно его субъекта;

– исследования гражданской идентичности в установлении содержания изучения данного концепта в специфике типов образовательных учреждений Республики Беларусь и т.д.

Таким образом, важно продолжать исследовать различные подходы к определению гражданской идентичности, факторы, влияющие на ее формирование, а также разрабатывать новые методы и подходы к гражданскому воспитанию, учитывающие современные вызовы.

Литература

1. Каратаева, Т.А. Формирование гражданской идентичности старшеклассников в ценностно-ориентационной деятельности: дис. ... канд. пед. наук / Т.А. Каратаева. – Оренбург, 2018. – 156 л.
2. Ильин, Е.А. Операционализация феномена гражданской идентичности в традициях философской и психологической культуры / Е.А. Ильин, С.Л. Богомаз // Право. Экономика. Психология. – 2023. – № 3(31). – С. 82–87.
3. Научная электронная библиотека диссертаций и авторефератов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/>. – Дата доступа: 31.05.2024.
4. Солдатова, Г.У. Психология межэтнической напряженности [Текст] / Г.У. Солдатова. – М.: Смысл, 1998. – С. 40–64.
5. Злоказов, К.В. Современные модели развития идентичности личности (в контексте эриксоновской традиции) [Текст] / К.В. Злоказов // Педагогическое образование в России. – 2015. – № 11. – С. 99–108.
6. Арутюнян, С.Ф. Концептуальный анализ феномена идентичности и особенности ее формирования, развития и проявления [Текст]: автореф. дис. ... д-ра психол. наук / С.Ф. Арутюнян. – Ереван, 2007. – 42 с.
7. Асмолов, А.Г. Формирование гражданской идентичности как ключевая задача образования и социокультурной модернизации России / А.Г. Асмолов, О.А. Карабанова, М.С. Гусельцева. – М.: Фед. ин-т развития образования, 2012. – 252 с.
8. Безгина, Н.В. Психологическая структура гражданской идентичности / Н.В. Безгина // Изв. Тул. гос. ун-та. Гуманит. науки. – 2013. – № 3(1). – С. 241–249.
9. Иванова, Н.Л. Гражданская идентичность и формирование гражданственности / Н.Л. Иванова, Г.Б. Мазилова // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Акмеология образования. Психология развития. – 2010. – № 4. – С. 11–20.
10. Вербицкий, А.А. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике / А.А. Вербицкий. – М., 2013. – 85 с.
11. Николаева, А.А. Гражданская идентичность в структуре социальных идентичностей личности / А.А. Николаева // Вестник практ. психологии образования. – 2011. – № 4. – С. 67–70.
12. Григорьев, Д.В. Школьная идентичность ребенка [Текст]: поворот к ответственной воспитательной политике / Д.В. Григорьев // Науч.-метод. журн. зам. директора школы по воспит. работе. – 2013. – № 4. – С. 32–38.
13. Казанова, Е.П. Идентичность школьников как проблема в педагогической психологии [Текст] / Е.П. Казанова // Изв. РГПУ им. А.И. Герцена. – 2012. – № 152. – С. 222–228.
14. Пастухова, Л.С. Социально-проектная деятельность как пространство развития гражданской идентичности молодежи: дис. ... д-ра пед. наук / Л.С. Пастухова. – Москва, 2020. – 398 с.
15. Тазетдинова, Е.Н. Формирование гражданской идентичности обучающихся колледжа: дис. ... канд. пед. наук / Е.Н. Тазетдинова. – Иркутск, 2019. – 156 л.
16. Максимова, Л.Ю. Педагогическая система формирования гражданской идентичности обучающихся общеобразовательных организаций Министерства обороны Российской Федерации: дис. ... д-ра пед. наук / Л.Ю. Максимова. – Москва, 2021. – 474 л.
17. Жаде, З.А. Особенности становления гражданской идентичности в образовательном процессе / З.А. Жаде // Вестн. Адыгей. гос. ун-та. – 2006. – № 3. – С. 114–121.
18. Голикова, С.Н. Особенности гражданской идентичности педагогов / С.Н. Голикова // Омск. науч. вестн. – 2011. – № 1. – С. 97–99.

Поступила в редакцию 05.06.2024

Субъективное социальное благополучие мужчин и женщин в зависимости от наличия близкого друга (на примере ранней взрослости)

Лаптева А.В., Андреева И.Н.

Учреждение образования «Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой»

В психологии интерес к проблеме благополучия личности сохраняется на протяжении всей истории психологической науки. Особое внимание уделяется качеству межличностных отношений как основе субъективного социального благополучия.

Цель исследования – выявить совместное влияние пола и наличия близкого друга на показатели субъективного социального благополучия в ранней взрослости.

Материал и методы. Эмпирический метод – опрос. Применялась методика «Субъективное социальное благополучие» Т.В. Данильченко. Методы обработки данных – непарный t-критерий (Стьюдента) и многофакторный дисперсионный анализ (ANOVA). Выборка исследования – 100 человек: 50 мужчин и 50 женщин ($M=24,0$; $SD=6,23$).

Результаты и их обсуждение. Установлено, что у женщин по сравнению с мужчинами более выражена социальная заметность (социальная значимость, влияние личности в социуме). На выборке в целом отмечено, что у индивидов, имеющих близкого друга в отличие от респондентов, его не имеющих, преобладают показатели субъективного социального благополучия: «социальная заметность», «хорошие отношения с близкими» (удовлетворенность взаимоотношениями с близкими людьми, наличие поддержки и признания с их стороны), «социальное одобрение» (уважение и признание со стороны окружающих), «положительные социальные суждения» (доверие к людям, вера в их доброту, честность), а также общий показатель субъективного социального благополучия.

Выявлено, что женщины при наличии близкого друга по сравнению с респондентками, у которых такой друг отсутствует, характеризуются более выраженной социальной заметностью, более позитивными отношениями с близкими, большей выраженностью социального одобрения, менее выраженной социальной дистантностью, а также более высокими показателями субъективного социального благополучия в целом. У мужчин влияние наличия/отсутствия близкого друга на показатели субъективного социального благополучия не установлено.

Заключение. Субъективное социальное благополучие – интегральное социально-психологическое образование, отражающее субъективную оценку успешности функционирования индивида в социальной среде. Наличие близкого друга влияет на его отдельные показатели, а также на интегральный показатель у женщин.

Ключевые слова: субъективное социальное благополучие, социальная заметность, социальная дистантность, хорошие отношения с близкими, социальное одобрение, положительные социальные суждения, ранняя взрослость (молодость).

Subjective Social Well-Being of Men and Women Depending on the Presence of a Close Friend (Using the Example of Early Adulthood)

Lapteva A.V., Andreyeva I.N.

Education Establishment "Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk"

In psychology, interest in the problem of personal well-being has remained throughout the history of psychological science. Particular attention is paid to the quality of interpersonal relationships as the basis of subjective social well-being.

The purpose of the study is to identify the joint influence of gender and the presence of a close friend on indicators of subjective social well-being in early adulthood.

Material and methods. The empirical method was a survey. The methodology "Subjective social well-being" by T.V. Danilchenko was used. The data processing methods were unpaired t-test (Student's t-test) and multivariate analysis of variance (ANOVA). The study sample was 100 people: 50 men and 50 women ($M=24.0$; $SD=6.23$).

Findings and their discussion. It has been established that women have more pronounced social visibility (social significance, influence of the individual in society) compared to men. In the sample as a whole, it was established that among individuals who have a close friend, in contrast to respondents who do not have one, indicators of subjective social well-being predominate: "social visibility", "good relationships with loved ones" (satisfaction with relationships with close people, availability of support and recognition on their part), "social approval" (respect and recognition from others), "positive social judgments" (trust in people, belief in their kindness, honesty), as well as a general indicator of subjective social well-being.

It was revealed that women who have a close friend, compared to respondents who do not have such a friend, are characterized by: more pronounced social visibility, more positive relationships with loved ones, greater expression of social approval, less pronounced

social distance, as well as higher rates of subjective social well-being generally. Regarding men, the effect of the presence/absence of a close friend on indicators of subjective social well-being has not been established.

Conclusion. *Subjective social well-being is an integral social and psychological education that reflects a subjective assessment of the success of an individual's functioning in the social environment. The presence of a close friend affects his/her individual indicators, as well as women's integral indicator.*

Key words: *subjective social well-being, social visibility, social distance, good relationships with loved ones, social approval, positive social judgments, early adulthood (youth).*

Проблема благополучия личности является одной из фундаментальных в психологии, поэтому интерес к ней сохраняется на протяжении всей истории психологической науки. Общее представление о благополучии человека существовало еще с древних времен. Оно соотносилось с другими понятиями, такими как «счастье», «удовлетворенность жизнью», «качество жизни» и являлось популярной для размышления философов Античности темой. В психологии исследования на тему психологического благополучия проводится по двум направлениям: гедонистическому (субъективное благополучие) и эвдемонистическому (психологическое благополучие).

Понятие «психологическое благополучие» вошло в психологическую науку и практику относительно недавно. На данный момент отсутствует единое определение этого понятия, а также четкие критерии для его оценки. Существует большое количество подходов к определению психологического благополучия, в частности, подход К. Рифф [1; 2], Л.В. Куликова [3], Т.Д. Шевеленковой [4], однако несмотря на это, содержание указанного понятия до сих пор четко не определено.

В рамках своего исследования мы будем придерживаться определения психологического благополучия, предложенного Т.Д. Шевеленковой и П.П. Фесенко, согласно которому психологическое благополучие есть интегральный показатель степени направленности человека на реализацию основных компонентов позитивного функционирования (личностного роста, самопринятия, управления средой, автономии, цели в жизни, позитивных отношений с окружающими), а также степени реализованности этой направленности, субъективно выражающейся в ощущении счастья, удовлетворенности собой и собственной жизнью [4; 5].

Вследствие выделения в психологическом благополучии социального фактора был введен термин «субъективное социальное благополучие». Украинский психолог Т.В. Данильченко разработала собственную модель субъективного

социального благополучия, рассматриваемого в качестве составной части психологического благополучия [6]. Субъективное социальное благополучие определяется ею следующим образом: субъективное социальное благополучие (ССБ) есть интегральное социально-психологическое образование, которое отражает субъективную оценку (позитивное переживание) успешности функционирования индивида в социальной среде [7]. Основными измерениями ССБ являются: социальная заметность (т.е. социальную значимость личности, влияние личности в социуме), социальная дистантность (отчужденность от социальных отношений, которая характеризуется переживанием негативных эмоциональных состояний), хорошие отношения с близкими (удовлетворенность взаимоотношениями с близкими людьми, наличие поддержки и признания с их стороны), социальное одобрение (уважение и признание со стороны окружающих) и позитивные социальные суждения (доверие к людям, вера в их доброту, честность). ССБ – значимый параметр социального функционирования. В результате анализа литературных источников по проблеме исследования можно сделать вывод о том, что важной основой субъективного социального благополучия является качество межличностных отношений.

Субъективное социальное благополучие современных мужчин и женщин периода ранней взрослости зависит от многих факторов и имеет свою специфику. Однако важнейшим фактором являются межличностные отношения. В связи с тем, что ранняя взрослость характеризуется уникальной социальной ситуацией развития, которая предполагает принятие роли полноценного члена общества и выполнение таких психосоциальных задач, как начало профессиональной карьеры, создание семьи, рождение и воспитание детей, поддержание существующих и установление новых межличностных связей. Субъективное социальное благополучие в ранней взрослости обусловлено такими особенностями, как активное развитие и интерес к дальнейшей жизни.

В этот период продолжают развиваться и устанавливаться дружеские отношения. Дружба определяется как отношения между людьми, основанные на взаимной привязанности, общности интересов, симпатии [8]. Интересны для нашего исследования различия мужской и женской дружбы. Согласно результатам ряда исследований женская дружба характеризуется большей непосредственностью и эмоциональностью, женщины склонны разделять друг с другом опыт и переживания. Рассказывая друг другу о наболевшем, слушая и давая советы, женщины лучше используют психотерапевтический потенциал дружбы [9], в то время как мужчины обычно общаются и делятся опытом, предаваясь различным совместным занятиям. П. Райт указывает, что женщины общаются скорее «лицом к лицу», а мужчины – «плечом к плечу» [10].

По представленным выше причинам исследования влияния на субъективное социальное благополучие дружеских отношений с учетом пола респондентов особенно актуальны в период ранней взрослости.

Цель исследования – выявить совместное влияние пола и наличия близкого друга на показатели субъективного социального благополучия в ранней взрослости.

Материал и методы. В качестве *эмпирического метода* использовался опрос. Первоначально посредством опроса было определено наличие / отсутствие близкого друга у респондентов мужского и женского пола. Далее для диагностики ССБ применялась *методика* «Субъективное социальное благополучие» Т.В. Данильченко [6].

В качестве *методов обработки данных* применялись непарный t-критерий (Стьюдента) и многофакторный дисперсионный анализ (ANOVA).

Выборка исследования – 100 человек: 50 мужчин и 50 женщин в возрасте от 20 до 40 лет ($M=24,0$; $SD=6,23$).

Результаты и их обсуждение. На первом этапе исследования были сопоставлены показатели субъективного социального благополучия: 1) у мужчин и женщин и 2) у респондентов без учета пола в зависимости от наличия/отсутствия близкого друга – при помощи непарного t-критерия Стьюдента. Исходя из того, что эксцесс и асимметрия по всем показателям, по модулю не превышают единицу, распределение диагностических показателей рассматривалось как близкое к нормальному, на основании чего в дальнейшем мы сочли возможным использовать для обработки данных параметрические методы.

В результате сопоставления мужчин и женщин установлено, что такой показатель субъективного социального благополучия, как «социальная заметность» преобладает у испытуемых женского пола ($M_{\text{м}}=39,82$, $SD_{\text{м}}=9,21$ и $M_{\text{ж}}=43,94$, $SD_{\text{ж}}=11,36$, $p=0,05$). Иными словами, женщины чувствуют себя более социально значимыми и влиятельными, чем мужчины.

По итогам сопоставления индивидов, имеющих и не имеющих близкого друга, установлено, что такие показатели субъективного социального благополучия, как «социальная заметность» ($M_{\text{есть}}=42,85$, $SD_{\text{есть}}=10,08$ и $M_{\text{нет}}=32,00$, $SD_{\text{нет}}=9,95$, $p=0,002$), «хорошие отношения с близкими» ($M_{\text{есть}}=41,57$, $SD_{\text{есть}}=5,17$ и $M_{\text{нет}}=35,00$, $SD_{\text{нет}}=9,42$, $p=0,001$), «социальное одобрение» ($M_{\text{есть}}=36,13$, $SD_{\text{есть}}=5,58$ и $M_{\text{нет}}=29,78$, $SD_{\text{нет}}=7,56$, $p=0,002$), «положительные социальные суждения» ($M_{\text{есть}}=18,54$, $SD_{\text{есть}}=4,59$ и $M_{\text{нет}}=15,11$, $SD_{\text{нет}}=5,55$, $p=0,04$), «общий показатель субъективного социального благополучия» ($M_{\text{есть}}=119,44$, $SD_{\text{есть}}=24,70$ и $M_{\text{нет}}=88,00$, $SD_{\text{нет}}=35,17$, $p=0,0007$) преобладают у респондентов, имеющих близкого друга.

На втором этапе исследования при помощи многофакторного дисперсионного анализа было изучено совместное влияние пола и наличия близкого друга на показатели субъективного социального благополучия. Были выявлены следующие главные эффекты: влияние наличия близкого друга на социальную заметность ($p=0,0009$), социальную дистантность ($p=0,02$), хорошие отношения с близкими ($p<0,001$), социальное одобрение ($p=0,002$), положительные социальные суждения ($p=0,03$), общий показатель субъективного социального благополучия ($p<0,001$), а также влияние пола на показатели хороших отношений с близкими ($p<0,001$). Однако в рамках данного исследования в соответствии с его целью мы подробно проанализируем только эффекты взаимодействия. Они представлены ниже.

Определены следующие значимые эффекты взаимодействия переменных «пол» и «наличие близкого друга» относительно шкал «Социальная заметность» ($F(1,96)=3,81$; $p=0,05$), «Социальная дистантность» ($F(1,96)=6,33$; $p=0,013$), «Хорошие отношения с близкими» ($F(1,96)=18,12$; $p=0,001$), «Социальное одобрение» ($F(1,96)=8,54$; $p=0,004$), «Общий показатель субъективного социального благополучия» ($F(1,96)=10,78$; $p=0,001$).

Первоначально рассмотрим эффект взаимодействия переменных «пол» и «наличие близкого друга» относительно шкалы «Социальная заметность».

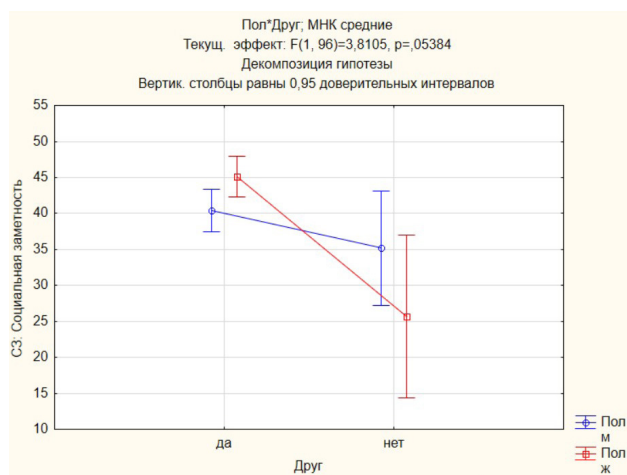

Рисунок 1 – Влияние пола и наличия близкого друга на социальную заметность

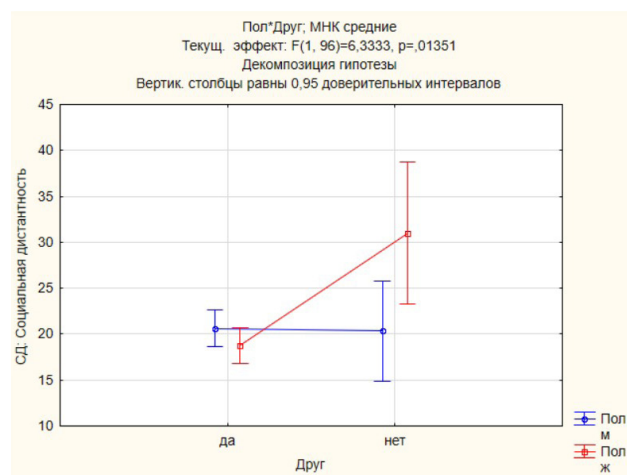

Рисунок 2 – Влияние пола и наличия близкого друга на социальную дистантность

Примечание. Здесь и далее: пол респондентов: «м» – мужской, «ж» – женский; наличие близкого друга: «да» – близкий друг имеется, «нет» – близкий друг отсутствует.

Таблица 1 – Влияние пола и наличия близкого друга на социальную заметность (апостериорный критерий Дункана)

Пол	Наличие близкого друга	(1) M=40,45	(2) M=35,17	(3) M=45,11	(4) M=25,67
		уровни значимости			
Мужской	да		0,30	0,37	<0,001
Мужской	нет	0,30		0,07	0,07
Женский	да	0,37	0,07		<0,001
Женский	нет	<0,001	0,07	<0,001	

Примечание. Здесь и далее: М – среднее арифметическое.

На рисунке 1 представлено, что женщины, имеющие близкого друга, отличаются более высокими показателями социальной заметности, в отличие от женщин, не имеющих близкого друга. Такая же тенденция и у мужчин, однако это выражено в меньшей степени. Кроме того, женщины, имеющие близкого друга, имеют более высокие показатели социальной заметности, чем мужчины при наличии близкого друга. Мужчины, не имеющие близкого друга, отличаются более высокой социальной заметностью, чем женщины без близкого друга.

Достоверность приведенных выше различий была проверена с использованием апостериорного критерия Дункана (таблица 1).

Из таблицы 1 видно, что на мужской выборке влияния наличия/отсутствия близкого друга

на показатели социальной заметности не выявлено ($p>0,05$). На женской выборке обнаружено, что у респонденток при наличии близкого друга уровень социальной заметности более высок, чем при его отсутствии ($p<0,001$).

Далее рассмотрим эффект взаимодействия переменных «пол» и «наличия близкого друга» относительно шкалы «Социальная дистантность».

На рисунке 2 представлено, что на женской выборке респондентки, не имеющие близкого друга, отличаются более высокими показателями социальной дистантности, в отличие от испытуемых, имеющих близкого друга. Такая же тенденция обнаруживается и у мужчин, однако она выражена незначительно. Кроме того, женщины, не имеющие близкого друга, отличаются более высокими показателями социальной дистантности,

Таблица 2 – Влияние пола и наличия близкого друга на социальную дистантность (апостериорный критерий Дункана)

Пол	Наличие близкого друга	(1) M=20,63	(2) M=20,33	(3) M=18,74	(4) M=31,00
		уровни значимости			
Мужской	да		0,93	0,61	<0,001
Мужской	нет	0,93		0,65	<0,001
Женский	да	0,61	0,65		<0,001
Женский	нет	<0,001	<0,001	<0,001	

Таблица 3 – Влияние пола и наличия близкого друга на хорошие отношения с близкими (апостериорный критерий Дункана)

Пол	Наличие близкого друга	(1) M=40,84	(2) M=40,00	(3) M=42,25	(4) M=25,00
		уровни значимости			
Мужской	да		0,75	0,60	<0,001
Мужской	нет	0,75		0,44	<0,001
Женский	да	0,60	0,44		<0,001
Женский	нет	<0,001	<0,001	<0,001	

чем мужчины с данной характеристикой. Респондентки, имеющие близкого друга, отличаются меньшим показателем социальной дистантности, чем мужчины при наличии близкого друга.

Достоверность приведенных выше различий была проверена с использованием апостериорного критерия Дункана (таблица 2).

Из таблицы 2 видно: на женской выборке обнаружено, что у респондентов при наличии близкого друга уровень социальной дистантности более низок, чем при его отсутствии ($p < 0,001$). На мужской выборке влияния наличия/отсутствия близкого друга на показатели социальной дистантности не выявлено ($p > 0,05$).

Вместе с тем определено, что женщины, не имеющие близкого друга, отличаются более высокими показателями социальной дистантности, чем мужчины с такой характеристикой ($p < 0,001$). У мужчин наличие/отсутствие близкого друга на достоверном уровне не влияет на социальную дистантность ($p > 0,05$).

Далее проанализируем эффект взаимодействия переменных «пол» и «наличие близкого друга» относительно шкалы «Хорошие отношения с близкими».

На рисунке 3 представлено, что женщины, имеющие близкого друга, отличаются более

высокими показателями хороших отношений с близкими. Такая тенденция у мужчин не выражена. Кроме того, мужчины, не имеющие близкого друга, отличаются более высокими показателями хороших отношений с близкими, чем женщины, не имеющие близкого друга.

Достоверность приведенных выше различий была проверена с использованием апостериорного критерия Дункана (таблица 3).

Из таблицы 3 можно сделать вывод, что у мужчин при наличии близкого друга уровень хороших отношений с близкими более высок, чем при его отсутствии ($p < 0,001$). Напротив, на мужской выборке влияния наличия/отсутствия близкого друга на показатели хороших отношений с близкими не выявлено ($p > 0,05$). Мужчины, не имеющие близкого друга, отличаются более высокими показателями хороших отношений с близкими, чем женщины без близкого друга ($p < 0,001$).

Далее мы рассмотрим эффект взаимодействия переменных «пол» и «наличие близкого друга» относительно шкалы «Социальное одобрение».

На рисунке 4 представлено, что женщины, имеющие близкого друга, отличаются более высокими показателями социального одобрения, чем респондентки, не имеющие близкого друга. Такой тенденции у мужчин не наблюдается.

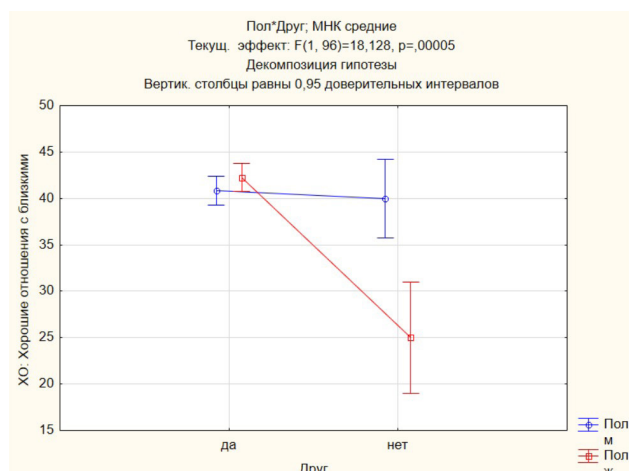

Рисунок 3 – Влияние пола и наличия близкого друга на хорошие отношения с близкими

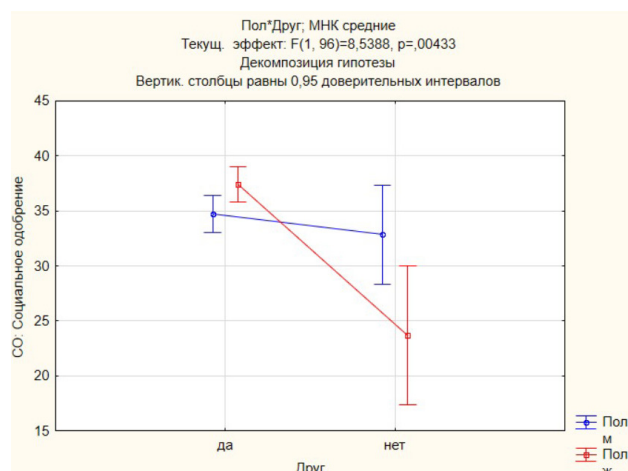

Рисунок 4 – Влияние пола и наличия близкого друга на социальное одобрение

Таблица 4 – Влияние пола и наличия близкого друга на социальное одобрение (апостериорный критерий Дункана)

Пол	Наличие близкого друга	(1) M=34,72	(2) M=32,83	(3) M=37,44	(4) M=23,66
		уровни значимости			
Мужской	да		0,51	0,35	<0,001
Мужской	нет	0,51		0,13	<0,001
Женский	да	0,35	0,13		<0,001
Женский	нет	<0,001	<0,001	<0,001	

Кроме того, мужчины, не имеющие близкого друга, отличаются более высокими показателями социального одобрения, чем женщины без него.

Достоверность приведенных выше различий была проверена с использованием апостериорного критерия Дункана (таблица 4).

Из таблицы 4 можно сделать вывод, что на женской выборке обнаружено, что у респондентов при наличии близкого друга уровень социального одобрения выше, чем при его отсутствии ($p<0,001$). На мужской выборке влияния наличия/отсутствия близкого друга на показатели социального одобрения не выявлено ($p>0,05$).

Кроме того, мужчины, не имеющие близкого друга, отличаются более высокими результатами социального одобрения, чем женщины при его отсутствии ($p<0,001$).

Проанализируем эффект взаимодействия переменных «пол» и «наличия близкого друга» относительно интегральной шкалы «Субъективное социальное благополучие».

На рисунке 5 представлено, что женщины, имеющие близкого друга, отличаются более высокими показателями субъективного социального благополучия, чем женщины, не имеющие близкого друга. Такая тенденция у мужчин не выражена. Кроме того, мужчины, не имеющие близкого друга, отличаются более высокими показателями субъективного социального благополучия, чем женщины с такой же характеристикой.

Достоверность приведенных выше различий была проверена с использованием апостериорного критерия Дункана (таблица 5).

Из таблицы 5 можно сделать вывод, что на мужской выборке влияния наличия/отсутствия близкого друга на показатели субъективного социального благополучия не выявлено ($p>0,05$).

На женской выборке обнаружено, что у респондентов при наличии близкого друга уровень субъективного социального благополучия выше, чем при его отсутствии ($p<0,001$).

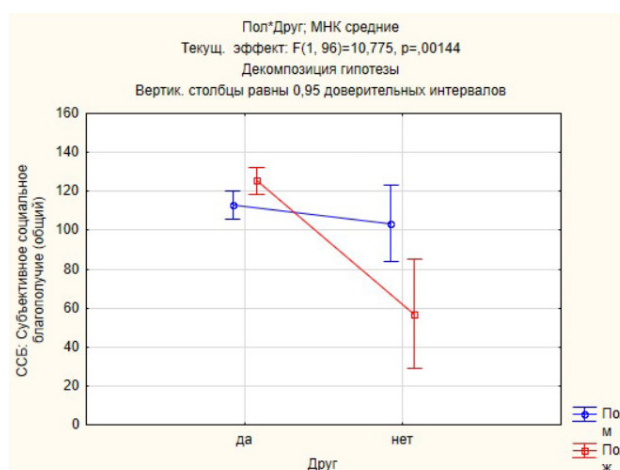

Рисунок 5 – Влияние пола и наличия близкого друга на общий показатель субъективного социального благополучия

Таблица 5 – Влияние пола и наличия близкого друга на общий показатель субъективного социального благополучия (апостериорный критерий Дункана)

Пол	Наличие близкого друга	(1) M=113,00	(2) M=103,50	(3) M=125,47	(4) M=57,00
		уровни значимости			
Мужской	да		0,46	0,33	<0,001
Мужской	нет	0,46		0,10	<0,001
Женский	да	0,33	0,10		<0,001
Женский	нет	<0,001	<0,001	<0,001	

Кроме того, мужчины, не имеющие близкого друга, отличаются более высокими показателями субъективного социального благополучия, чем женщины с такой характеристикой ($p<0,001$).

По отношению к показателю субъективного социального благополучия «положительное социальное суждение» совместного влияния независимых переменных «пол» и «наличие близкого друга» не установлено ($p>0,05$).

Перейдем к обсуждению полученных результатов. Обнаружено, что показатель социальной заметности более выражен у женщин, чем у мужчин. Преобладание социальной заметности у женщин по сравнению с мужчинами может быть обусловлено тем, что исторически женщины сталкивались с гендерной дискриминацией, и им было гораздо труднее достичь высокого социального статуса, чем мужчинам. В настоящее время ситуация изменилась, все большее количество женщин получают высшее образование и участвуют в управлении, кроме того они осоз-

нают социальную значимость своих семейных ролей – жены, матери. Например, в 2024 году в Беларуси женщины получают высшее образование чаще, чем мужчины. Согласно данным Министерства труда и социальной защиты около 40% женщин имеют высшее образование, а почти 30% – среднее специальное [11]. Возможно, по этим причинам женщины чувствуют себя в социуме более влиятельными, чем мужчины. Интересно, что подобные различия были обнаружены нами и на выборке студентов: социальная заметность преобладала у девушек по сравнению с юношами [12].

Установлено, что респонденты, имеющие близкого друга, отличаются более высокими показателями социальной заметности, хороших отношений с близкими, социального одобрения, положительных социальных суждений и более выраженным общим показателем субъективного социального благополучия. В предыдущих исследованиях было установлено, что студенты

независимо от пола при наличии близкого друга характеризуются менее выраженной социальной дистантностью [12; 13].

Объяснить результаты настоящего исследования можно тем, что индивиды, у которых есть близкий друг, более прочно связаны с социумом. Дружеская помощь и поддержка может способствовать повышению социального статуса и улучшению положения в обществе. Друзья оказывают друг другу эмоциональную поддержку. Они делятся опытом и информацией, а также помогают в трудных ситуациях. Друзья часто становятся наставниками, вдохновляющими на саморазвитие и достижение новых целей, а это свою очередь приводит к признанию и уважению окружающих. В связи с этим наличие близких дружеских отношений позволяет человеку почувствовать себя удовлетворенным социальными отношениями в целом. Однако возможно и другое объяснение полученных нами результатов: имея хорошие отношения с социальным окружением, позитивно относясь к людям, легче расположить их к себе и приобрести близкого друга, чем в обратной ситуации.

Выявлено, что женщины при наличии близкого друга по сравнению с респондентками, у которых такой друг отсутствует, характеризуются: более выраженной социальной заметностью, более позитивными отношениями с близкими, большей выраженностью социального одобрения, менее выраженной социальной дистантностью, а также более высокими показателями субъективного социального благополучия в общем. Иными словами, при наличии близкого друга женщины чувствуют себя более социально значимыми, более удовлетворенными взаимоотношениями с близкими людьми, в большей мере чувствующими признание и уважение по отношению к себе, менее отчужденными от социальных отношений и склонными переживать соответствующие негативные эмоциональные состояния, а также более высоко оценивающими успешность своего функционирования в социальной среде.

Отмечая значимость женской дружбы в контексте социальных отношений, следует отметить, что дружба для женщин является «катализатором понимания себя, позволяя ответить на вопросы: “кто я” и “чем я отличаюсь от других”»? [14]. Согласно результатам исследования Ю.Е. Орловой, А.Ю. Чернова женщины используют дружбу для удовлетворения в первую очередь своих потребностей, а затем уже партнера, так как видит свою личность ценной для самой себя [14].

Таким образом, близкие эмоциональные отношения являются для женщин своеобразным «зеркалом», позволяющим познать себя как личность, свои потребности и собственное место в социуме. Кроме того, учитывая, что женщины более эмоциональны, чем мужчины, для них, очевидно, очень важна психотерапевтическая функция дружбы.

Что касается мужчин то, возможно, по мере взросления дружеские отношения у них все менее влияют на субъективное социальное благополучие. Так, если по результатам предыдущего исследования юноши, имеющие близкого друга, характеризуются более выраженными показателями позитивных отношений и более низким уровнем социальной дистантности [13], то в настоящем исследовании установлено, что между мужчинами с близким другом и без него значимые различия по показателям ССБ не выявлены.

Заключение. Таким образом, субъективное социальное благополучие определяется как интегральное социально-психологическое образование, отражающее субъективную оценку успешности функционирования индивида в социальной среде. Его основными структурными компонентами являются: социальная заметность (социальная значимость личности, влияние личности в социуме), социальная дистантность (отчужденность от социальных отношений, которая характеризуется переживанием негативных эмоциональных состояний), хорошие отношения с близкими (удовлетворенность взаимоотношениями с близкими людьми, наличие поддержки и признания с их стороны), социальное одобрение (уважение и признание со стороны окружающих) и позитивные социальные суждения (доверие к людям, вера в их доброту, честность).

В результате эмпирического исследования на достоверном уровне установлено, что у женщин в период ранней взрослости по сравнению с мужчинами более выражена социальная заметность. На выборке в целом установлено, что у индивидов, имеющих близкого друга в отличие у респондентов, его не имеющих, преобладают такие показатели субъективного социального благополучия, как «социальная заметность», «хорошие отношения с близкими», «социальное одобрение», «положительные социальные суждения», «общий показатель субъективного социального благополучия».

Выявлено, что в наибольшей мере наличие близкого друга оказывает влияние на показатели ССБ у лиц женского пола. Так, женщины при наличии близкого друга по сравнению с респон-

дентками, у которых такой друг отсутствует, характеризуются: более выраженной социальной заметностью, более позитивными отношениями с близкими, большей выраженностью социального одобрения, менее выраженной социальной дистантностью, а также более высокими показателями субъективного социального благополучия в целом. У мужчин наличие/отсутствие близкого друга на показатели субъективного социального благополучия не влияет.

Литература

1. Ryff, C.D. Psychological Well-Being / Encyclopedia of Gerontology. – 1996. – P. 365–369.
2. Ryff, C.D. Psychological well-being in adult life / C.D. Ryff // Current Direction in Psychological Science. – 1995. – № 4. – P. 99–104.
3. Куликов, Л.В. Психогигиена личности. Вопросы психологической устойчивости и психопрофилактики: учеб. пособие / Л.В. Куликов. – СПб.: Питер, 2004. – 464 с.
4. Шевеленкова, Т.Д. Психологическое благополучие личности (обзор основных концепций и методика исследования) / Т.Д. Шевеленкова, П.П. Фесенко // Психол. диагностика. – 2005. – № 3. – С. 95–123.
5. Фесенко, П.П. Осмысленность жизни и психологическое благополучие личности: автореф. ... дис. канд. психол. наук / П.П. Фесенко. – М.: РГГУ, 2005. – 24 с.
6. Данильченко, Т.В. Питальник «Суб'єктивне соціальне благополуччя»: методологічне обґрунтування і процедура розробки / Т.В. Данильченко // Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe (East European Scientific Journal). Politologia. – 2015. – № 3. – С. 20–29.
7. Данильченко, Т.В. Типы переживания субъективного социального благополучия / Т.В. Данильченко // European journal of education and applied psychology. – 2016. – № 2. – С. 48–53.
8. Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – 4-е изд., расшир. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2009. – С. 10.
9. Krüger, W. Wie man Freunde fürs Leben gewinnt: vom Glück einer besonderen Beziehung / W. Krüger. – Freiburg: Herder, 2010. – 192 S.
10. Wright, P.H. Men's friendship, women's friendship and the alleged inferiority of the latter / P.H. Wright // Sex roles. – 1982. – Vol. 8, № 1. – P. 1–20.
11. Минтруда: в Беларуси уровень образованности женщин выше уровня образованности мужчин / [Электронный ресурс] // Белта : [сайт]. – URL: <https://www.belta.by/society/view/mintruda-v-belarusi-uroven-obrazovannosti-zhenschiny-vyshe-urovnya-obrazovannosti-muzhchin-619783-2024/> (дата обращения: 01.06.2024).
12. Андреева, И.Н. Зависимость психологического и субъективного социального благополучия девушек и юношей от наличия близкого друга / И.Н. Андреева, А.В. Лаптева // Весн. Брэсц. дзярж. ун-та. Сер. 3. – 2023. – № 3. – С. 102–111.
13. Партаевич (Лаптева), А.В. Различия в уровне счастья, удовлетворённости жизнью, психологического и субъективного социального благополучия у студентов, обусловленное наличием у них близких отношений / А.В. Партаевич, И.Н. Андреева // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Е. Пед. науки. – 2022. – № 7. – С. 64–72.
14. Орлова, Ю.Е. Структура и содержание женской дружбы / Е.Ю. Орлова, А.Ю. Чернов // IN SITU. – 2022. – № 4. – С. 29–33.

Поступила в редакцию 06.06.2024

Агиевец Светлана Владимировна – заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат юридических наук, доцент.

Андреева Ирина Николаевна – профессор кафедры технологии и методики преподавания Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой, доктор психологических наук, профессор.

Багдасарян Герман Алексеевич – студент 3-го курса юридического факультета ВГУ имени П.М. Машерова.

Бурак Яна Андреевна – адвокат Витебской областной коллегии адвокатов, юридической консультации № 1 г. Витебска, магистр.

Горбылева Зоя Михайловна – доцент кафедры экономики и управления туристической индустрией УО «Белорусский государственный экономический университет», кандидат экономических наук, доцент.

Ильин Егор Артемович – аспирант кафедры педагогики и образовательного менеджмента ВГУ имени П.М. Машерова.

Квасникова Вера Владимировна – доцент кафедры коммерческой деятельности и рынка недвижимости УО «Белорусский государственный экономический университет», кандидат экономических наук, доцент.

Курлович Руслан Васильевич – начальник отдела Государственного пограничного комитета Республики Беларусь, адъюнкт ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь».

Лаптева Анастасия Валерьевна – выпускница специальности «практическая психология» Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой.

Мартынова Александра Вячеславовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры экономики и информационных технологий Витебского филиала УО ФПБ «Международный университет «МИТСО».

Ораметов Эзиз Дортгулыевич – аспирант отдела исследований в области государственного строительства и международного права Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, старший преподаватель кафедры правоведения и социально-гуманитарных дисциплин Витебского филиала УО ФПБ «Международный университет «МИТСО».

Павлыш Эдуард Владимирович – заведующий кафедрой информационных технологий и управления бизнесом ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат экономических наук, доцент.

Пастушеня Александр Николаевич – заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин УО ФПБ «Международный университет «МИТСО»», доктор психологических наук, профессор, заслуженный работник образования Республики Беларусь.

Петров Анатолий Петрович – доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат юридических наук, доцент.

Петров Владимир Анатольевич – старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса ВГУ имени П.М. Машерова, магистр юридических наук.

Побяржина Татьяна Павловна – заведующий кафедрой экономики и информационных технологий Витебского филиала УО ФПБ «Международный университет «МИТСО»», кандидат экономических наук, доцент.

Семёнова Елизавета Александровна – студентка 3-го курса факультета математики и информационных технологий ВГУ имени П.М. Машерова.

Типанова Елизавета Игоревна – студентка 3-го курса факультета математики и информационных технологий ВГУ имени П.М. Машерова.

Фабрикант Маргарита Сауловна – доцент кафедры социальной и организационной психологии Белорусского государственного университета, кандидат психологических наук, доцент.

Шамардина Ирина Александровна – заведующий кафедрой маркетинга УО «Белорусский национальный технический университет», кандидат экономических наук, доцент.

Agiyevets Svetlana Vladimirovna – Head of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Criminal Law and Criminal Process, PhD (Law), Assistant Professor.

Andreyeva Inryna Nikolayevna – Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk Department of Technology and Methodology of Teaching Professor, Dr.Sc. (Psychology), Professor.

Bagdasaryan German Alekseyevich – third year student of Vitebsk State P.M. Masherov University Law Faculty.

Burak Yana Andreyevna – Vitebsk Region Collegium of Advocates Lawyer, Legal Aid Bureau No1 of the City of Vitebsk, Master of Science.

Gorbyleva Zoya Mikhailovna – PhD (Economics), Associate Professor of the Department of Economics and Management of the Tourism Industry of Belarusian State Economic University, Assistant Professor.

Ilyin Egor Artemovich – Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Education Science and Education Management postgraduate student.

Kvasnikova Vera Vladimirovna – Assistant Professor of Belarusian State Economic University Department of Commercial Activities and Real Estate Market, PhD (Economics), Assistant Professor.

Kurlovich Ruslan Vasilyevich – Department Head of State Border Committee of the Republic of Belarus, Institute of Border Service of the Republic of Belarus Adjunct.

Lapteva Anastasiya Valeryevna – Practical Psychology graduate student of Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk.

Martynova Aleksandra Viacheslavovna – PhD (Psychology), International University MITSO Vitebsk Branch Department of Economics and Information Technologies Assistant Professor.

Orametov Ezyz Dortgulyevich – postgraduate student of State Building and International Law Research Department of the Institute of Law Research of the Republic of Belarus National Center for Law and Legal Research, Senior Lecturer of the International University MITSO Vitebsk Branch Department of Law and Social and Humanitarian Disciplines.

Pavlysh Eduard Vladimirovich – Head of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Information Technologies and Business Management, PhD (Economics), Assistant Professor.

Pastushenia Aleksandr Nikolayevich – Head of International University MITSO Department of Social and Humanitarian Disciplines, Dr.Sc. (Psychology), Professor, Honorable Worker of Education of the Republic of Belarus.

Petrov Anatoly Petrovich – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Criminal Law and Criminal Process, PhD (Law), Assistant Professor.

Petrov Vladimir Anatolyevich – Senior Lecturer Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Criminal Law and Criminal Process, Master of Law.

Pobiarzhina Tatyana Pavlovana – Head of International University MITSO Vitebsk Branch Department of Economics and Information Technologies, PhD (Economics), Assistant Professor.

Semyonova Elizaveta Alexandrovna – third year student of Vitebsk State P.M. Masherov University Mathematics and Information Technologies Faculty.

Tipanova Elizaveta Igorevna – third year student of Vitebsk State P.M. Masherov University Mathematics and Information Technologies Faculty.

Fabrykant Margaryta Saulovna – Assistant Professor of Belarusian State University Department of Social and Organization Psychology, PhD (Psychology), Assistant Professor.

Shamardina Iryna Aleksandrovna – Head of Belarusian National University of Technology Marketing Department, PhD (Economics), Assistant Professor.

Научно-практический журнал «Право. Экономика. Психология» публикует статьи, посвященные правовым проблемам всех направлений, актуальным аспектам в области экономики и психологии, обзорные научные материалы, сообщения, рецензии и др. Главными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. В первую очередь публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языке.

2. Каждая статья должна содержать следующие элементы:

- индекс УДК;
- название статьи;
- фамилия и инициалы автора (авторов);
- организация, которую он (они) представляет (-ют);

- введение;
- раздел «Материал и методы»;
- раздел «Результаты и их обсуждение»;
- заключение;
- список использованной литературы.

3. Название статьи должно отражать ее суть, быть по возможности лаконичным, содержать ключевые слова, что позволит индексировать статью.

4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на зарубежные публикации.

5. Раздел «Материал и методы» включает описание объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами), а также методики исследований и технических средств.

6. В разделе «Результаты и их обсуждение» автор должен проанализировать полученные результаты с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.

7. В заключении в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.

8. Список литературы должен включать не более 20 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется

в соответствии с требованиями ГОСТа 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.

9. Статьи сдаются в редакцию в одном экземпляре объемом не менее 0,35 авторского листа (14 000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows.

10. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Адрес электронной почты университета (nauka@vsu.by).

11. К статье прилагаются следующие материалы:

- реферат (200–250 слов), который должен полно передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи. Он должен иметь следующую структуру: введение, цель, материал и методы, результаты и их обсуждение, заключение;

- ключевые слова на языке оригинала;
- название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;
- номер телефона, адрес электронной почты автора;
- рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;
- экспертное заключение о возможности публикации материалов в открытой печати.

12. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательной проверке на оригинальность и корректность заимствований системой «Антиплагиат.ВУЗ». Для оригинальных научных статей степень оригинальности должна быть не менее 85%, для обзоров – не менее 75%.

13. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии журнала. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

14. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

15. Ответственность за приведенные в материалах факты, содержание и точность информации несут авторы.

Scientific and practical journal "Law. Economics. Psychology" publishes articles on legal issues in all directions, topical aspects of economics and psychology, survey research materials, reports, reviews, etc. The main criteria for the feasibility of the publication are novelty and originality of the article. We publish out of turn scientific articles of the final year postgraduates (including articles, which are prepared by them in co-authorship), provided that they fully comply with the requirements applied to scientific publications.

Requirements for submitting the articles

1. Manuscripts are available in Belarusian, Russian and English.

2. Each entry must contain the following elements:

- UDC index;
- title of the article;
- surname and initials of the author (s);
- represented organization;
- introduction;
- section "Material and methods";
- section "Findings and their discussions";
- conclusion;
- bibliography.

3. The title of the article should reflect its content, be concise, contain keywords that will index the article.

4. The introduction provides a brief overview of the literature on the issue, indicated previously unsolved questions, formulated and argued objective, reference to the work of other authors in recent years, as well as foreign publications.

5. Section "Material and methods" includes description of the objects and the content of the research conducted by the author (authors), as well as research methodologies and techniques.

6. In section "Findings and their discussion" the author analyzes the results in terms of their scientific novelty and compared with the corresponding known data. This section can be divided into subsections with explanatory subtitles.

7. In section "Conclusion" must be formulated compressed results which point the achievement of the assigned task, the novelty and the possibility of practical application.

8. References should include no more than 20 references. References are numbered in the order of their citation in the text. Serial numbers of links are written in square brackets by the scheme [1], [2]. References are made in accordance with the requirements of State Standard 7.1-2003. References to unpublished works and dissertations are not allowed. Full names of the copyright certificate and the deposited manuscript are

indicated, as well as the name of the organization that has brought the manuscript to depositing.

9. Article are submitted in a single copy of not less than 0,35 copyright page (14 000 printed characters, including spaces between words, punctuation marks, numbers, etc.), single-spaced, font Times New Roman, size 11 pt. This volume includes the text, the tables, and the references. Drawings and diagrams must be submitted as separate files in a jpg format. Papers should be prepared in Word for Windows.

10. In addition to the paper version of the article it is necessary to submit the electronic version of the material. The electronic and the paper versions should be identical. The electronic version should be sent to the email address of the University (nauka@vsu.by).

11. The article should be accompanied by the following materials:

- abstract (200-250 words), which should fully reproduce the content of the article, be fit for publication in the annotations to the journals separately from the article. It should have the following structure: introduction, objective, material and methods, results and discussion, conclusions;
- key words in the original language;
- name of the article, surname and name of the author (in full), place of employment, abstract and key words in English;
- the author's phone number, e-mail address;
- recommendation of the department (scientific laboratories) for printing;
- expert opinion on the possibility of publishing in the press.

12. All articles submitted to the editorial office of the journal are subject to mandatory verification of originality and correctness of borrowings by the AntiPlagiat.VUZ system. For original scientific articles the degree of originality should be at least 85%, for reviews – at least 75%.

13. By the decision of the Editorial Board the paper is sent for review, and then initialed by a member of the Editorial Board. If the article is returned to the author for revision it does not mean that it is accepted for publication. A revised version of the article should be reviewed by the Editorial Board. The submission date is the date when the final copy the articles is given to the Editorial Board.

14. Submission of articles previously published or accepted for publication in other editions is not allowed.

15. The authors carry responsibility for the facts provided in the articles, the content and the accuracy of the information.

Подписано в печать 10.09.2024. Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 11,63. Уч.-изд. л. 9,49. Тираж 60 экз. Заказ 120.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Право. Экономика. Психология» обязательна.